

**ВЛАДЛЕН
ЛОГИНОВ**

ЗАВЕТЫ ИЛЬИЧА

**«СИМ
ПОБЕДИШИ»**

Владлен Логинов

Заветы Ильича. Сим победиши

«Алисторус»

2017

УДК 82-94
ББК 85.374

Логинов В. Т.

Заветы Ильича. Сим победиши / В. Т. Логинов — «Алисторус»,
2017

ISBN 978-5-906947-25-3

Автор этой книги Владлен Терентьевич Логинов – советский и российский историк, специалист по истории Октябрьской революции и Гражданской войны, кинодраматург. Книга посвящена последнему периоду жизни и деятельности В. И. Ленина – от окончания Гражданской войны в России до ленинского «завещания». Нередко авторы, пишет В.Т. Логинов, повествуя о тех или иных исторических личностях, спешат поведать миру не то, о чем думали эти личности, что они писали, говорили и делали, не о том, при каких обстоятельствах это происходило и каков был общий контекст истории, а о том, что они, авторы, думают по этому поводу. В. Т. Логинов поставил перед собой иную задачу: «Донести до читателя то, что делал, говорил, писал, о чем размышлял Ленин в эти трудные годы. Отсюда и обилие цитат, что, конечно, утяжеляет повествование, но гораздо лучше, если читатель, размышляя над ленинскими текстами, сам придет к каким-то выводам, нежели впихивать ему нечто переваренное в чужой голове».

УДК 82-94

ББК 85.374

ISBN 978-5-906947-25-3

© Логинов В. Т., 2017

© Алисторус, 2017

Содержание

Глава 1	6
От «Гималаев» до «Сухаревки»	6
Голод	19
Программа «всерьез и надолго»	33
«Гражданский мир»	49
«Правильно понять свою задачу»	68
«Нет худа без добра»	83
Глава 2	104
«О пользе охоты на лис»	104
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Владлен Логинов
Заветы Ильича. Сим победиши

*Памяти драматурга
Михаила Шатрова*

Глава 1

Крутой поворот

От «Гималаев» до «Сухаревки»

Владимир Ильич любил горы. В юности, во время лодочных походов, он и его приятели с азартом карабкались на высоченный крутой берег Волги, откуда открывалась такая потрясающая панорама, как говорил позднее сам Ленин, такая «необъятная ширь», что казалось, будто и самой России нет ни конца, ни края.

А в сибирской ссылке, в Шушенском, настоящие горы всегда стояли перед его глазами. «На горизонте, – писал он матери, – Саянские горы или отроги их; некоторые совсем белые... Значит, и по части художественности кое-что есть, и я недаром сочинял еще в Красноярске стихи: “В Шуше, у подножья Саяна...”»¹ Но горы только начинались в 50 верстах от Шушенского, и удаляться от места ссылки столь далеко было недозволено.

В эмиграции, в Швейцарии, Ленин многократно взбирался на доступные для альпинистов-любителей альпийские вершины. Однажды совершил восхождение на Мон-Салев. Но тамошние маршруты были слишком исхожены и «окультурены». На некоторые вершины вообще можно было доехать на фуникулере. Может быть поэтому особенно запомнились, хотя и менее высокие, но более дикие галицийские Высокие Татры.

Летом 1913 года вместе с друзьями он поднимался на вершины Свинницы (2306 м.) и Рысов Польских (2499 м.). «Лазили мы, – рассказывал Осип Пятницкий, – долго, поднимаясь высоко по камням и хватаясь за железные скобы, вделанные в скалы. Большую часть пути пришлось идти по тропинке над огромным обрывом... Три раза мы начинали спускаться с горы и подниматься обратно, как только появлялось солнце...»

Другой участник восхождения – Александр Буцевич – вспоминал: шли по тропе к перевалу Заврат (2150 м.), «далее идет подъем по скале со склоном 50–60 градусов, и притом очень скользкой. Лишь при помощи железных скоб-клямр с большим трудом ползем на нее, но эти клямры расположены очень скупой, и в то время как стоишь ногами на одной из них, ближайшая от ноги почти достигает высоты пояса и заставляет подтягиваться на руках...»

Эта часть пути напоминает собой какую-то чудовищную лестницу – вернее, остатки от прикрепления лестницы в виде одиноких скоб, и уставший Ильич метко именует это “обезьяньей лестницей”, уверяя нас, что такой способ передвижения пригоден куда более для обезьян, чем для людей... Ильич искренне удивляется, что подъем так труден: “Труднее даже, чем на Мон-Салев, хотя тот и выше...”».

И, наконец, участник другого восхождения на Рысы – Сергей Багоцкий: «Тропинка шла небольшими зигзагами по крутому склону горы. Подходим почти к самой вершине. Осталось преодолеть небольшой, но самый трудный участок пути... Мы ясно различаем тропинку, ведущую на вершину. Но, чтобы на нее попасть, нужно было перебраться по острому скальному гребню, имеющему вид седла, бока которого спускаются почти отвесно в глубокие пропасти.

Я двигаюсь первым и благополучно проползаю по гребню. Оглядываюсь. Владимир Ильич на середине гребня задержался, но вот он двигается и добирается до меня. Оказывается, он не вовремя посмотрел вниз и почувствовал головокружение, которое, однако, быстро преодолел. Мы – на вершине!»

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 35.

Сергей Багоцкий предлагает начать спуск по менее опасной тропе. Но Ленин, понимая, что спуск будет еще более сложным, чем подъем, настаивает на повторении маршрута...²

Как всякий альпинист-любитель, он, вероятно, мечтал и о Гималаях. Во всяком случае в январе 1922 года план статьи «Заметки публициста» Владимир Ильич начинает с записи: «“Альпинист”... в Гималаях»³.

А в самой статье, получившей подзаголовок «О восхождении на высокие горы, о вреде уныния, о пользе торговли, об отношении к меньшевикам и т. п.», – Ленин пишет: «Представим себе человека, совершающего восхождение на очень высокую, крутую и не исследованную еще гору. Допустим, что ему удалось, преодолевая неслыханные трудности и опасности, подняться гораздо выше, чем его предшественники, но что вершины все же он не достиг.

...Двигаться вперед по избранному направлению и пути оказалось уже не только трудно и опасно, но прямо невозможно. Ему пришлось повернуть назад, спускаться вниз, искать других путей, хотя бы более длинных, но все же обещающих возможность добраться до вершины».

Происходящее далее Владимир Ильич описывает вполне профессионально: «Спуск вниз... представляет опасности и трудности, пожалуй, даже большие, чем подъем: легче оступиться; не так удобно осмотреть то место, куда ставишь ногу; нет того особо приподнятого настроения, которое создавалось непосредственным движением вверх, прямо к цели, и т. д.».

Чтобы было понятно тем, кто не ходил в горы, Ленин не пользуется профессиональной терминологией – никаких «клямр», «альпенштоков» и т. п. «Приходится обвязывать себя веревкой, – пишет он, – тратить целые часы, чтобы киркой вырубать уступы или места, где бы можно было крепко привязать веревку, приходится двигаться с черепашей медленностью и притом двигаться назад, вниз, дальше от цели, и все еще не видать, кончается ли этот отчаянно опасный, мучительный спуск...

Едва ли не будет естественным предположить, что у человека, оказавшегося в таком положении, являются, – несмотря на то, что он поднялся неслыханно высоко, – минуты уныния. И, вероятно, эти минуты были бы многочисленнее, чаще, тяжелее, если бы он мог слышать некоторые голоса снизу, наблюдающие из безопасного далека, в подзорную трубу, этот опаснейший спуск, который нельзя даже назвать ... “спуском на тормозах”, ибо тормоз предполагает хорошо рассчитанный, уже испытанный экипаж... А тут ни экипажа, ни дороги, вообще ничего, ровно ничего испытанного ранее!

Голоса же снизу, – замечает Владимир Ильич, – несутся злорадные. Одни злорадствуют открыто, улюлюкают, кричат: сейчас сорвется, так ему и надо, не сумасшествуй!» Это те, кто изначально, явно или тайно желали, чтобы альпинист свернул себе шею. Они и притащились сюда с подзорной трубой, чтобы воочию увидеть, как он будет падать и как острые выступы скал будут рвать его тело...

«Другие, – продолжает Ленин, – стараются скрыть свое злорадство... Они скорбят, вознося очи горь. К прискорбию наши опасения оправдываются! Не мы ли, потратившие всю жизнь на подготовку разумного плана восхождения на эту гору, требовали отсрочки восхождения, пока наш план не кончен разработкой?» При любой человеческой драме им важно прежде всего отметить: «я ведь говорил, я предупреждал...»

То есть в принципе они совсем не против того, чтобы человек взбирался на вершины. Они за... Но только после того, как будут созданы все необходимые условия и предпосылки, которые могли бы гарантировать достижение цели.

И дело даже не в том, что этот безумец наверняка погибнет («смотрите, смотрите, он пошел назад, он спускается вниз, он целыми часами готовится себе возможность подвиг...

² См.: Яковлев Б. В. Страницы автобиографии. М.: «Молодая гвардия», 1967. С. 463, 464, 465. (Верстка книги, запрещенной цензурой, хранится в РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 51. Д. 94.); Воспоминания о В. И. Ленине. В пяти томах. Т. 2. М., 1989. С. 324, 325; «Огонек». 1933. № 2 (462). С. 3, 4.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 501.

нуться на какой-нибудь аршин! а нас поносил подлейшими словами, когда мы систематически требовали умеренности и аккуратности!»). Но главное даже не в том, что он неминуемо сорвется – главное он способен «скомпрометировать этот великий план вообще!»

Владимир Ильич достаточно точно воспроизводит те слова, которые на протяжении многих лет ему приходилось выслушивать от подобного рода публики: «Если мы так страстно боролись против пути, оставляемого теперь и самим безумцем... – если мы так горячо осуждали безумца и предостерегали всех от подражания и помощи ему, то мы делали это исключительно из любви к великому плану восхождения на данную гору...»

«К счастью, наш воображаемый путешественник, в условиях взятого нами примера, – замечает Ленин, – не может слышать голосов этих “истинных друзей” идеи восхождения, а то бы его, пожалуй, стошнило. Тошнота же, говорят, не способствует свежести головы и твердости ног, особенно на очень больших высотах. <...>

“Ихний” лагерь злорадствует, ликует или проливает крокодиловы слезы... по поводу нашего отступления, нашего “спуска вниз”, нашей новой экономической политики. Пусть злорадствуют... Каждому свое. А мы не дадим себя во власть ни иллюзиям, ни унынию. Не бояться признавать своих ошибок, не бояться многократного, повторного труда исправления их – и мы будем на самой вершине»⁴.

«Пример – не доказательство, – признает Ленин. – Всякое сравнение хромает». И все-таки, пользуясь его же словами – «едва ли не будет естественным предположить», что очень схожую гамму чувств Владимиру Ильичу пришлось испытать к концу 1921 года – года, который Г. М. Кржижановский, по стечению многих обстоятельств, назвал «злосчастным».

Нередко авторы, повествующие о тех или иных исторических личностях, спешат повествовать миру не то, о чем думали эти личности, что они писали, говорили и делали, не о том, при каких обстоятельствах это происходило и каков был общий контекст истории, а о том, что они – авторы думают по этому поводу.

Портрет главного персонажа их повествования – по самым различным причинам и мотивам «внеисторического» свойства – давно сложился у них в голове. Остается лишь подобрать фразы, цитатки, факты и фактики, препарированные соответствующим образом.

Автор этой работы ставит перед собой иную задачу: донести до читателя то, что делал, говорил, писал, о чем размышлял сам Ленин в эти трудные годы. Отсюда и обилие цитат. Конечно, это утяжеляет повествование.

Но гораздо лучше, если читатель, размышляя над ленинскими текстами, сам придет к каким-то выводам, нежели всучивать ему нечто переваренное в чужой голове.

Итак, после шести лет непрерывных войн, неслыханных жертв, лишений и страданий, когда не раз казалось, что до падения в пропасть поражения всего лишь шаг, – война, наконец, подошла к концу.

Новейшие исследования свидетельствуют о том, что в годы Первой мировой войны в результате боевых действий было убито и умерло от ран 3 млн. 645 тыс. 965 солдат и офицеров русской армии. А с учетом потерь гражданского населения в районах боевых действий безвозвратные потери России составили 4 млн. 447 тыс. 405 человек. Добавьте к этому косвенные демографические потери и эта цифра возрастет до 6,5 миллионов.

В годы Гражданской войны, по сведениям, подтвержденным документальными данными, Красная армия потеряла 702 тыс. человек, из которых 407 тыс. – от ран и болезней. Потери белых армий исчисляются в 175 тыс., плюс 150 тыс. умерших от болезней. Однако, учитывая неполноту этих данных, есть основания полагать, что потери обеих сторон в ходе боевых действий составили около 2,5–3 млн. человек, причем в большинстве – от ран и болезней.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 415–417, 423.

Но еще больший урон стране, находившейся в блокаде, лишенной элементарных медикаментов, нанесли массовые эпидемии – гриппа («испанки»), сыпного и брюшного тифа, дизентерии и т. п., потери от голода, от сокращения рождаемости и роста смертности. Тут счет тоже шел на многие миллионы. Таковы «главные причины уменьшения числа населения».

Добавьте к этому еще 2 млн. россиян, оказавшихся в эмиграции. Из коих примерно 600 тыс. осели в Германии, 250 – во Франции, 200 – в Польше, 100 – в Турции и 100 тысяч в Китае. Все это, в совокупности, объясняет, почему общая численность населения России сократилась на много более 12 млн. человек⁵.

Дня победы никто не праздновал: еще велись бои в Приморье, оставались очаги мятежей в Тамбовщине, Туркестане и других регионах. Но было ощущение чуда – еще бы, «на нас перли 14 держав и наша взяла!»

Впрочем, в то время уже мало кто верил в чудеса. Но известная эйфория победы, ощущение человека, поднявшегося на невиданную доселе высоту, все-таки было. А вместе с ней и определенная романтизация так называемого «военного коммунизма», когда, казалось бы, исполнилась вековая мечта о ликвидации власти денег, всеобщем равенстве и т. п.

В одном из многочисленных и характерных для того времени документов – «Нерушимом обещании коммуниста» говорилось:

«Обещаюсь: встретить смерть за освобождение трудящихся от ига насильников с достоинством и спокойствием; не просить у врагов трудящихся пощады ни в бою, ни в плену...

Отрекаюсь: от накопления личных богатств, денег и вещей; считаю позором азартную игру и торговлю, как путь к личной наживе; считаю постыдным суеверие, как пережиток тьмы и невежества; считаю недопустимым делить людей по религии, языку, национальности, зная, что в будущем все трудящиеся сольются в единую семью...

Если же я отступлю от своих обещаний сознательно, корысти и выгоды ради, то буду отверженным и презренным предателем. Это значит, что я лгал себе, лгал товарищам, лгал своей совести и недостойн звания человека!»⁶

В феврале 1921 года «раз вечером захотелось Ильичу, – вспоминает Крупская, – посмотреть, как живет коммуной молодежь. Решили нанести визит нашей вхутемасовке – Варваре Арманд [ВХУТЕМАС – Высшие художественно-технические мастерские – В.Л.].

Был это голодный год, но было много энтузиазма у молодежи. Спали они в коммуне чуть ли не на голых досках, хлеба у них не было. “Зато у нас есть крупа!” – с сияющим лицом заявил дежурный член коммуны – вхутемасовец. Для Ильича сварили они из этой крупы важнецкую кашу, хотя и была она без соли.

Ильич смотрел на молодежь, на сияющие лица обступивших его молодых художников и художниц, и их радость отражалась у него на лице. Они показывали ему свои наивные рисунки, объясняли их смысл, засыпали его вопросами.

А он смеялся, уклонялся от ответов, на вопросы отвечал вопросами: “Что вы читаете? Пушкина читаете?” – “О нет! – выпали кто-то. – Он был ведь, буржуй. Мы – Маяковского!” Ильич улыбнулся: “По-моему, Пушкин лучше”»⁷

При всех симпатиях к этой молодежи Ленин прекрасно знал, что нельзя «витать в иллюзиях». Необходимо сохранять «ясность головы». И этот «одухотворенно-коммунарский» образ жизни, с его скудностью и бесплатностью минимальных жизненных благ, или, как, говорили тогда, «гигиеническим пайком», не может быть нормой жизни народа.

«История, – говорил Владимир Ильич, – знает превращения всяких сортов; полагаться на убежденность, преданность и прочие превосходные душевные качества – это вещь в политике

⁵ См.: Население России в XX веке. В трех томах. Том 1. М., 2000. С. 78, 96, 97, 102, 103, 105, 141, 142.

⁶ Драбкина Е. Я. Черные сухари. М., 1970. С. 336, 337.

⁷ Воспоминания о В. И. Ленине. В пяти томах. Т. 4. М., 1969. С. 334–337.

совсем не серьезная. Превосходные душевные качества бывают у небольшого числа людей, решают же исторический исход гигантские массы, которые, если небольшое число людей не подходит им, иногда с этим небольшим числом людей обращаются не слишком вежливо»⁸.

И тогда и теперь не утихают споры о том, кто первым «придумал» НЭП, подразумевая под этим именно весьма конкретную меру: введение натуралога вместо продразверстки. Эсеры и меньшевики указывали на то, что они выступали за подобного рода замену еще в 1919 году. Троцкий неоднократно напоминал, что он предлагал данное решение еще в марте 1920 года, но тогда большинство ЦК во главе с Лениным отвергло его⁹. Однако следует признать, что сама постановка этого вопроса – кто первый? – некорректна и надумана.

Продразверстку ввело царское правительство в 1916 году. В 1917-м ее пыталось самым решительным образом проводить Временное правительство, разработавшее – при активном участии эсеров и меньшевиков – всю систему и нормы изъятия у крестьян так называемых «излишков». И крестьянство с самого начала выступило против этой политики.

Поэтому еще 30 октября 1918 года Советское правительство приняло закон о введении вместо разверстки натурального налога. Провести его, однако, в жизнь не удалось. Отрезанная фронтами от всех хлебных регионов – Украины, Дона, Кубани, Поволжья, Сибири – Советская республика вынуждена была вернуться к продразверстке. Как справедливо заметил на V съезде Советов Я. М. Свердлов, война «вынуждает нас к целому ряду актов, к которым в период мирного развития мы бы никогда не стали прибегать».

О том же говорил на X съезде РКП(б) Ленин: «Взятие с крестьянских хозяйств излишков означало такую меру, которая в силу военных обстоятельств была нам навязана с абсолютной необходимостью...» Он считал, что тогда «другого выхода не было»¹⁰. Но вместе с тем и тогда Ленин прекрасно понимал, что «разверстка не “идеал”, а горькая и печальная необходимость. Обратный взгляд – опасная ошибка». Ибо эта система диктуется соображениями «не экономическими», она «сколько-нибудь мирным условиям существования крестьянского хозяйства не отвечает». И если прежде «мы приноравливались к задачам войны», то «теперь мы должны приноравливаться к условиям мирного времени».

А это значит, говорил Ленин, – «мы на натуральный налог начинаем смотреть иначе: мы смотрим на него не только с точки зрения обеспечения государства», т. е. спасения от голода армии, городов и фабрик. Теперь «мы ставим своей задачей максимум уступок, чтобы доставить мелкому производителю наилучшие условия для проявления своих сил»¹¹.

То есть для него вопрос состоял не в том, что лучше – продразверстка или продналог, а в том когда и в какой момент можно будет от чрезвычайных мер, вызванных войной, вернуться к нормальным экономическим условиям взаимоотношений с деревней.

Казалось бы, все ясно. Однако в нашей исторической журналистике до сих пор бытует мнение, высказанное в свое время меньшевиком Н. В. Валентиновым, полагавшим, что именно «чрезвычайщина» разверстки более всего соответствовала взглядам самого Ленина и для него «введение купли и продажи, обращения товаров, уход от системы “военного коммунизма” был вынужденным, но явным отступлением от “идеала”»¹².

Между тем, еще в 1919 году, когда система «военного коммунизма» окончательно сформировалась, и когда с выходом «Азбуки Коммунизма» Бухарина и Преображенского об этой системе стали поговаривать не как о «печальной необходимости», вынужденной войной, а как

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 94.

⁹ Троцкий Л. Д. Моя жизнь. М., 1991. С. 441, 581.

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 28, 79.

¹¹ Там же. С. 28, 29, 79, 381.

¹² Валентинов Н. В. Наследники Ленина. М., 1991. С. 97.

о политике, кратчайшим путем ведущей к цели, Ленин встретился с американским писателем Линкольном Стеффенсом.

Говоря о самозащите революции, Владимир Ильич взял карандаш и лист бумаги. «Взгляните, – сказал он и провел прямую линию. – Таков наш курс. Но... – и Ленин прочертил резкую кривую линию в сторону и поставил точку, – вот здесь мы находимся в настоящее время. Мы вынуждены были прийти сюда. Но наступит день и мы вернемся на прежний курс», – и он еще раз подчеркнул прямую линию¹³.

В нашей исторической журналистике до сих пор бытует также представление, согласно которому насильственное изъятие хлебных «излишков» являлось прерогативой и специфической особенностью именно Советской власти. Но это не так. И немецкие оккупанты на Украине, и эсеровский Комуч в Поволжье, и Колчак в Сибири, и Деникин на Юге также вынуждены были прибегать для продовольственного снабжения своих армий к реквизициям и конфискации.

Заметим, что и в Советской России продразверстка не была всеохватывающей системой. Новейшее исследование А. Ю. Давыдова свидетельствует о том, что значительная часть населения (в городах не менее половины, а в провинции и того больше) снабжалась через «черный рынок» с помощью «мешочников», из которых не все были действительно спекулянтами, а немалую их долю составляли и рабочие, которым разрешалось «самоснабжение», то есть самостоятельная заготовка хлеба¹⁴.

«Черный рынок» играл решающую роль в снабжении не только малых городов, но и обеих столиц – Петрограда и Москвы, где «Сухаревка» стала своеобразным символом «свободной торговли». Впрочем, и торговлей это трудно было назвать. Скорее, это был натуральный товарообмен сельхозпродуктов на городские предметы домашнего обихода, ювелирные изделия и т. п. Потому-то, получая мизерный паек от государства, и точили рабочие на предприятиях для обмена ножи и зажигалки.

Короче говоря, уж если искать «зачинщиков», то первыми за возвращение от продразверстки к натуральному налогу выступили сами крестьяне. И пока шла Гражданская война, они – в лучшем случае – относились к продотрядам лишь как к вынужденной и печальной необходимости. Эти настроения проявлялись на протяжении всей войны, и именно они объясняют постановку данного вопроса политическими деятелями, причем особенно настойчиво в начале 1920 года, когда появилась надежда на передышку.

Сергей Павлюченко, исследовавший предысторию НЭПа, привел интереснейшие факты. Уже в январе 1920 года III Всероссийский съезд Советов народного хозяйства принял предложение Ю. Ларина об упразднении продразверстки и установлении вдвое меньшего натурального. Однако это решение было дезавуировано, а самого Ларина вывели из состава Президиума ВСНХ. В апреле Северо-Двинская губпродколлегия поставила вопрос о замене реквизиций натуральным обложением. Но и эта инициатива не была поддержана, ибо война с Польшей в корне изменила обстановку.

В июне 1920 года харьковский чекист Н. Корчашкин прислал в ЦК РКП(б) обширное письмо. Он считал, что существующая продовольственная политика лишь «удлиняет гражданскую войну», что необходимо отменить твердые цены на хлеб и разрешить свободную торговлю. Тогда, по его мнению, – «между властью и крестьянством наступит мир».

В том же июне, на II Всероссийском продовольственном совещании, с предложением о введении натурального процентного обложения хозяйств с десятины, со свободой распоряжения излишками продуктов выступили делегаты от Кубани (Л. Г. Пригожин), Прикамья (А. С. Изюмов), Самары (Легких). А на созванном в июне ЦК РКП(б) II Всероссийском сове-

¹³ «Коммунист». 1988. № 6. С. 54.

¹⁴ Давыдов А. Ю. Мешочники и диктатура в России. СПб.: «Алетейя», 2007.

пани по работе в деревне член коллегии наркомпрода А. И. Свидерский, отвечая на аналогичные суждения, заявил, что разверстка уже имеет тенденцию превратиться в налог, а крестьяне фактически и так распоряжаются излишками по своему усмотрению.

Наконец, осенью того же года в Смоленской губернии «был осуществлен, – как пишет С. Павлюченко, – своеобразный мини-нэп... Хлебная кампания была начата 1 сентября и закончилась к 1 октября. Всего за месяц! В других губерниях продорганы, как правило, бились весь год за выполнение нарядов. Здесь же весь хлеб шел “самотеком”, то есть без малейшего нажима продотрядов.

В чем же причина такого успеха? Ответ прост: крестьянам было заблаговременно (в июне) сообщено, сколько они должны сдать хлеба и картофеля государству, и обещано, что больше с них брать не будут... В сентябре на стол В. И. Ленину легла информационная сводка ВЧК, где по Смоленской губернии отмечалось: “Отношение крестьянства к Советской власти за последнее время заметно улучшилось, причиной чего является изменение продовольственной политики”»¹⁵

С окончанием Гражданской войны, когда опасность возврата «старого режима» миновала, настал момент, когда стало возможным – не реализация предложений эсеров и меньшевиков или проекта Троцкого, а, как выразился Ленин, «удовлетворить желания беспартийного крестьянства». Тем более что само крестьянство уже не желало мириться с прежней политикой и решительно выступило против продразверстки. Отражением этих настроений и стали восстания на Тамбовщине, в Западной Сибири и Кронштадтский мятеж.

Сегодня уже чуть ли не общепринятым стало утверждение, согласно которому поворот к НЭПу произошел лишь под прямым давлением кронштадтских событий, из страха перед тем, что пушки крепости смотрели на Петроград, а сама крепость в любой момент могла стать плацдармом для интервенции, то есть нового витка гражданской войны. Но это утверждение неверно даже с чисто фактической стороны.

С освобождением Крыма Гражданская война в основном завершилась в ноябре 1920 года. 15 декабря «Правда» опубликовала извещение: «Вследствие прекращения боевых действий на фронтах, Полевой штаб Реввоенсовета республики приостанавливает выпуск ежедневных оперативных сводок». А 22 декабря Калинин собрал совещание беспартийных крестьян – делегатов VIII съезда Советов. Владимир Ильич пришел на это совещание. Устроился в сторонке поудобнее и стал записывать выступления.

О чем говорили крестьяне?

«Разверстка: у нас такой *нажим* был, что револьверы к вискам приставляли. Народ возмущен...» «Хлеб собирали под метлу. Ничего не осталось. Хозяйство разрушено войной...» Из Костромской губернии: «Заинтересовать надо крестьянина. Иначе не выйдет... Сельское хозяйство из-под палки вести нельзя». «Как заинтересовать? Просто: процентную разверстку хлеба, как на скот...»

Из Иваново-Вознесенской губернии: «При разверстке одинаково облагается и лодырь и старательный, что крайне несправедливо». Ему возражают: «Бывает, что называют лодырем. А нет на деле и сохи и бороны. На бедняка нельзя валить... Надо поддержать бедняка». И в адрес местных властей: «А люди только носят портфель, а ничего не сделали. Не можете – дайте разрешение достать...» Общее пожелание: надо «более к жизни близко и к сердцу бедных крестьян...»¹⁶

И так Ленин записывает 28 выступлений и рассылает свои записи всем членам ЦК партии и наркомам, ибо эти выступления и есть та самая реальная жизнь, которая диктует партии

¹⁵ См. статью С. Павлюченкова в кн.: Трудные вопросы истории. Поиски. Размышления. Новый взгляд на события и факты. М., 1991. С. 47–55.

¹⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 382–385.

программу действий. А уже 4 января 1921 года Владимир Ильич, выступая на Пленуме ЦК РКП(б), указывает на необходимость соединения предстоящей посевной с радикальным изменением политики и «правильным определением отношения к крестьянству»¹⁷.

30 января Ленин долго беседует с тверским крестьянином А. И. Гусевым, 9 февраля – с иркутским крестьянином О. И. Черновым, 14 февраля принимает представительную делегацию – два бедняка, два середняка и два кулака – из мятежной Тамбовщины. И со всеми – обстоятельный, деловой разговор, порой споры... В результате, в соответствии с решением Политбюро ЦК, уже 2 февраля, в 13 центральных губерниях России *продразверстка отменяется полностью*¹⁸.

16 февраля во время заседания Политбюро Владимир Ильич получил записку от секретаря ЦК Н. Н. Крестинского. Он сообщал, что в редакцию «Правды» поступила статья московского губпродкомиссара П. Сорокина и завгубземотделом М. Рогова, которые доказывали преимущества продналога перед продразверсткой. Статью прочел Каменев и предложил печатать ее, не медля.

Однако член редколлегии «Правды» Мещеряков и сам Крестинский сочли, что торопиться с публикацией подобного материала не следует. Их поддержал Сталин. «Сталин считает, – писал Крестинский, – стратегически невыгодным, чтобы канву для неизбежной дискуссии дали не мы; поэтому он за то, чтобы этой статьи не печатать без предварительного просмотра ее нами».

Ленин тут же отвечает: «Я статьи не видел, но полагаясь на Каменева (что вредного он не рекомендовал бы), подаю голос за то, чтобы *печатать завтра*». Статья Сорокина и Рогова «Разверстка или налог» была опубликована «Правдой» 17 и 26 февраля¹⁹.

28 февраля 1921 года, когда мятеж в Кронштадте только-только начинался, Владимир Ильич беседовал с владимирским крестьянином Иваном Афанасьевичем Чекуновым. Он уже бывал у Ленина и в 1919, и в 1920 году и всякий раз с наказами от крестьян, своими проектами.

«Старик со светлой головой...»; «очень интересный трудовой крестьянин, по-своему пропагандирующий основы коммунизма»; «сочувствует коммунистам, но не идет в партию, ибо ходит в церковь, христианин (отвергаю-де обряды, но верующий)» – так писал о нем Ленин.

А вот содержание разговора: «Улучшает хозяйство. Объехал Нижегородскую и Симбирскую губернию. Крестьяне, говорит, потеряли доверие к Соввласти. Можно ли, спрашиваю, поправить налогом? Думает, что да. В своем уезде добился, при помощи рабочих, смены худой Советской власти хорошею.

Вот за таких людей нам надо *изо всех сил* уцепиться для восстановления доверия массы крестьян. Это *основная* политическая задача и притом не терпящая отлагательства»²⁰.

Так что вопрос о том, чтобы политику в деревне «поправить налогом» решался до Кронштадта, а не после него, и, может быть, отчасти поэтому позднее Ленин с сожалением говорил об ошибках «несчастных кронштадтцев»²¹

Думающие рабочие также полагали, что политику в деревне надо срочно менять. Старый знакомый Владимира Ильича, питерский рабочий Василий Николаевич Каюров, писал из Сибири: необходим именно налог, «к которому с колыбели привыкло крестьянство и который психологически воспринимается им как наиболее законный и справедливый, а именно:

¹⁷ См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Ед. хр. 53. Л. 1.

¹⁸ Там же. Оп. 3. Ед. хр. 128. Л. 1, 5, 6.

¹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 52. С. 73, 367.

²⁰ Там же. Т. 52. С. 83, 85, 86, 372.

²¹ Там же. Т. 44. С. 107.

установление определенного налога с десятины, обязательно заранее декретированного... Этот метод мог бы дать самые положительные результаты и почти безболезненно»²².

4 февраля 1921 года, после выступления Ленина о необходимости пересмотра отношений рабочего класса с крестьянством, Московская конференция союза металлистов принимает резолюцию, в которой прямо указывалось, что существующая продовольственная политика не соответствует интересам ни рабочих, ни крестьян, а посему необходимо «заменить разверстку определенным натуральным налогом».

А 8 февраля, при обсуждении на Политбюро доклада Н. Осинского о подготовке к весеннему севу, Владимир Ильич формулирует проект тезисов, в которых требуется «удовлетворить желание беспартийного крестьянства о замене разверстки (в смысле изъятия излишков) хлебным налогом»²³.

Политбюро переносит этот вопрос в специальную комиссию. 17 февраля «Правда» открывает на своих страницах дискуссию по этому вопросу. И лишь 24 февраля Пленум ЦК РКП(б) принимает за основу проект постановления о переходе от разверстки к натуральному налогу²⁴.

Возникали ли по поводу данного решения какие-либо сомнения или разногласия? Безусловно, возникали. И дело не только в «инерции мышления» или доктринальных соображениях.

С чисто прагматической точки зрения продразверстка, при всех ее издержках, все-таки давала результат. Если в 1918 году с ее помощью удалось собрать 110 млн. пудов хлеба, то 1919 год дал 220, а 1920-й – более 285 млн. И это притом, что Временное правительство предполагало получить с помощью разверстки более миллиарда пудов. А вот продналог, по предварительным расчетам, мог дать в 1921-м лишь 240 млн. пудов²⁵.

Главное же, в условиях, когда военная опасность сохранялась, надо было ломать уже сложившуюся, ставшую привычной для управленцев *систему*. Высказывались и политические соображения. Михаил Иванович Калинин, хорошо знавший деревню, прямо писал, что если будет разрешена торговля, то «я не сомневаюсь, что не пройдет и двух лет, как нам придется делать новую революцию против народившихся капиталистов»²⁶. Так что основания для сомнений были.

В своей интереснейшей книге «Дискуссии об экономической политике в годы денежной реформы. 1921–1924» Юрий Маркович Голанд впервые обратил внимание на вышедшие в Нью-Йорке в 1945 году воспоминания известного ученого-химика, академика В. Н. Ипатьева, являвшегося в 20-е годы членом Президиума ВСНХ, а позднее ставшего «невозвращенцем». По его информации, при обсуждении ленинских предложений в ЦК Владимир Ильич якобы остался в меньшинстве. Тогда он решительно заявил, что в таком случае «отказывается быть лидером партии и уходит в отставку»²⁷.

Работавший в том же ВСНХ Н. Валентинов (Николай Владиславович Вольский), якобы со слов А. И. Свидерского, живописует данный эпизод более красочно...

«Полностью согласны с ним [Лениным], может быть только Красин и Цюрупа; все другие или молчат, или упираются. На одном совещании (Свидерский не указал на каком, а я о том не спросил) Ленин говорил: “Когда я вам в глаза смотрю, вы все как будто согласны со мной

²² Дробкина Е. Я. Зимний перевал. Изд. 2-е. М., 1990. С. 71.

²³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 333.

²⁴ Там же. Т. 43. С. 443, 434.

²⁵ Там же. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 9.

²⁶ См. статью С. Павлюченкова в кн.: Трудные вопросы истории. С. 58.

²⁷ Голанд Ю. М. Дискуссии об экономической политике в годы денежной реформы. 1921–1924. М.: «Экономика», 2006. С. 15.

и говорите да, а отвернусь, вы говорите нет. Вы играете со мной в прятки. В таком случае позвольте и мне поиграть с вами в одну принятую в парламентах игру.

Когда в парламентах главе правительства высказывается недоверие, он подает в отставку. Вы мне высказывали недоверие во времена заключения мира в Бресте, хотя теперь даже глупцы понимают, что моя политика была правильной. Теперь снова вы высказываете мне недоверие по вопросу о новой экономической политике.

Я делаю из этого принятые в парламентах выводы и двум высшим инстанциям – ВЦИКу и Пленуму – вручаю свою отставку. Перестаю быть председателем Совнаркома, членом Политбюро и превращаюсь в простого публициста, пишущего в «Правде» и других советских изданиях”.

– Ленин, конечно шутил!

– Ничего подобного. Он заявлял о том самым серьезным образом. Стучал кулаками по столу, кричал, что ему надоело дискутировать с людьми, которые никак не желают выйти ни из психологии подполья, ни из младенческого непонимания такого серьезного вопроса, что без НЭП неминуем разрыв с крестьянством.

Угрозой отставки Ленин так всех напугал, что сразу сломил выражавшееся многими несогласие. Например, Бухарин, резко возражавший Ленину, в 24 минуты из противника превратился в такого страстного защитника НЭП, что Ленин принужден был его сдерживать.

“У меня, – с иронией указывал Ленин, – допустим, 25 аргументов за введение НЭП; товарищ Бухарин к ним хочет прибавить еще 50. Боюсь, что своей массивной прибавкой он просто утопит НЭП, превратит его в нечто такое, с чем я уже согласиться не могу. Поэтому, лучше останемся с 25 аргументами”»²⁸.

Из рассказов двух мемуаристов, опубликовавших свои воспоминания спустя много лет после описываемых событий, вытекает лишь тот несомненный факт, что слухи об угрозе Ленина отставкой по ВСНХ действительно ходили. И какие-то основания для них, вероятно, были.

Что же касается той яркой сценки, которую живописал Николай Владиславович, то есть основания полагать, что продиктована она не столько его памятью и степенью информированности, сколько фантазией и литературным дарованием. О всех предшествующих случаях угрозы Ленина отставкой (в 1917 и 1918 году) сохранились и документы, и множество воспоминаний непосредственных свидетелей. В данном случае мы располагаем пока лишь информацией из «вторых рук».

Американский миллионер Арманд Хаммер, встречавшийся с Лениным и другими руководителями страны в 1921 году, писал: «Только сам Ленин мог стать инициатором этой политики, обозначившей одну из наиболее драматических и решительных перемен в истории нашего века; и Ленину пришлось опереться на колоссальные резервы доверия к нему, на всю свою магическую силу убеждения товарищей. Если бы нэп был предложен кем-либо еще, этого человека, наверное, расстреляли бы как предателя революции»²⁹.

Слухов тогда ходило множество, поэтому при анализе споров, происходивших на заседании Политбюро, можно полностью полагаться лишь на рассказ наркома продовольствия А. Д. Цюрупы, позиция которого по отношению к введению НЭПа вовсе не была столь однозначной. Воспоминания Александра Дмитриевича издавались еще при жизни других очевидцев данного события, и никто из них не уличал его в неточностях.

«Помню заседание Политбюро, на котором был разработан этот вопрос. Началось заседание. Главное участие в нем принимал В.И. и я, – пишет Цюрупа, – Владимир Ильич ругал нас бюрократами, распекал нас. Говорил: “Вы ошибаетесь; то, что раньше было правильным,

²⁸ Валентинов Н. НЭП и кризис партии. Воспоминания. Нью-Йорк, 1991. С. 31.

²⁹ Коммунист. 1988. № 2. С. 65.

теперь уже не подходит!” Оказалось, что я был не прав. Владимир Ильич выступал три раза, я тоже. Я в ответ на его нападки называл его талмудистом, буквоедом. Однако эта перебранка совершенно не повлияла на наши отношения».

Итак, Политбюро решило отменить продразверстку и перейти к продналогу. Вопрос должен был перейти на обсуждение на съезде партии. «Владимир Ильич, – пишет Цюрупа, – заходил к нам на квартиру и по 1½-2 часа просиживал с нами, доказывая необходимость введения продналога. Я говорил: “Владимир Ильич, я не буду делать доклада, а выступлю лишь содокладчиком к Вашему докладу”. Он сказал: “А все-таки между прочим скажите, что Вы за свободу торговли”»³⁰.

24 февраля Пленум ЦК РКП(б) принимает принципиальное решение о переходе к продналогу, а на X съезде партии создается специальная комиссия. «Комиссия эта, – пишет Цюрупа, – 5 часов работала над составлением резолюции. Однако эта резолюция принята не была. Тогда была выбрана комиссия, в которую вошли В.И., т. Каменев и я». По докладу Ленина 15 марта именно ее и утверждает X партийный съезд.

Отмена продразверстки и переход к продналогу сделали свое дело, в значительной мере сняв напряжение. И руководитель Тамбовского восстания Александр Антонов сказал на совещании комсостава: «Да, мужики победили. Хоть и временно, конечно. А вот нам, отцы-командиры, теперь крышка»³¹.

Он был прав: крестьянские восстания быстро пошли на убыль. Современный исследователь Виктор Викторович Кондрашин, специально изучивший обширный корпус документов о крестьянском движении в Поволжье в 1918–1922 годах, сделал фундаментальный вывод, не совпадающий, как он отметил, с мнением значительного числа исследователей.

«На наш взгляд, – пишет Кондрашин, – по своему характеру крестьянское движение... не было контрреволюционным, антисоветским и антикоммунистическим. Об антикоммунизме крестьян можно говорить лишь в том смысле, что их движение было направлено против “военно-коммунистической политики”...»

Крестьянский антикоммунизм проявлялся на уровне осуждения действий местной власти и в большинстве своем даже не распространялся на центральное руководство. Крестьянами оговаривалось, что за коммунизмом “великое будущее”. Идею его они считали “священной”... Именно поэтому деревня оказалась восприимчива к идеям большевизма, провела свою революцию, основанную на уравнилельных, “социалистических” принципах. В этой связи вполне естественным фактом стало отсутствие в документах повстанцев упоминаний о частной собственности на землю...

Поэтому в широком смысле слова, с точки зрения стратегической цели, – заключает В. В. Кондрашин, – можно согласиться с выводом В. П. Данилова и говорить не о поражении крестьянского движения, а о его победе, поскольку в 1922 году Советская власть принятием Земельного Кодекса законодательно осуществила лозунги и программу крестьянской революции»³².

Вроде бы комичный эпизод из знаменитого фильма «Чапаев», когда крестьянин спрашивал Василия Ивановича: «А ты за большевиков или за коммунистов?» – имел свою реальную основу. И об этом в июле 1921 года Ленин рассказал на III конгрессе Коминтерна.

Когда крестьяне выступали против нас, говорил Владимир Ильич, они заявляли: «“Мы большевики, но не коммунисты. Мы – за большевиков, потому что они прогнали помещиков, но мы не за коммунистов, потому что они против индивидуального хозяйства... Да, больше-

³⁰ РГАСПИ. Ф. 4. Оп. 2. Д. 2232. Л. 6.

³¹ «Антоновщина». Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1921 гг. Документы и материалы. Тамбов, 1994. С. 15.

³² Кондрашин В. В. Крестьянское движение в Поволжье в 1918–1922 гг. М., 2001 С. 354, 357.

вики довольно неприятные люди; мы их не любим, но все же они лучше, чем белогвардейцы и Учредительное собрание”. Учредилка у них ругательное слово... Они знают из практической жизни, что Учредительное собрание и белая гвардия означает одно и то же, что вслед за первым неминуемо приходит вторая»³³.

Все приведенные выше детали и подробности потребовались не только для того, чтобы выяснить, как выражался Ленин, – «кто первый сказал “А”», но и для прояснения более существенных проблем.

Время, в той или иной мере, всегда налагает свою печать на сознание и писания современников. Так называемые «лихие 90-е» XX столетия, когда утративший свой прежний социальный статус, деморализованный и маргинализированный народ «безмолвствовал», неизбежно породили, а вернее – возродили, и соответствующие теоретические построения.

В этой связи известный историк Юрий Афанасьев писал: «Применительно к России довольно широкую известность приобрела трактовка русской политической системы историками Юрием Пивоваровым и Андреем Фурсовым, согласно которой мы живем, пользуясь их неологизмом, в Русской системе.

Это такая система управления населением и территорией, где власть – единственный (т. е. «моно») субъект. И по отношению к ней все остальное в России – только объекты, в том числе и люди, абсолютное их большинство».

И тот же Юрий Афанасьев, которого никак не заподозришь в симпатиях к большевизму и Советской власти, справедливо заметил: «То главное и основное, что обусловило сущность советского социума, надо определить как победу в революции 1917 года и последовавшей за ней Гражданской войне большинства народа»³⁴.

Смысл рассказа о том, как рождался НЭП, как раз и состоит в том, что эта новая политика родилась не в результате препирательств политических деятелей, а стала результатом именно победы «большинства народа». И ничего нового в этом утверждении нет, ибо для Ленина, как марксиста, народ и российское крестьянство, в частности, никогда не были «объектом», а являлись главным субъектом исторического процесса.

Первые шаги НЭПа производили на современников крайне сложное, порой ошеломляющее впечатление...

Елизавета Драбкина вступила в Компартию в 1917 году 16-ти лет. Участвовала в Октябрьской революции, в Гражданской войне. Она привыкла к скудным пайкам, восполнявшимся нередко лишь чтением тезисов Маркса о Фейербахе – о «человеческой сущности». А вскоре после подавления Кронштадтского мятежа Елизавета вернулась в Москву.

«И тут же, – рассказывает она, – я увидела колбасу!

Да, колбасу! Настоящую, всамделишную колбасу! Перерезанная пополам, она лежала на фарфоровом блюде, являя миру свои роскошные розовые внутренности, на которых, подобно звездам в ночном небе, сверкали белые кружочки сала...

Рядом с блюдом высилась гора пышных булок, желтело сливочное масло, повсюду торчали этикетки, на которых были начертаны цены с целым шлейфом нулей... А за всей этой роскошью и великолепием празднично колыхались громаднейший живот, затянутый в бордовую жилетку с мелкими черными пуговками, и неправдоподобная розовая харя...

Вот так вот мы, говоря старинным слогом, и “пребывали” один против другого: я – голодный, замученный, дрожащий в рваной шинельке член правящей партии, и мурло Капитала, того капитала, даже след, даже запах которого, мы три года вытравляли с нашей земли, а он, глядишь, выставил вперед брюхо и самодовольно ухмыляется.

³³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 43.

³⁴ «Новая газета», 16 сентября 2015, с. 18, 19.

Но разве же я не знала, что X съезд партии решил заменить разверстку натуральным налогом. Разумеется, знала... Но своим глупым умом я поняла из всего этого одно: раньше у крестьянина брали разверстку, это ему было тяжело... Теперь ему будет легче. А все остальное, казалось мне, да и не мне одной, останется по-прежнему...

И вот...

И откуда все это вылезло, откуда напоззло?

Ну, была раньше “Сухаревка”, знаменитая на всю Россию “Сухаревка”, живучая и неистребимая “Сухаревка”. Ее запрещали декретами, по ней молотили облавами, но толку от всего этого было не больше, чем от попыток перерезать кисель бритвой: сколько ни режь, хоть вдоль, хоть поперек, он все равно сойдется, как ни в чем не бывало».

А «Сухаревка»?

Уже от Каланчевской площади, у вокзалов «начинался торг, пока больше “с рук”. Чем ближе к “Сухаревке”, тем он становился гуще, крикливей, многолюднее... Ну а дальше началось поистине столпотворение, центром которого была Сухарева башня, вполне достойно заменявшая Вавилонскую.

Сплошной волной, плечом к плечу, образовывая заторы и водовороты, двигалось оголтелое человеческое месиво, горластое, орущее, ругающееся, лузгающее семечки, поминающее бога, черта, родителей и пресвятителей.

Не поймешь, кто тут продает, кто покупает, несть числа и счета ларькам, лоткам, палаткам, санкам, ящикам, стульям, табуреткам, сундукам, кошелкам, корзинам, кузовам, образующим торговые ряды.

Каждый наперебой выкрикивает свой товар: “А вот колбасы своего припасу!”, “Спички есть! Спички!”, “Кавказская медовая халва, прямо мед, клади в рот, сам бы ел, да хозяин не велел!” “Булки, белые булки” – верещит баба в цветастом платочке и полукафтанчике: булки у нее лежат в корзине, покрытые холстом, а поверх холста положена булка “для щупа”; пощупав ее, покупатель может познакомиться с качеством товара...

Еще почти не были изданы законы, устанавливающие новые порядки; еще не сложилось название этих порядков – “новая экономическая политика”; в русский язык не вошло еще новое слово “НЭП”, а уже, словно перестоявшая опара из квашни, изо всех щелей стали выпирать торговцы, спекулянты, дельцы, подрядчики, валютчики, комиссионеры, арендаторы, перекупщики, знавшие только один девиз: “Рви!”»³⁵

Столь пространный цитата понадобилась для того, чтобы избавить читателя от объяснений, касающихся того – почему НЭП с первых своих шагов породил сложнейшие, не только политические и экономические, но и морально-психологические проблемы.

В этой связи Елизавета Драбкина очень кстати напоминает замечание Ленина, которое он записал, размышляя над гегелевским определением *сущности*: «...Несущественное, кажущееся, поверхностное чаще исчезает, не так “плотно” держится, не так “крепко сидит”, как “сущность”. Нетва [примерно]: движение реки – пена сверху и глубокие течения внизу. *Но и пена есть* выражение сущности. Тот НЭП, который мы видели, был пеной, черной пеной»³⁶.

Можно лишь добавить, что поначалу «пены» действительно было больше, а «глубокие течения» прослеживались меньше, ибо негативные стороны этих первых шагов (так называемые «grimасы НЭПа») усугублялись тяжелой засухой и голодом, охватившим в 1921 году Поволжье, а затем и юг Украины.

³⁵ Драбкина Е. Я. Зимний перевал. С. 148, 149, 151, 152.

³⁶ Там же. С. 157.

Голод

Неожиданностью эта засуха не стала. 1920 год тоже был неурожайным. Уже в ноябре этого года профессор Петровско-разумовской академии Владимир Александрович Михельсон, опираясь на многолетние метеорологические наблюдения Московской обсерватории о периодически повторяющихся засушливых годах, написал статью «Важное предостережение», в которой утверждалось, что и предстоящий 1921 год грозит засухой.

Ознакомившись 6 ноября с этой статьей, Владимир Ильич предложил опубликовать ее в «Правде» и «Известиях» с послесловием наркома земледелия С. П. Середы, которое бы указывало на практические задачи, вытекающие из данного прогноза. Об этом Середа должен был сказать и в докладе VIII съезду Советов³⁷. И уже 17 февраля 1921 года создается Комиссия по оказанию помощи сельскому населению, пострадавшему от неурожая, преобразованная 18 июля во Всероссийскую Центральную комиссию ВЦИК помощи голодающим.

Слишком ранняя весна 1921 года действительно не предвещала ничего хорошего. Но пока оставалась хоть какая-то надежда, Совнарком предпринимает отчаянные усилия для успешного проведения весеннего сева. Во все губкомы, губисполкомы, губсовнархозы, всем командующим фронтами и военными округами идут телеграммы за подписью Ленина, требующие ускорить доставку семян, удобрений, ремонт сельхозинвентаря, оказания помощи малоимущим хозяйствам и т. д.

28 марта правительство принимает постановление, согласно которому предполагавшийся ранее объем заготовок зерновых продуктов в 423 миллиона пудов сокращается до 240 миллионов пудов, а также разрешается свободная продажа хлеба в тех уездах и губерниях, которые выполнили гособязательства.

9 апреля, выступая на московском партактиве, Ленин предупреждает о грозящем бедствии, ибо крестьянское хозяйство «после всех разорений, вызванных войной, было еще добито и необыкновенно тяжелым неурожаем [1920 года – В.Л.] и связанной с этим бескормницей, потому что неурожай был и на травы, и падежом скота...»

Если бы речь шла о нормальных, мирных условиях хозяйствования, поясняет Владимир Ильич, то при урожае в 40 пудов с десятины крестьяне могли бы дать 500 миллионов пудов излишков. И «мы тогда полностью покрыли потребность городского населения – 350 миллионов пудов – и имели бы запас для заграничной торговли и для улучшения крестьянского хозяйства».

Однако шесть лет войны сделали свое дело. Неурожай 1920 года дал в среднем лишь 28 пудов с десятины. И если наша статистика, говорит Ленин, полагает, что на душу населения необходимо, как минимум, 18 пудов, то неизбежность дефицита, т. е. недоедания и рабочих, и самих крестьян, и армии, станет очевидной³⁸.

13 апреля Ленин пишет Кржижановскому: «Надо предположить, что мы имеем 1921–1922 такой же или сильнее неурожай... С этой точки зрения рассчитать, какие закупки за границей необходимы, чтобы во что бы то ни стало победить самую острую нужду, т. е. непременно дополучить недостающее продовольствие (прямой закупкой за границей предметов питания и обменом на хлеб в окраинах России)...» Из всех заявок на валюту для импорта «только те заявки оправдать можно и должно, кои необходимы с этой точки зрения»³⁹

29 апреля по инициативе Ленина принимается декрет Совета Труда и Оборона о мерах борьбы с засухой, хотя и в мае Владимир Ильич все еще надеялся, что государству удастся заго-

³⁷ См.: В. И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 10. М., 1978. С. 445, 446.

³⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 147, 154.

³⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 52. С. 142, 143.

товить с помощью налога и через товарообмен хотя бы 400 миллионов пудов⁴⁰. Конец весны развеял и эти надежды. «К концу мая, – рассказывает Елизавета Драбкина, – хлеба стали желтеть и быстро колоситься, но, выколосившись, колос сох, как в чахотке. Жара и отсутствие дождей превратили траву в сухие былки, уныло торчащие из выжженной растрескавшейся земли. Листья деревьев свернулись и побурели. Только горькая полынь и колючий мордвинник росли как ни в чем не бывало.

...К концу весны хлеб во многих волостях подобрался до корочки, и люди перешли на подножный корм. Чуть свет коровы, овцы, лошади и сами крестьяне отправлялись в лес. Там, где был лес, пока держался утренний холодок, все вместе паслись одним стадом, объедая кору с молодых деревьев и выдирая из земли коренья и старые былки пересохшей травы»⁴¹.

16 июня, анализируя погубернские сводки о неурожае хлебов, трав и падеже скота, Ленин, выступая на III Всероссийском продовольственном совещании, сказал: «...Мы имеем уже перед собой картину того, что громадный недочет получится в целом ряде губерний... И продовольственным работникам придется, вместо того, чтобы взять с этих губерний известное количество излишков... помогать этим губерниям, помогать голодающим»⁴².

Регион засухи все более расширялся. «Народ теснился в сельсоветах, словно здесь хранились ключи от “хлябей небесных”, – рассказывает Елизавета Драбкина. – Жгли свечи у икон “чудотворцев”, служили молебны о “ниспослании влаги”, устраивали крестные ходы. Подойдя к церковной ограде, кланялись земным поклоном... И подолгу молились, “нашептывая небо” молитвами о дожде. Но дождя все не было и не было.

Когда надежды на урожай окончательно рухнули, стали собирать все, что было возможно... Неочищенные колосья, солома, лебеда, колючки, желуди, корни, опилки, глина, известь, выветрившиеся кости. Все это перемалывалось или толкло в ступе и вместе с водой и добавленной “для связи” щепоткой ржаной муки вымешивалось в тесто, из которого пекли “бедовую еду” – то черные, как земля, то зеленые, как трава, горькие лепешки... Пока был хоть какой-то подножный корм, скотину пытались сохранить. А потом стали забивать»⁴³.

Ленин вновь уточняет, на какие именно продовольственные ресурсы может рассчитывать государство. 4 июля он делится своими соображениями с Кржижановским: «Главная ошибка всех нас была до сих пор, что мы рассчитывали на лучшее; и от этого впадали в бюрократические утопии... Надо это в корне переделать.

Рассчитывать на худшее...

Продовольствие? Фрумкин говорит: 150 миллионов пудов налог + 50 миллионов пудов обменом + 40 миллионов пудов с Украины = 240 миллионов пудов.

Надо взять расчет на 200 миллионов пудов всего в год.

Как быть с этой ничтожной, голодной цифрой?

$200:12=16\frac{2}{3}$ ».

Тут уж было не до свободной торговли. Всем губисполкомам страны дается задание уточнить поуездное состояние посевов, а в Сибирь, где ожидался хороший урожай, направляется телеграмма с постановлением ЦК РКП(б): «Предлагаем принять самые решительные меры к прекращению свободного обмена хлебных продуктов, не останавливаясь перед полным закрытием базаров и проч., проводя в широких размерах принудительный обмен, для чего аппарат Сибири должен быть подкреплён воинской силой»⁴⁴.

⁴⁰ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 335, 403; Т. 52. С. 166, 394.

⁴¹ Драбкина Е. Я. Зимний перевал. С. 175, 177.

⁴² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 351.

⁴³ Драбкина Е. Я. Зимний перевал. С. 177, 178.

⁴⁴ В. И. Ленин. Известные документы. 1891–1922. М., 1999. С. 454, 463, 464.

Поскольку во всех расчетах на урожай Украине отводилась весьма существенная роль, Ленин считал необходимым укрепить продаппарат этой республики опытными работниками, а наркомом продовольствия Украины назначить Троцкого с оставлением за ним поста наркомвоенмора России. Однако Троцкий, усмотрев в этом «понижении» интригу Сталина, отказался. Решение отложили до Пленума ЦК.

27 июля Ленин встретился с Троцким, и тот стал говорить, что считает такое назначение нецелесообразным. Во-первых, для работы по усилению боеспособности армии ему необходимо оставаться в Москве. А во-вторых, для решения продовольственной проблемы он сможет сделать гораздо больше, вовлекая армию в хозяйственные работы.

Во избежание дальнейшего развития склоки, Ленин с этими доводами согласился, и решение о назначении Троцкого наркомпродом Украины отменили⁴⁵. Помимо этого, Ленин считает, что для оказания помощи голодающим необходимо максимально ускорить процесс демобилизации армии и при расчете количества пайков исходить из ее «минимальной численности».

А вот очередную мобилизацию нового пополнения провести в основном за счет молодежи голодающих районов и направить ее в части, расположенные в регионах, не пораженных засухой. Это спасет от голода не только самих новобранцев, но отчасти – с помощью продовольственных посылок – и их семьи. Одновременно сокращенную армию действительно необходимо шире привлечь и к хозяйственным работам.

Что касается армии чиновников – госслужащих, продовольственные пайки которым также обеспечивало государство, – то тут провести «сокращение свирепое». Плюс – мобилизовать ответственных работников всех нехозяйственных наркоматов на самую *«низовую хозяйственную работу»*, включая их в состав фабкомов, домкомов и т. п., дабы они, помимо основной службы, контролировали и на предприятиях, и в городских кварталах распределение продовольствия и топлива.

Радикальные меры, полагает Ленин, необходимы и по отношению к промышленным предприятиям. Надо составить список лучших из них – тех, «коим хватит топлива и хлеба», пустить их в две смены. А «все остальное – в аренду или кому угодно отдать или закрыть... *до прочного улучшения*, позволяющего абсолютно рассчитывать не на 200 миллионов пудов хлеба... а на 300 миллионов пудов...

*Подумайте. Поговорим»*⁴⁶.

Но сколько бы Госплан ни думал, *было* ясно, что собственными ресурсами не обойтись. И еще в начале мая Ленин обратился к советским торговым представительствам в Лондоне с просьбой прозондировать вопрос о возможности импорта продовольствия из-за рубежа и необходимости в этой связи пересмотреть все заявки, поступившие от советских хозорганов на валютные закупки за границей.

15 июля Владимир Ильич встречается с наркомом внешней торговли Леонидом Борисовичем Красиным, вернувшимся из Англии. Когда Красин вошел в кабинет Ленина, он «застал его в тревожном настроении, он все время поглядывал на знойное, раскаленное небо, очевидно в ожидании, не появится ли наконец долгожданное дождевое облако, и много раз спрашивал меня: “А сможем ли мы закупить за границей хлеб? Пропустит ли хлеб в Россию Антанта?”

Весь наш импортный план был опрокинут, и по возвращении в Англию пришлось в больших размерах организовать закупку хлеба и семян, разумеется за счет золотого запаса, так как вывоза у нас в то время еще почти никакого не было.

⁴⁵ См.: В. И. Ленин. Известные документы. С. 460, 461, 462; В. И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 11. С. 127.

⁴⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 63, 64, 65, 67, 68.

Владимир Ильич лично следил чуть ли не за каждым отходящим из-за границы паромом и буквально бомбардировал нас телеграммами и записками, настаивая сделать все возможное, чтобы скорее помочь голодающим районам»⁴⁷.

Именно к этому времени относятся те предложения Ленина о сокращении субсидий театрам и, в частности, Большому и Художественному, которые не раз вызывали в его адрес упреки мемуаристов в «практицизме и узком делачестве».

Что касается Художественного, к которому Владимир Ильич относился с особой симпатией, то проблему в какой-то мере удалось решить за счет зарубежных и внутрироссийских гастролей. «Не раз хотели, – пишет Луначарский, – закрыть Большой, чтобы сократить таким образом государственные расходы. Но сокращения в сущности не добились, ибо выяснили, что те издержки, которые государство сейчас несет по Большому театру, даже несколько меньше тех, которые пришлось бы нести просто по охране здания Большого театра и по содержанию оркестра, который, конечно, распустить никто никогда не думал»⁴⁸.

Действительно, Ленин возмутился, когда прочел в записке наркома финансов Николая Николаевича Крестинского о том, что наркомпрос предполагает израсходовать на содержание театров 29 миллиардов рублей, в то время как на все российские университеты и прочие высшие учебные заведения – лишь 17 миллиардов.

А когда Луначарский написал, что иначе придется театры «положить в гроб», Владимир Ильич ответил, что в сложившихся условиях наркому народного просвещения, видимо, придется театры «положить в гроб», а побольше заняться «обучением грамоте»⁴⁹.

В этот же период произошел эпизод, рассказанный Александром Константиновичем Воронским. Они, вместе с Горьким, пришли к Ленину, чтобы обсудить вопрос о выпуске нового журнала «Красная новь» и издании в Берлине З. И. Гржебиным (при финансовой поддержке Советского правительства) литературы для России.

«В комнату, – рассказывает Воронский, – входит Ленин; не входит, а как это обычно у него – почти вбегает. Он спешит: только что кончилось одно заседание, теперь начинается другое. На ходу ест, наливает стакан чая, быстрым и особо характерным жестом перевертывает одну из книг... бегло и быстро, сощурившись, перелистывает ее.

И в этих приемах видна прочно установившаяся манера обращаться с книгой, сразу схватить и прикинуть ее в уме. Такие жесты вырабатываются только в результате долголетнего сожительства с книгой.

Горький немного исподлобья наблюдает и присматривается к Ленину. У Ленина по обыкновению светятся глаза.

Как будто должно быть наоборот. Глаза Ленина переместить бы к художнику Горькому, а “догматик” и “схематик” должен получить мало выразительные, водянистые глаза А. М. Горького.

Горький угловат, высок, утюжен, нескладен, молчалив, неподвижен. Ленин, по-каратаевски, кругл и проворен, наэлектризованный живой комок....

Изданы книги отменно хорошо, и это радует Горького. В руках у Ленина прекрасный сборник индийских сказаний и легенд, подобранный Горьким с большим мастерством и вкусом.

– Да, да, – соглашается Ленин, – превосходные издания, только поменьше бы беллетристики и побольше деловых книг. А то вот голод у нас и разруха. С ними нужно разделаться в первую очередь.

⁴⁷ Воспоминания о В. И. Ленине. В 10 томах. Т. 7. М., 1991. С. 102, 103.

⁴⁸ Литературное наследство. Т. 80. В. И. Ленин и А. В. Луначарский. М., 1971. С. 313.

⁴⁹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 53. С. 142, 158, 405.

- Да ведь дешевка, Владимир Ильич, – убеждает М. Горький, – пустяки, копейки...
- Золото, золото ведь идет на это. А золота нет...

Две правды, две истины. Но не о хлебе едином жив будет человек. Конечно. Но когда хлеба нет, совсем нет? Нет, пусть сначала хлеб, паровозы, мануфактура, а затем беллетристика. И за этим, якобы узким практицизмом, за этой деловой сухостью чудится большая любовь и горячее чувство к страдающему трудовому человеку».

Позднее Александр Воронский дописал: сталкиваясь с реальной жизнью и практической работой, – «я неоднократно вспоминал об этих двух правдах, и всегда мне казалось, что вторая правда, правда Владимира Ильича, сильнее первой правды»⁵⁰.

13 июля Горький написал М. И. Бенкендорф: «Я – в августе – еду за границу для агитации в пользу умирающих от голода. Их до 25 миллионов. Около 6-и снялись с места, бросили деревни и куда-то едут. Вы представляете, что это такое? Вокруг Оренбурга, Челябинска и других городов – табора голодных... В Симбирске хлеб 7500 руб. за фунт, мясо – 2000. Весь скот режут, ибо кормовых трав нет – все сгорело. Дети – дети мрут тысячами».

Осенью, когда засуха распространяется на Донецкую, Екатеринославскую, Запорожскую, Николаевскую губернии, уполномоченный Украинского Красного Креста пишет: «Бегство стало повальным, напоминающим массовый психоз: люди бежали, не зная куда, зачем, не имея никаких средств, не отдавая себе отчета в том, что они делают, распродавая все свое имущество и разоряясь окончательно. Беглецов не могли остановить никакие препятствия...»⁵¹

Получив все погубернские данные от наркома продовольствия Николая Брюханова и предсовнаркома Украины Христиана Раковского, Владимир Ильич вновь берется за расчеты.

Ориентировочно сбор налога по всей России все-таки может дать 170 миллионов пудов хлеба, а в Украине – 30 миллионов (оставив в республике для себя – 60). То есть, всего можно собрать 200 миллионов пудов. Следует добавить помольный сбор: в России – 20 миллионов пудов, в Украине – 17. Наконец, товарообмен и там и там может дать еще 20 миллионов.

В итоге получается 257 миллионов. Но откидывая для осторожности (дабы не впасть в «бюрократические утопии») 10 процентов, получаем 231 миллион пудов. Делим на 12, выходит всего по 19 миллионов пудов хлеба в месяц⁵².

А голод охватывал все новые и новые районы. «Повсюду на пристанях, – рассказывает Елизавета Драбкина, – прямо на голой земле, в грязи, в пыли, среди остатков погасших костров целыми деревнями валялись беженцы – взрослые и дети, живые и мертвые, люди и животные. Лишь немногие еще рвались в богатую хлебом обетованную землю. Остальные уже ничего не ждали, ни на что не надеялись. Они все потеряли. У них не осталось ничего, кроме отчаяния...»⁵³

В прежние времена, в 1891–1892 годах, во время голода в Поволжье и Черноземном центре, охватившем районы с населением около 35 миллионов человек, значительную роль в ликвидации его последствий сыграли общественные организации⁵⁴.

Эту традицию решено было возродить. Но если прежде подобные инициативы появлялись в противовес государственным акциям, то теперь усилия органов власти и общественности решено было объединить. С этой целью для переговоров с «общественными деятелями»

⁵⁰ Воронский А. К. Ленин и человечество. Л., 1924 (2-е изд. Л., 1925). С. 46, 47; Литературное наследство. Т. 80. В. И. Ленин и А. В. Луначарский. С. 694; Драбкина Е. Я. Зимний перевал. С. 176.

⁵¹ «Новая газета», 21–27 ноября 2008, с. 20, 21.

⁵² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 460.

⁵³ Драбкина Е. Я. Зимний перевал. С. 179, 180.

⁵⁴ См.: Логинов В. Т. Владимир Ленин. Начало пути. Биография. М., 2005. С. 119.

направили А. М. Горького. «Он убеждал Прокоповича и Кускову, он втравил и других в это дело сотрудничества с властью в грозную для народа минуту».

И уже 29 июня, как сообщал Горький В. В. Воровскому в Италию, – «в Оргбюро рассматривалось мое предложение: организовать Комитет общественных деятелей для борьбы с голодом и эпидемиями, а также для поездки в Америку на предмет агитации в пользу долгосрочного займа хлебом. Владимир Ильич относится к идее сочувственно. Думаем занять 100 миллионов пудов»⁵⁵. А 21 июля 1921 года ВЦИК утвердил создание общественного Всероссийского комитета помощи голодающим. Его почетным председателем избрали В. Г. Короленко, а председателем Л. Б. Каменева.

Только для того, чтобы продемонстрировать необходимость критического отношения к более поздним воспоминаниям, отметим, что 33 года спустя Е. Д. Кускова написала, что совсем не Горький «был инициатором этой организации, а пристал к ней по нашему настоянию» для того, чтобы проинформировать и «двинуть близкий ему Кремль» на организацию борьбы с голодом. При этом сама же Екатерина Дмитриевна отмечает, что о масштабах бедствия она и Прокопович узнали лишь 22 июня 1921 года, то есть спустя четыре месяца после образования Комиссии ВЦИК, когда работа государственных органов по оказанию помощи голодающим приняла планомерный характер, а Горький уже вел переговоры с общественными организациями Франции, Финляндии, Голландии и Норвегии⁵⁶.

В состав комитета вошли известные деятели культуры К. С. Станиславский, А. И. Южин-Сумбатов, А. Л. Толстая, президент Академии наук А. П. Карпинский, академики С. Ф. Ольденбург, А. В. Ферсман, В. А. Стукалов, П. П. Лазарев, В. Н. Ипатьев, Н. Я. Марр, ученые-аграрники Н. Д. Кондратьев, А. В. Чаянов, А. Г. Доренко, толстовцы П. И. Бирюков и В. Ф. Булгаков, бывшие члены ЦК партии кадетов Н. М. Кишкин, С. Н. Прокопович, Ф. А. Головин, М. В. Сабашников и множество других представителей интеллигенции. Входили в Помгол и коммунисты – Л. Б. Каменев, А. В. Луначарский, М. М. Литвинов, Н. А. Семашко, П. Г. Смидович – всего 12 человек из более чем ста членов комитета⁵⁷.

При обсуждении этого вопроса на заседании Политбюро ЦК 12 июля Семашко высказал опасение, что при таком составе Помгола антисоветские элементы могут использовать его в своих целях. Но Ленин ответил ему: «Милая моя Семашко! Не капризничай, душечка!.. Вы в “ячейке” коммунистов и не зевайте, *блюдите сие строго*»⁵⁸.

Однако опасения Семашко оправдались. Первое заседание Помгола состоялось 21 июля в Белом зале Моссовета. Открыл его Каменев. Комитету ассигновали более полумиллиарда рублей, предоставили особняк в центре Москвы в районе Арбата (Собачья площадка), право выпуска собственного печатного органа. Но поскольку основная масса членов комитета была более чем загружена по основным местам работы, то (как это часто случается в общественных организациях) фактическое руководство сразу же попыталось взять на себя группа «более свободных» общественных деятелей.

Председателя Каменева стал подменять один из основателей кадетской партии, председатель II Государственной думы Федор Александрович Головин, а также «троица» – Прокопович, Кускова, Кишкин и еще несколько человек⁵⁹, что сразу же дало повод острословам назвать комитет – «Прокукиш» или еще проще – «Кукиш».

Декларация, зачитанная Кишкиным, а позднее доклад профессора МВТУ В. И. Ясинского прежде всего ставили вопрос о «положении комитета среди ряда правительственных

⁵⁵ Россия. XX век. Всероссийский комитет помощи голодающим. Документы. М., 2014. С. 536, 537.

⁵⁶ См.: Всероссийский комитет помощи голодающим. Документы. С. 536, 537.

⁵⁷ См.: Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК – ГПУ. 1921–1923. М., 2005. С. 188.

⁵⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 53. С. 24.

⁵⁹ См.: Высылка вместо расстрела. С. 139.

организаций». Эта группа полагала, что ни масштабы бедствия, ни размеры государственных запасов еще не выяснены, а посему представителей Помгола необходимо делегировать во все советские центральные учреждения, заслушать их отчеты и вынести все выявленные проблемы «на главное обсуждение общественных кругов»⁶⁰.

Предполагалось также повсеместное создание отделений комитета с самыми широкими контрольными функциями, что, по мнению А. Ф. Головина, должно было доказать, что «В.К.П.Г. есть общественная организация, сплотившая лучшие силы государства и имеющая как в центре, так и на местах мощные аппараты»⁶¹.

Вся эта подготовительная работа, считал Ясинский, потребует «значительного труда и времени от активных членов Комитета»⁶², а пока одной из неотложных задач является создание «Заграничной делегации Помгола», которая, действуя совершенно независимо и самостоятельно, обладала бы правом «непосредственных сношений с правительствами иностранных держав, с различными учреждениями и частными лицами», то есть фактически выступала «от имени России»⁶³.

Лидер либеральной эмиграции П. Н. Милюков заметил в этой связи, что в случае успеха Головин, Кишкин и их коллеги «могут действительно сыграть ту роль, которую выдвигает исторический процесс», то есть стать своего рода предтечей нового правительства, способного – при неумной фантазии эмигрантов – заменить Совнарком⁶⁴.

Впрочем и московский обыватель в своих фантазиях не уступал эмигрантам. Писатель Борис Константинович Зайцев – член ВКПГ – вспоминал: «...Весь город знал о Комитете. Тогда еще считали, что “они” [т. е. большевики] вот-вот падут. Поэтому Комитет мгновенно разрисовали. Было целое течение, считавшее, что это – в замаскированном виде – будущее правительство».

С выходом комитетской газеты «Помощь», набранной хорошо знакомым обывателю шрифтом, слухи усилились. «Её внешний вид, – пишет Зайцев, – вполне повторял “Русские ведомости”. Как только появился первый номер по Москве прошел вздох – “Теперь уж падут!” “Русские ведомости” вышли, стало быть уж капут!”»⁶⁵

Николай Михайлович Кишкин был убежден, что вслед «за экономическим нэпом должен следовать нэп политический», и он на полном серьезе приступил к разработке схемы – чертежа «российской конституции», выражающей, по его мнению, интересы всех классов, социальных и национальных групп – «ствол дерева с многочисленными ответвлениями».

Справедливости ради следует заметить, что позднее на вопрос следователя: «Какая сила введет эту конституцию?» – Николай Михайлович, со свойственным ему добродушием, ответил, что он «пришел к твердому выводу: измучившись в анархии, подобную конституцию введут сами Советы. <...> Ничего внешнего теперь уже не может быть...»

Еще чуть позже он сформулировал итоговую мысль: «Россия – страна самого отвратительного долготерпения и иссушающей глупости. Народ – талантливый, но не в политическом творчестве. В политике даже мы, интеллигенты, плели лапти»⁶⁶

Необходимо отметить, что в разработку подобного рода планов была посвящена лишь небольшая – прокадетская часть членов Помгола. Они-то и инициировали обращение во ВЦИК с просьбой о выезде группы членов комитета за границу. Они изначально были убеж-

⁶⁰ См.: Высылка вместо расстрела. С. 394, 395.

⁶¹ Там же. С. 141.

⁶² Там же. С. 396.

⁶³ Там же. С. 140.

⁶⁴ Там же. С. 140.

⁶⁵ Всероссийский комитет помощи голодающим. С. 435, 436.

⁶⁶ Там же. С. 506, 507.

дены, что Советской России никто помогать не станет: «Кормить им голодных надо, а без мирового хлеба кормить нечем. Америка и Европа им хлеба не дадут. Мы необходимы...»

Однако незадолго до этого Горький написал Ленину письмо, в котором доказывал, что посылка делегации с участием членов Помгола за границу не имеет смысла, «ибо я уже послал воззвания от своего имени С. А. Штатам, Канаде, республикам Южной Америки, Франции, французским рабочим, Англии, Германии – о медикаментах – и т. д.

Масарик уже сообщил мне, что правительство Чехии дало миллион чешских марок, т. е. 800 тысяч германских, Нансен действует великолепно, испанцы – Ибаньес и Романес – тоже, и вообще люди работают неплохо. Так что торопиться с поездкой – не вижу причин...»⁶⁷ Возможно, это письмо сыграло свою роль, ибо ВЦИК отверг просьбу Помгола, высказав пожелание о необходимости поездки его членов прежде всего в голодающие районы.

Несмотря на это, на заседании 23 августа собравшиеся члены комитета вновь проголосовали за немедленную отправку делегации за рубеж. А когда Смидович стал пенять на то, что Помгол вместо практической работы по оказанию помощи голодающим начинает вторгаться в политику, на него, поддержанный большинством собравшихся, обрушился Прокопович, заявивший, что именно отказ в выезде как раз и вносит в работу «политический момент»⁶⁸.

Утром 26 августа к Ленину пришли Дзержинский и Уншлихт. Проинформировав его о происходящем в Помголе, они предложили арестовать ряд его членов. Но Ленин отклонил подобную меру, посчитав, что оснований для этого недостаточно. Тогда ВЧК препровождает ему все агентурные материалы, собранные по Помголу. И в тот же день, 26 августа, Ленин обращается к членам Политбюро ЦК: поведение этих «Кукишей» яснее ясного показывает, что «мы ошиблись. Или если не ошиблись раньше, то теперь жестоко ошибаемся, если прозеваем.

Вы знаете, что Рыков незадолго до своего отъезда пришел ко мне и сказал, что некий Рунов [Т.А. Рунов агроном-мелиоратор. – В.Л.], свой человек, рассказал ему о собрании, на котором Прокопович держал противоправительственные речи. Собрание это устроил Прокопович, прикрываясь он Комитетом помощи голодающим...

Предлагаю: сегодня же, в пятницу 26/8, постановлением ВЦИКа распустить “Кукиш” – мотив: их отказ от работы, их резолюция... Прокоповича сегодня же арестовать по обвинению в противоправительственной речи (на собрании, где был Рунов) и продержать месяца три... Остальных членов “Кукиша” тотчас же, сегодня же, выслать из Москвы... Игре (с огнем) будет положен конец»⁶⁹.

27 августа ВЦИК принял решение о роспуске В.К.П.Г., и в тот же день в помещении Помгола были арестованы С. Н. Прокопович, Е. Д. Кускова, Н. М. Кишкин, его секретарь Е. М. Кафьева, кооператор И. А. Черкасов, писатель М. А. Осоргин и сотрудник НКЗема Д. С. Коробов⁷⁰. Функции В. К. П. В.К.П.Г. передавались Центральной комиссии помощи голодающим при ВЦИК под председательством М. И. Калинина.

Выступая на сессии ВЦИК, Калинин сказал: «Советское правительство предполагало, что тяжелое положение в связи с открывшимся перед нами бедствием является слишком важной причиной и сможет заставить фрондирующую интеллигенцию принять участие в борьбе, отдать свои силы на ликвидацию голода...

Но политическая тенденция взяла перевес. Вместо того чтобы без всяких условий положить все силы на помощь голодающим... сидящие в общественном комитете предполагали,

⁶⁷ Там же. С. 16, 448, 573.

⁶⁸ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 53. С. 394.

⁶⁹ Там же. С. 141.

⁷⁰ См.: Высылка вместо расстрела. С. 62.

что на почве голода они смогут заставить Советскую власть дать те или иные политические поправки, смогут организовать против Советской власти известные слои недовольных...»⁷¹

В августе Калинин объехал голодающие районы Поволжья, затем поехал на Украину. И во всех телеграммах в Москву он пишет, что положение гораздо «тяжелее, чем можно себе представить».

Ленин обращается во ВЦИК: «Калинин сообщил мне о возникшей идее собирать особо по фунту с пуда собранного хлеба на помощь голодающим в Поволжье... По-моему, надо бы: 1) провести это немедленно, 2) в порядке самой большой спешности потребовать, чтобы каждый уезд послал по несколько вагонов хлеба в Поволжье с обязательным сопровождением этого хлеба двумя-тремя местными крестьянами, которые должны убедиться в размерах бедствия и рассказать о нем местным крестьянам...»⁷²

Николаю Брюханову, в Наркомпрод, Владимир Ильич пишет: «...Делегировать *экстренную* экспедицию (вместе с Центросоюзом) в *Подольскую* губернию, где, говорят, хлеба тьма и стоит он 6000 рублей пуд советскими деньгами. / (Вообще мое впечатление, что с закупкой и товарообменом НКпрод *зевает и отстаёт* безобразно. Нет инициативы. Нет смелой работы)»⁷³.

Ленин обращается к крестьянам Украины: «Правобережная Украина, – пишет он, – в этом году собрала превосходный урожай. Рабочие и крестьяне голодного Поволжья, которые переживают теперь бедствие... ждут помощи от украинских земледельцев. Помощь нужна быстрая. Помощь нужна обильная. Пусть не останется ни одного земледельца, который бы не поделился своим избытком с поволжскими голодающими крестьянами... Пусть из каждого уезда, обеспеченного хлебом, пошлют хотя бы двух-трех выборных от крестьян в Поволжье, чтобы отвезти туда хлеб, чтобы своими глазами увидеть размеры бедствия, нужды, голода...»⁷⁴

Когда к осени выясняется, что засуха распространяется и на районы юга Украины, Политбюро ЦК РКП(б), дабы не допустить перегибов, по докладу Х. Г. Раковского, В. Я. Чубаря и Г. И. Петровского, 10 октября принимает решение, определяющее принципы проведения продовольственной политики на Украине – «в смысле самого осторожного и внимательного отношения к нуждам крестьян и привлечения их к содействию государству»⁷⁵.

А 7 октября 1921 года Ленин подписывает обращение к крестьянам и рабочим тех регионов страны, которые не пострадали от засухи: «Дорогие товарищи! До всех вас, конечно, дошла уже весть об огромной беде – о небывалом голоде, постигшем все Поволжье и часть Приуралья.

...Русских и мусульман, оседлых и кочевых – всех одинаково ждет лютая смерть, если не придут на помощь свои товарищи – рабочие, трудовые крестьяне, пастухи и рыбаки из более благополучных местностей.

Конечно, Советская власть со своей стороны спешит на помощь голодающим, она послала уже им в срочном порядке более 12 миллионов пудов хлеба на озимое обсеменение, посылает сейчас продовольствие, организует столовые и прочее. Но всего этого мало... Государственными средствами можно кое-как пропитать до будущего урожая едва ¼ часть нуждающихся...

...Уделите же часть... для пухнувших с голоду стариков и старух, для 8 миллионов бессиленых тружеников, которым ведь надо с голодным животом целый почти год совершать

⁷¹ Всероссийский комитет помощи голодающим. С. 587.

⁷² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 53. С. 44.

⁷³ Там же. С. 18, 19.

⁷⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 53. С. 77.

⁷⁵ Там же. С. 550.

всю тяжелую работу по обработке земли, наконец, – для 7000000 детей, которые прежде всех могут погибнуть.

Жертвуйте, дорогие товарищи... Вы сделаете не только дело человеческой совести, но вы укрепите дело... Советского государства, построенного на широчайшей помощи друг другу пролетариев самых отдаленных друг от друга мест»⁷⁶.

О семенах для сева Ленин упомянул не случайно. К концу осени 21-го стало очевидным, что на части выжженных засухой полей речь может идти уже не об озимых посевах, а только о весенних яровых 1922 года. Иного выхода не было, ибо только сев давал крестьянам работу, какое-то пропитание, а главное – надежду на будущее.

7 ноября, выступая перед рабочими Хамовнического района Москвы, Владимир Ильич сказал: «На днях нам пришлось обсуждать вопрос о том, чтобы помочь крестьянам голодных местностей обсеменить яровые поля, и мы увидели, что количество семян, которыми обладает государство, далеко не достаточно...

...Надо 30 миллионов пудов зерна, а по продналогу мы получим только 15 миллионов, остальные же 15 миллионов пудов нам необходимо закупить за границей... И как ни тяжело закупить 15 миллионов пудов зерна, мы сможем сделать это»⁷⁷.

«Правда» печатает обращение Ленина к международному пролетариату: «Требуется помощь от трудящихся, от промышленных рабочих и мелких землевладельцев». Они «поймут или почувствуют инстинктом человека трудящегося и эксплуатируемого необходимость помочь Советской республике...»⁷⁸

Сколько желчи было излито нашими «лениноедами» для того, чтобы доказать, что в эту годину народного бедствия Ленин гораздо больше беспокоился и щедро одаривал Коминтерн, нежели голодающих крестьян России. Читать это просто стыдно.

Между тем, еще в августе Коминтерн организовал «Временный заграничный комитет помощи России». По его инициативе революционные профсоюзы Франции призвали рабочих отчислить в фонд помощи голодающим России однодневный заработок. Анатолий Франс передал в этот фонд всю сумму полученной им в 1921 году Нобелевской премии. Всего во Франции собрали около 1 миллиона франков.

В Германии коммунисты собрали 1,3 миллиона марок и на 1 миллион марок закупили продовольствие. В Австрии – 3 миллиона австрийских крон. В Италии – около 1 миллиона лир. В Чехословакии собрали 7,5 миллионов крон деньгами и на 2 миллиона крон продуктов. Голландские коммунисты передали 100 тысяч гульденов, датские – 500 тысяч марок, норвежские – 100 тысяч крон, испанские – 50 тысяч марок, польские – 9 миллионов польских марок и т. д.

Всего по 20 декабря 1921 года коммунистические организации закупили для России 312 тысяч пудов продовольствия и передали деньгами 1 миллион рублей золотом. 485 тысяч рублей золотом и 85,6 тысяч пудов продовольствия прислали социалистические организации, входившие в Амстердамский Интернационал⁷⁹.

А вот с официальными правительственными кругами Америки и Европы переговоры никак не ладились. Впрочем, в конце июля 1921 года председатель Американской организации помощи (АРА) Герберт Гувер прислал А. М. Горькому письмо, в котором говорилось, что на определенных условиях эта организация готова рассмотреть вопрос об оказании помощи голодающим.

⁷⁶ Там же. С. 247, 248.

⁷⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 236.

⁷⁸ Там же. С. 75.

⁷⁹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 539.

С согласия Ленина Горький ответил, что Советское правительство готово принять представителей АРА для переговоров в Москве, Риге или Ревеле. И уже 10 августа в Риге представитель России М. М. Литвинов встретился с руководителем делегации АРА У. Брауном.

Для начала американцы отказались признать полномочия Литвинова, полученные от ВЦИК, потребовав от него мандата Совнаркома. Затем, как предварительное условие, они предъявили список из 76 американцев, которых якобы не выпускают из России. А когда СНК прислал Литвинову свой мандат, а 12 августа «Правда» опубликовала официальное заявление о том, что все граждане США могут беспрепятственно выехать из РСФСР, У. Браун потребовал сделать в переговорах перерыв⁸⁰.

Причин перерыва он объяснять не стал, но они и так были очевидны. В западной прессе всячески муссировались разговоры о том, что АРА весьма сомневается как в платежеспособности Советского правительства, так и в его реальных возможностях распределить помощь у себя в стране, что и обусловило политические требования американцев.

Получив информацию об этом, Владимир Ильич 13 августа пишет Чичерину и Каменеву: «Ввиду того, что подлые американские торгаши хотят создать видимость того, будто мы способны кого-то надуть, предлагаю формально предложить им тотчас по телеграфу от имени правительства... следующее: мы депонируем золотом в нью-йоркском банке сумму, составляющую 120 % того, что они в течение месяца дают на миллион голодных детей и больных. Но условие наше тогда такое, что ввиду столь полной материальной гарантии ни малейшей тени вмешательства не только политического, но и административного американцы не допускают и ни на что не претендуют. Т. е. тогда отпадают все пункты договора, дающие им хоть тень права на административное хотя бы только вмешательство. Проверка же производится паритетными комиссиями (от нашего правительства и от них) на местах.

Этим предложением мы утрем нос торгашам и впоследствии осраим их перед всем миром»⁸¹.

В тот же день соответствующая телеграмма, предложенная Лениным, была послана в Ригу Литвинову.

Первоначально в переговорах с АРА речь шла об адресных продовольственных посылках в голодающие районы. Вопрос этот обсуждался Политбюро ЦК 18 октября. Сталин предложил рассматривать эту акцию как сугубо коммерческое предприятие, а посему – взимать плату за провоз посылок от границы до складов. Ленин возразил, ибо увидел в этой форме благотворительности, помимо «коммерции», реальную помощь голодающим. Эта поправка была принята и 19-го проект соглашения с АРА по этому вопросу утвердили⁸².

Твердая позиция Советской России и нежелание руководства АРА терять престиж своей организации, рекламируемой во всем мире как сугубо не коммерческой и не политической, а исключительно благотворительной, сделали свое дело. 20 августа 1921 года соглашение о сотрудничестве между Советским правительством и Американской организацией помощи было подписано.

То, что среди сотрудников АРА, прибывших в Россию во главе с полковником Уильямом Гаскеллом, было немало профессиональных разведчиков, как и то, что в состав обслуживающего АРА персонала ВЧК внедряло своих агентов – это факт. Но, как показывают современные исследования, это не мешало конструктивной работе. И в Поволжье, и на юге Украины АРА развернула сеть детприемников, медицинских, питательных пунктов и т. п.

Что же касается европейских правительств, то с ними договориться так и не удалось. Интервенционистские круги Запада создали специальную Международную комиссию для

⁸⁰ См.: В. И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 11. М., 1980. С. 119.

⁸¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 53. С. 115, 116.

⁸² Там же. Т. 44. С. 179, 555.

помощи голодающим России. Но во главе ее был поставлен бывший посол Франции в России, один из активных организаторов как интервенции, так и мятежей против Советского государства – Жозеф Нуланс.

4 сентября он прислал в Наркомат иностранных дел телеграмму, в которой выставил предварительные условия оказания помощи. Они лишь повторяли то, что формулировали до этого и в «Прокукише», и первоначально в АРА: Россия должна принять комиссию экспертов для детального обследования положения на местах и, в случае положительного решения о помощи, именно они будут контролировать само распределение продовольствия среди голодающих.

«Нуланс нагл до безобразия», – написал в тот же день Ленин, и по его предложению требования этой международной комиссии были отвергнуты как попытка вмешательства во внутренние дела Советской республики⁸³.

Точка была поставлена 6–8 октября 1921 года, когда на конференцию в Брюсселе собрались представители 19 европейских государств (Англии, Франции, Германии, Бельгии, Голландии, Швеции, Италии, Испании и др.). Конференция выработала рекомендации для правительств этих стран, определявшие возможность предоставления кредитов Советской России для борьбы с голодом.

Условиями такой помощи должны были стать – восстановление в России «нормальных условий экономической жизни», признание долгов прежних правительств и контроль за распределением продуктов на территории страны иностранными экспертами⁸⁴. Принципиальное совпадение подобного рода требований объяснялось простой и давно известной истиной: тот, кто во время голода кормит, тот и правит.

Поэтому Ленин сразу ответил: капиталисты «заявили нам, что они-де тоже хотят помогать нашим голодающим крестьянам, но на таких условиях, которые означают передачу в их руки всей власти над нашей Рабоче-Крестьянской республикой»⁸⁵.

Договориться с европейским «начальством» таким образом не удалось. А вот с теми, кого по праву можно было считать общественностью Европы, ее честью и совестью, отношения сложились совсем по-иному.

Летом 1921 года знаменитый полярный исследователь Фритьоф Нансен получил от Горького письмо с просьбой провести в Норвегии сбор сушеной рыбы для голодающих России. Рыбу собирать Нансен не стал, а получив полномочия представителя Международного Красного Креста, выехал в Поволжье. Он объехал Саратовскую и Самарскую губернии и то, что он там увидел, ужаснуло и глубоко потрясло его.

Нансен побывал в деревенских избах и в переполненных больницах, детдомах и детприемниках. «И когда он приехал в большое самарское волостное село Дубовый Омет и увидел, как со всех сторон к нему не идут, а ползут по земле матери с детьми и припадают к его ногам, моля о помощи, этот человек, который столько раз без страха глядел в глаза смерти, заплакал»⁸⁶.

Нансен верил, что позицию европейских правительств сможет изменить его обращение в Лигу Наций. И в сентябре 1921 года он выступил с ее трибуны с просьбой о небольших субсидиях на транспортные расходы по перевозке продовольствия в Россию.

«От 20 до 30 миллионов людей находятся под угрозой голода и смерти, – сказал он. – Если в продолжении двух месяцев они помощи не получают, их участь предрешена. Все, что нужно для спасения их, находится от них только за несколько сот миль...

⁸³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 116.

⁸⁴ Там же. С. 557.

⁸⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 53. С. 247.

⁸⁶ Шеклтон Э. Фритьоф Нансен – исследователь. М.: Прогресс, 1986. С. 190, 199; Дробкина Е. Зимний перевал. С. 111.

В этом году в Канаде урожай так хорош, что Канада может вывести в три раза больше хлеба, чем нужно для борьбы с голодом в России. В Соединенных Штатах Америки пшеница портится в амбарах фермеров, которые не могут найти покупателей. В Аргентине столько кукурузы, что... ее употребляют в качестве топлива для паровозов... А там на Востоке гибнет 30 миллионов людей!»

Нансен пытался воздействовать не только на разум, но и на чувства делегатов Лиги Наций: «Во имя человечества, во имя всего, что для вас свято, я апеллирую к вам, имеющим жен и детей. Я хочу, чтобы вы поняли, что значит видеть миллионы гибнущих женщин и детей. С этой трибуны я обращаюсь к правительствам, к народам, ко всему миру и зову на помощь. И я спрашиваю: неужели на этом собрании найдется человек, который посмел бы сказать, что пусть лучше погибнут двадцать миллионов, чем оказать помощь Советскому правительству? Я требую от этого собрания ответа на мой вопрос...»

Но с таким же успехом Фритьоф Нансен мог выступать в Арктике перед белыми медведями. В субсидиях на транспортные расходы Лига Наций отказала. А один из делегатов с места заявил: «Я предпочел бы, чтоб вымер весь русский народ, чем рискнул бы оказать какую бы то ни было поддержку Советскому правительству...»⁸⁷

Спустя несколько лет, вступая в должность ректора шотландского университета в Сент-Эндрю, Нансен сказал: «Во время голода в России в 1921–1922 годах, когда небывалая засуха вызвала неурожай в Поволжье и на самых плодородных землях России, когда тридцать миллионов людей голодали и тысячами умирали, я обратился с призывом помочь этим несчастным, и вскоре множество людей в вашей стране и во всем мире откликнулись на него и великодушно присылали деньги.

Но гораздо больше было тех, кто занялся выяснением, кто виноват: засуха или политическая ситуация в России? Как будто это имело какое-то значение для умирающих от голода и могло облегчить их страдания... Политики во всем мире находили разные предлоги, чтобы не оказывать помощь России, утверждая, что голод – это вина самой России, ее большевистской системы. Только представьте себе, сколько жизней можно было спасти... Я считаю, что мир устроен несправедливо»⁸⁸.

Тогда, в 1921 году, после выступления в Лиге Наций, против Нансена была развернута целая кампания. Его обвиняли в том, что он чуть ли не «продался» большевикам и что первый же поезд с продовольствием, направленный в Россию, тут же будет этими большевиками разграблен. Как пишет Эдвард Шеклтон, дело дошло до того, что «самого Нансена обвинили в том, что он извлекает выгоду из этого мероприятия, и лорду Роберту Сэсилу пришлось специально выступать в его защиту, напоминая всем, что Нансен работает вообще без какого то ни было вознаграждения»⁸⁹.

Узнав из прессы об этой кампании, Ленин 5 сентября написал Чичерину: «Кампания “за Нансена” и “против Нансена” ясно показывает... что мы должны ответить Нулансу архирезким отказом... Только тогда мы выиграем, приобретем на свою сторону “рго-нансеновские” элементы и покончим игру антинансеновцев»⁹⁰.

Советское правительство подписало с Нансеном официальное соглашение. Нансена поддерживали миссия Международного Красного Креста, Международный совет по спасению детей, Шведская экспедиция помощи, американские квакеры. С поддержкой выступили Альберт

⁸⁷ См.: Лебедев Н. А. Смольный, Москва, Россия. М., 1978. С. 193, 194; Драбкина Е. Зимний перевал. С. 180, 182.

⁸⁸ Шеклтон Э. Фритьоф Нансен – исследователь. С. 191.

⁸⁹ Там же. С. 190.

⁹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 53. С. 178.

Эйнштейн, Бернард Шоу, Анатоль Франс, Линкольн Стеффенс, и в фонд Нансена со всех концов света в конечном счете поступило свыше 40 миллионов франков⁹¹.

Но и при таких масштабах помощи, поступавшей из-за рубежа, она все-таки погашала лишь малую долю тех потребностей, которые вызвал голод. На протяжении всей осени и зимы 1921 года Советское государство предпринимало отчаянные усилия по мобилизации всех продовольственных ресурсов. Не было ни одного заседания СНК или СТО где бы не обсуждались эти вопросы.

Достаточно указать, что количество «едоков», находившихся на содержании государства, удалось уменьшить главным образом за счет демобилизации армии и сокращения госаппарата – с 38 миллионов человек в 1920 году до 8 миллионов в конце 1921-го⁹².

Такого рода ситуация в стране во многом объясняет, почему в «злосчастном», как выразился Глеб Кржижановский, 1921 году многие возможности, заложенные в НЭПе, не удалось выявить полностью. «Добровольного» продналога и «свободного торгового оборота» зачастую никак не получалось. И многие современные исследователи сходятся на том, что «если руководствоваться наличием чрезвычайщины, признаков военного коммунизма, то еще целый год после X съезда РКП(б) их элементы в экономическом укладе страны были гораздо сильнее, чем слабые нэповские начинания...»⁹³

23 декабря 1921 года на IX Всероссийском съезде Советов Владимир Ильич подвел некоторые итоги проделанной работы. «Нам необходимо не меньше, чем 230 млн. пудов. Из них 12 млн. пудов голодающим, 17 млн. на семена и 15 млн. резервного фонда, – а мы можем получить 109 млн. продналогом, 15 млн. помольным сбором, 12½ от возврата семенной ссуды, 13½ млн. от товарообмена, 27 млн. с Украины...»⁹⁴

Из-за границы получена помощь в размере 2½ миллионов пудов. Но пришло известие, что американское правительство, на тех же условиях, которые предоставлены АРА, готово продать нам в течение трех месяцев продовольствия и семян дополнительно на сумму 20 миллионов долларов, если мы еще добавим от себя 10 миллионов долларов.

«...Мы немедленно такое согласие дали, и это передано по телеграфу». Таким образом, можно закупить 38 миллионов пудов зерна. И «в течение первых трех месяцев мы на сумму 30 миллионов долларов, т. е. 60 миллионов золотых рублей, продовольствие и семена для голодающих обеспечим.

...Это ни в коем случае не перекроет того ужасного бедствия, которое обрушилось на нас. Это вы все прекрасно понимаете. Но, во всяком случае, это все-таки есть помощь, которая, несомненно, свое дело в облегчении отчаянной нужды и отчаянного голода сделает».

Уверенность в том, что страна выберется из кризиса, вселяло и то, что, несмотря на чудовищное бедствие, крестьянам с помощью государства осенью 1921 года все-таки удалось в целом по России расширить (по сравнению с 1920-м) посевы. И мы «имеем надежду весной добиться еще большего успеха»⁹⁵.

Значит, появилась уже не просто надежда, но и вполне реальная почва для оптимизма. «Нужда и бедствия, – пишет Ленин, – велики.

Голод 1921 года их усилил дьявольски.

Вылезем с трудом чертовским, но вылезем. И начали уже вылезать»⁹⁶.

⁹¹ Шеклтон Э. Фритьоф Нансен – исследователь. С. 190, 191.

⁹² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 415.

⁹³ Россия XX век. Исследования. Россия нэповская. М.: Новый хронограф, 2002. С. 11.

⁹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 314.

⁹⁵ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 312, 313.

⁹⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 81.

Программа «всерьез и надолго»

Итак, надежда на то, что из нужды и голода «вылезем» – есть. Ну, а дальше? Что дальше? Станем подтягивать народное хозяйство до уровня 1913 года? Но что это за уровень?

В современной исторической журналистике довоенная Россия рисуется порой красками радужными, как некое царство «довольства и благолепия». Но такая телевизионная «картинка» весьма далека от истины.

В 1915 году в Петрограде вышла книга «Северо-Американские соединенные штаты и Россия». В ней приводилось множество сравнительных данных и, в частности, цифры производства на душу населения.

Так вот, будучи одним из крупнейших мировых экспортеров зерна, Россия производила его «на душу» вчетверо меньше Канады, втрое меньше Аргентины и вдвое меньше США. Иными словами, страна вывозила хлеб за счет недоедания собственного населения.

По общей численности крупного рогатого скота, лошадей и свиней Россия уступала США почти в 5 раз. По добыче угля – более чем в 17 раз, по протяженности железных дорог – более чем в 6 раз. И все это без пересчета на душу населения.

В современной исторической литературе совокупность социально-экономических проблем, стоявших перед страной в начале XX столетия, исследовал в своей монографии «Великая Российская революция...» Александр Шубин. И он вполне солидаризовался с выводом Бориса Кагарлицкого о том, что при достаточно высоких темпах развития Россия так и оставалась страной «периферийного капитализма»⁹⁷.

Если в чем-то Россия и занимала первое место в мире, так это по числу стачечников. В 1913 году их было более 1,2 миллиона рабочих, а в первом полугодии 1914-го превысило уровень 1905 года – более 1,5 миллиона. Именно в эти «благодатные» предвоенные годы в стране стала складываться новая революционная ситуация. И, как писал в апреле 1914-го граф Мусин-Пушкин графу Воронцову-Дашкову, – «все приходят к убеждению, что она [революция – В.Л.] неизбежна и только гадают, когда она наступит и что послужит толчком»⁹⁸.

Конечно, в голодном 21-м о булках 13-го можно было только мечтать. Но разве ради этого три года катилось по стране «красное колесо» гражданской войны? Нет, люди мечтали не о возврате к старому, а о новой, иной жизни.

Увы, революция произошла в стране с таким материальным базисом, который, позволив свергнуть помещиков и буржуазию, еще не давал возможности перейти в «светлое царство коммунизма». Для этого нужен был гигантский рост производительных сил, создание принципиально иной материально-технической базы. Но как раз эта задача – в силу разрушительных условий долгой войны – труднее всего давалась советской власти.

Зимой 1921 года, по дороге в Горки, случился как-то у Ленина мимолетный разговор с крестьянином. Разговор, казалось бы, вовсе пустячный. Но засел он в голове Владимира Ильича крепко.

«Помню, как однажды, – рассказывала Крупская, – мы подъехали к какому-то мосту весьма сомнительной прочности. Владимир Ильич спросил стоявшего около моста крестьянина, можно ли проехать по мосту на автомобиле. Крестьянин покачал головой и с усмешечкой сказал: “Не знаю уж, мост-то ведь, извините за выражение, советский”»⁹⁹.

Ну, и что тут такого? Были мосты «николаевские». Были просто «казенные». Были «земские». А теперь вот – «советский». Но ведь сказано-то с ехидцей, как о предмете сомнитель-

⁹⁷ См.: Шубин А. В. Великая Российская революция: от Февраля к Октябрю 1917 года. М., 2014. С. 23, 25.

⁹⁸ См.: Логинов В. Т. Владимир Ленин. На грани возможного. М.: Алгоритм, 2013. С. 31.

⁹⁹ Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. М., 1972. С. 400.

ной прочности и совсем ненадежном. И сказано так, будто определение уже крепко вошло в обыденное сознание. Вот это, вероятно, и зацепило.

И Ленин, отмечает Крупская, потом, по самым различным поводам, «не раз повторял это выражение крестьянина». Ибо хотел он, чтобы жизнь вложила в понятие «советский» совсем иной смысл.

Еще в марте 1918 года, когда Россия вырвалась из кровавой мировой войны и забрезжила надежда – начать мирное строительство, Ленин вспомнил «Кому на Руси жить хорошо» Некрасова: «Ты и убогая, ты и обильная, / Ты и могучая, ты и бессильная / – Матушка – Русь!». И Владимир Ильич написал тогда, что Россия должна «перестать быть убогой и бессильной, чтобы бесповоротно стать могучей и обильной»¹⁰⁰

Как этого добиться?

За несколько лет до этого, в 1919 году, беседуя с американским писателем Линкольном Стеффенсом, Ленин говорил: «Нам необходимо пересмотреть заново все наши теории в свете новейшего исторического опыта войны, мира, нашей и других революций... Когда непрестанно действуешь, теоретизировать страшно трудно... Чтобы ясно мыслить, я должен поселиться в деревне.

Вот если бы за пределами нашей страны – в Америке, Англии или в Европе – нашлись ученые, которые могли бы наблюдать нашу действительность, изучать ее, размышлять и делиться с нами плодами своих наблюдений!

Мы нуждаемся в критике. Ведь в грозный час бури капитанам прежде всего необходимы советы умных, симпатизирующих наблюдателей, отдаленных от центра бури и потому находящихся в безопасности.

Однако такой критики мы не получаем, и на Западе я не вижу таких критиков. Ее заменяет невежественный ужас, порожденный трудностями, которые мы переживаем. Невежды видят лишь огромные волны, дисциплинированную команду, кое-кого за бортом и только.

Мы ощущаем все это гораздо острее, чем наши критики. Нам необходимо знать, как преодолеть эти трудности и добраться до цели, которая составляет цель всех людей, ищущих смысл жизни. Мы по-разному представляем пути, ведущие к этой конечной цели, но мы вполне согласны в пункте назначения»¹⁰¹.

Трудно сказать, насколько буквально передают слова Владимира Ильича эти записи Стеффенса. Тем более что вдова его – журналистка Элла Уинтер опубликовала их в Нью-Йорке лишь в 1962 году. Но то, что смысл был ухвачен – это несомненно.

Хотя, если быть точным, на зарубежные оценки Владимир Ильич и не очень-то надеялся. Особенно после выхода в 1918 году книги Карла Каутского «Диктатура пролетариата» и множества статей других теоретиков западноевропейской социал-демократии. Смысл их Карл Реннер сформулировал несколько грубо, но достаточно точно: «Капитализм словно свинья. Чтобы зарезать ее и извлечь из нее пользу надо выждать пока она станет достаточно жирной... И мы должны сначала выждать, пока она разжиреет».

В России, где Великая Революция уже покусилась на «священную», хотя и недостаточно жирную «свинью», с таким запасом «премудрости вяленой воблы», как сказал бы Салтыков-Щедрин, решать вопросы, вставшие перед страной, было невозможно. Впрочем, не ожидая советов со стороны, в моменты крутых поворотов Ленин всегда находил возможность теоретически осмыслить возникающую реальность.

С окончанием гражданской войны, пишет он, – «новым в настоящий момент является для нашей революции необходимость прибегнуть к “реформистскому”, постепеновскому, осторожно-обходному методу действий в коренных вопросах экономического строительства».

¹⁰⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 82.

¹⁰¹ Яковлев Б. В. Страницы автобиографии. С. 701, 702.

А как же быть с теми революционными лозунгами, которые еще вчера были бесспорными? «После победы пролетариата хотя бы в одной стране, – отвечает Ленин, – является нечто новое в отношении реформ к революции. Принципиально дело остается тем же, но по форме является изменение, которого Маркс лично предвидеть не мог, но которое осознать можно только на почве философии и политики марксизма»¹⁰²

В свое время, штудирова Гегеля, Ленин записал: «Не голое отрицание, не скептическое отрицание... характерно и существенно в диалектике, – которая, несомненно, содержит в себе элементы отрицания и притом как важнейший свой элемент, – нет, а отрицание как момент связи, как момент развития, с удержанием положительного»¹⁰³.

Вот и теперь задача состоит в том, чтобы «не ломать старого общественно-экономического уклада, торговли, мелкого хозяйства, мелкого предпринимательства, капитализма, а оживлять торговлю, мелкое предпринимательство, капитализм, осторожно и постепенно овладевая ими... лишь в меру их оживления»¹⁰⁴.

НЭП означает не просто замену разверстки налогом, – разъясняет Ленин, – он «означает переход к восстановлению капитализма в значительной мере. В какой мере – этого мы не знаем». Ведь капитализм – это не только иностранные концессии, аренда госпредприятий частниками. Переход к сельхозналогу открыл для крестьян возможность свободной торговли продуктами. А «крестьяне составляют гигантскую часть всего населения и всей экономики, и поэтому на почве этой свободной торговли капитализм не может не расти».

Это азбука экономической науки, хорошо у нас «преподаваемая каждым мешочником, существом, весьма хорошо знакомящим нас с экономикой, независимо от экономической и политической науки. И вопрос коренной состоит, с точки зрения стратегии, в том, кто скорее воспользуется этим новым положением?»¹⁰⁵

Весь вопрос состоит в том, говорит Ленин, – кто кого опередит? В этом соревновании советская власть может экономически опереться на «улучшение положения населения» и прежде всего крестьян. Но и развитие капитализма пойдет на пользу: вырастет промышленное производство, а вместе с ним будет расти пролетариат. Вместо спекуляции и изготовления зажигалок рабочие крупных предприятий станут, наконец, производить ценности, необходимые обществу, то есть вновь вернуться в свою «классовую колею»¹⁰⁶.

«Успеют капиталисты раньше организовать, – и тогда они коммунистов прогонят... Или пролетарская государственная власть окажется способной, опираясь на крестьянство, держать господ капиталистов в надлежащей узде... создать капитализм, подчиненный государству и служащий ему... Тогда пролетарская власть сумеет организовать народное движение вокруг себя – и тогда мы выйдем победителями»¹⁰⁷.

Кто кого? И главная проблема состоит в том, что «враг среди нас есть анархический капитализм и анархический товарообмен», что именно они способны поставить революцию на край пропасти и «пятиться назад», как это случалось с прежними революциями¹⁰⁸.

Об этой опасности с самого начала НЭПа постоянно думал и Ленин. В мае 1921 года, готовясь к докладу на X Всероссийской конференции РКП(б), он записывает: «“Термидор”? Трезво, *может быть*, да? Будет? Увидим. Не хвались, едучи на рать»¹⁰⁹. Буржуазия способна

¹⁰² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 221, 228.

¹⁰³ Там же. Т. 29. С. 207.

¹⁰⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 151.

¹⁰⁵ Там же. С. 159, 160.

¹⁰⁶ Там же. С. 161.

¹⁰⁷ Там же. С. 161, 163.

¹⁰⁸ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 161, 162.

¹⁰⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 403.

объединить «мелкую буржуазию (ей только объединения не хватает) и скинет пролетарскую диктатуру»¹¹⁰

Так что же делать?

То, что Русская революция забежала далеко вперед, для Ленина было очевидным. 20 сентября 1921 года Владимир Ильич пишет заместителю заведующего Центрального архивного управления В. В. Адоратскому, готовившемуся в то время к изданию работ Маркса и Энгельса: «Не могли бы Вы помочь мне найти... ту статью (или место из брошюры? или письмо?) Энгельса, где он говорит, опираясь на опыт 1648 и 1789, что есть, по-видимому, закон, требующий от революции продвинуться *дальше, чем она может осилить*, для закрепления менее значительных преобразований?»¹¹¹

У истории действительно существуют свои законы, сколько бы не иронизировали по этому поводу современные российские постмодернисты. Для великих, подлинно народных революций характерно, в частности, известное забегание вперед.

В ходе общественных преобразований, сталкиваясь с отчаянным сопротивлением «старого режима», революционная волна лишь наращивает силу ударов, безоглядно круша все подряд. Здесь господствуют законы драки, где – как говорил Ленин Горькому – просто невозможно рассчитать целесообразность каждого удара. Ведь не диктовалась же никакими объективными обстоятельствами Великой Французской революции необходимость введения нового календаря! Тут действовала лишь логика борьбы.

«Выражая умонастроения и интересы радикально настроенного ядра рабочего класса, – пишет современный исследователь профессор В. В. Журавлев, – большевики понимали, что логика развития революционного процесса не позволяет им останавливаться на полпути».

Ограничивать движение – в той резко конфликтной обстановке – «лишь оборонительными задачами, значило заведомо проиграть ту грандиозную битву с капиталом, которая уже повсеместно шла, вне зависимости от доктрин, планов и намерений различных политических сил общества»¹¹².

Известный французский экономист Жак Рюэфф – после богатого опыта всех французский революций – написал: «Истинная задача всегда заключается в том, чтобы оценить дозу прошлого, которую можно терпеть в настоящем, и дозу настоящего, которую следует сохранять для будущего».

Но так можно рассуждать лишь потом, когда схватка миновала. А в годы Великой Русской революции, когда неприятие прежнего устройства жизни перехлестнуло через край, вооруженный войной народ рушил все, что так или иначе было связано со «старым режимом». Происходил переход количества в качество. И прав Александр Блок: надо было веками угнетать, насиловать, топтать людей и их человеческое достоинство, чтобы породить такой взрыв народной ярости и ненависти¹¹³.

Но вполне закономерным являлось и то, что после того, как революционная волна забежала слишком далеко вперед, становился неизбежным ее отлив, обратная волна. Французская революция продемонстрировала этот закон достаточно наглядно: после крайних радикалов-якобинцев наступило время умеренных. Начался Термидор.

Термидор – «дарующий тепло» – название летнего месяца во французском революционном календаре. Слово это сохранилось в памяти потомков как метафорическое обозначение перелома в ходе революции. 9 термидора – 27 апреля 1794 года якобинская диктатура была свергнута.

¹¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 463.

¹¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 53. С. 206.

¹¹² Вопросы истории КПСС. 1991. № 4. С. 35.

¹¹³ См.: Блок А. Соч. в 2-х томах. Том 2. М., 1955. С. 224.

Следующей страницей истории стал Наполеон, а после него – реставрация династии Бурбонов. Волна воинствующего реванша откатилась настолько далеко, что о Бурбонах справедливо было сказано: «Они ничего не поняли и ничему не научились»¹¹⁴.

Впрочем, и «обратная волна» имела свои пределы. Историю невозможно повернуть вспять. «Реакция, начавшаяся еще до Наполеона...», – отметил в свое время Н. Г. Чернышевский, – не сумела искоренить ни революционной тенденции, ни даже законов, ею произведенных в краткий период шести лет от 1789 до 1795...»¹¹⁵ Бурбоны после реставрации могли сколько угодно переименовывать улицы, площади и календари, возвращать дворцы и титулы, а вот новые земельные отношения в деревне, новые правовые нормы, зафиксированные «Кодексом Наполеона», отменить было уже невозможно.

В России ждать тихого и уютного «термидора» не приходилось. Ибо после столь ожесточенной гражданской войны контрреволюционные силы мечтали лишь о мести и реванше. Этой возможности лишал их НЭП.

Виктор Серж, работавший в те годы в аппарате Коминтерна, пишет: «В эти черные дни Ленин сказал одному из моих друзей о НЭПе буквально следующее: “Это Термидор. Но мы не дадим себя гильотинировать. Мы совершим Термидор сами!”»¹¹⁶

Надо полагать, Серж говорит о беседе Ленина с Жаком Садулем летом 1921 года, излагая достаточно вольно слова Владимира Ильича. В воспоминаниях самого Садуля фраза Ленина звучала так: русские «рабочие-якобинцы более проницательны, более тверды, чем [французские] буржуазные якобинцы, и имели мужество и мудрость сами себя термидоризировать»¹¹⁷.

Никаких иллюзий относительно того, что российский пролетариат только собственными силами сможет вытащить страну из кризиса, у Ленина не было. В том, что касается налаживания производства и его рациональной организации, – это дело у капиталистов, несомненно, получилось гораздо лучше.

Так, может быть, правы были политические оппоненты Ленина, предлагавшие признать наконец, что революция оказалась буржуазной, вернуть российскую экономику буржуазии, уповая на то, что капиталистическое предпринимательство и «стихия рынка» поднимут страну и поставят все на свое место. Однако и такого рода иллюзиями Владимир Ильич не страдал.

Начавшаяся эпоха империализма и в особенности Первая мировая война убедительно показали, какими гигантскими возможностями обладает «государственный капитализм», т. е. регулирование экономической жизни страны ее политической надстройкой.

К аналогичному выводу пришел и крупнейший английский экономист Джон Мейнард Кейнс. Не случайно он искал встречи с Лениным и предлагал ему выступить со статьей в солидном британском издании¹¹⁸. Но если Кейнс использовал это знание для того, чтобы с помощью экономического регулирования укрепить капиталистическую систему, то для Ленина этот вывод открывал совершенно иные перспективы.

Владимир Ильич был убежден (и последующий опыт XX века подтвердил это), что в слабо- и среднеразвитых странах, с огромным преобладанием мелкобуржуазных слоев населения, только государство способно разработать наиболее рациональную промышленную политику, в которой общенациональные интересы будут преобладать над частными.

А во-вторых, только государство сможет обеспечить необходимый объем инвестиций и организовать для реализации крупномасштабных экономических проектов эффективное использование материальных и людских ресурсов, не давая возможности «стихии рынка» рас-

¹¹⁴ См. статью Ф. Б. Белелюбского. Статья в кн. // Марксизм. Прошлое, настоящее, будущее. М., 2003. С. 436, 437; Логинов В. Т. Закон обратной волны. «Независимая газета», 28 ноября 1995 года.

¹¹⁵ См.: Кондратьева Т. Большевики-якобинцы и призрак термидора. М., 1993. С. 21.

¹¹⁶ Серж Виктор. От революции к тоталитаризму. Оренбург, 2001. С. 159.

¹¹⁷ См.: «Иностранная литература». 1966. № 4. С. 236.

¹¹⁸ См.: В. И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 12. С. 180, 182, 337.

пылить их на потребу дня. Иными словами, как говорили много лет спустя во время реформ Эрхарда в Западной Германии, только активизации роли государства способна «защитить рынок от него самого».

Для многих вполне интеллигентных людей – особенно тех, кто в юности баловался чтением Маркса, – само сочетание таких понятий, как «пролетарское государство» и «государственный капитализм» являлось, как нынче говорят, оксимороном, т. е. нелепицей. Об этом Ленин упомянул на X съезде РКП(б).

«В Москве, – говорил он, – есть целый слой интеллигентски-бюрократический, который пытается создавать “общественное мнение”. Он [этот слой – В.Л.] начал потешаться: “Вот так коммунизм вышел! Вроде того, как человек, у которого внизу костыли, а вместо лица сплошная перевязка, и от коммунизма остается загадочная картинка”. Этого рода шуточку я достаточно слышал...

Россия из войны вышла в таком положении, что ее состояние больше всего похоже на состояние человека, которого избили до полусмерти: семь лет колотили ее, и тут, дай бог, с костылями двигаться! Вот мы в каком положении! Тут думать, что мы можем вылезать без костылей, – значит ничего не понимать... и отделяться теми или иными остротами».

И если есть возможность использовать в качестве костылей какие-то капиталистические методы хозяйствования и самих капиталистов, то мы можем «и миллиардами поступиться из наших необъятных богатств, из наших богатых источников сырья, лишь бы получить помощь крупного передового капитализма...

Удержать же пролетарскую власть в стране неслыханно разоренной, с гигантским преобладанием крестьянства, так же разоренного, без помощи капитала, – за которую, конечно, он сдерет сотенные проценты, – нельзя. Это надо понять»¹¹⁹.

Среди коммунистов тоже было немало таких, кто, пройдя школу «красногвардейской атаки на капитал», был искренне убежден в том, что какие бы прилагательные не лепили к слову «капитализм», он все равно остается капитализмом, никак не совместимым с борьбой за коммунизм. И с началом НЭПа (как, впрочем, и в 1918 году) Ленину постоянно приходилось терпеливо разъяснять смысл новой политики.

«Безусловно, свобода торговли, – говорил Владимир Ильич 5 июля 1921 года на III Конгрессе Коминтерна, – означает свободу капитализма... Это значит, что мы, до известной степени, заново создаем капитализм. Мы делаем это совершенно открыто».

Но важно понять главное, что мы создаем не просто капитализм, а «новую его форму... Это – государственный капитализм. Но государственный капитализм в обществе, в котором власть принадлежит капиталу, и государственный капитализм в пролетарском государстве – это два различных понятия».

Разница состоит в том, что в капиталистическом государстве госкапитализм контролируется государством «на пользу буржуазии и против пролетариата. В пролетарском государстве то же самое делается на пользу рабочего класса, с целью устоять против все еще сильной буржуазии и бороться против нее».

Не затрагивая политических институтов, без денационализации, требуя лишь строжайшего соблюдения советских законов и условий концессий, мы, – продолжал Ленин, – передаем капиталистам рудники, леса, нефтяные источники, сдаем в аренду предприятия, «чтобы получить от них продукты промышленности, машины и т. д. и таким образом восстановить нашу собственную промышленность».

¹¹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 68.

...Мы должны заплатить за нашу отсталость, за нашу слабость, за то, чему мы сейчас учимся, чему должны учиться. Кто хочет учиться, должен платить за учение». Да, это «дань капитализму. Но мы выигрываем время, а выиграть время – значит выиграть все...»¹²⁰

То, что шаг за шагом необходимо восстанавливать и развивать прежние сохранившиеся индустриальные центры – это было несомненно. То, что для этого необходимо заимствовать у Запада передовую технику и технологию – это тоже было очевидно. Но не только это.

Владимир Ильич полагал, что **«не следует оставаться в пределах вполне обычного для капиталистической техники, что следовало бы сделать шаг дальше»**¹²¹. Иными словами, он ставил вопрос не просто о восстановлении народного хозяйства и даже, как это принято считать, не о «догоняющем» варианте (т. е. повторяющем ту же траекторию движения), а об **обгоняющем пути развития России**¹²².

Именно такую возможность прорыва в будущее, подведения под народное хозяйство самой передовой научно-технической базы давала **электрификация**. Вместе с тем она формировала и наиболее благоприятные условия для последующего перевода производительных сил страны к новым, социалистическим производственным отношениям.

Первые шаги электрификации в конце XIX – начале XX века в наиболее развитых странах Европы, Америки, да и в самой России вполне доказали ее эффективность. Однако преобладание частного интереса в экономике препятствовало созданию крупных единых энергосистем, и процесс электрификации происходил медленно и крайне непланомерно.

Лишь маленькой Норвегии с ее богатейшими гидроресурсами удалось в начале столетия осуществить *общегосударственную* программу строительства крупных ГЭС, которая вывела ее на первое место в мире по производству электроэнергии на душу населения.

Уже в апреле 1918 года, когда Ленин мечтал о «могучей и обильной» России, набрасывая план научно-технических работ, Владимир Ильич пишет о необходимости электрификации промышленности, транспорта и использовании электроэнергии в земледелии для достижения высокого уровня развития производительных сил страны¹²³.

В том же 1918 году начинается строительство государственной Шатурской районной электростанции и гидростанции на реке Волхов, в феврале 1919-го – Каширской государственной электростанции, затем станции «Красный октябрь» на Уткиной Заводи под Петроградом.

«Если в 1918 году, – отметил Ленин, – у нас было вновь построенных электрических станций 8 (с 4757 kw – киловатт), то в 1919 году эта цифра поднялась до 36 (с 1648 kw), а в 1920 году до 100 (с 8699 kw)». И Владимир Ильич заключал: «Как ни скромно это начало для нашей громадной страны, а все же начало положено...»¹²⁴

В самом начале 1920 года, когда стало очевидным, что разрушительная гражданская война близка к завершению, по указанию Ленина издается брошюра Г. М. Кржижановского «Основные задачи электрификации России» с эпиграфом: «Век пара – век буржуазии, век электричества – век социализма». Она раздается делегатам 1-й сессии ВЦИК 7-го созыва и 3 февраля 1920 года ВЦИК принимает решение о разработке государственного плана электрификации России.

21 февраля Президиум ВСНХ образовал для этого специальную комиссию во главе с Кржижановским, а 24 марта СТО утвердил положение о Государственной комиссии по электрификации России (ГОЭЛРО). В ее работе приняли участие свыше 200 виднейших деятелей науки и техники страны, подготовивших «План электрификации РСФСР».

¹²⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 48, 49, 50.

¹²¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 280. [Выделено мною – В.Л.]

¹²² См.: «Российская правда». 2002. № 18 (309). С. 2.

¹²³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 228–231.

¹²⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 10.

Новая экономическая политика и план ГОЭЛРО сыграли и здесь решающую роль.

«Более 200 специалистов, – заметил Ленин, – почти все, без исключения, противники Советской власти – с интересом работали над этим, хотя они и не коммунисты»¹²⁵. Даже таких видных разработчиков плана, как профессор Петр Семенович Осадчий, профессор Борис Евдокимович Воробьев и профессор Генрих Осипович Графтио, Владимиру Ильичу приходилось в 1921 году вытаскивать из арестного дома ВЧК¹²⁶.

Тем более интересно, что в ряде существенных моментов мысли «заказчиков» и «разработчиков» сразу совпали. И первое – это оценка стратегического направления и уровня экономического развития России.

В докладе комиссии ГОЭЛРО указывалось: 1) нельзя ставить Россию в один хозяйственный ряд с Китаем, Персией, Турцией и другими странами так называемого «азиатского деспотизма»; 2) «ходячее представление о том, что вообще всё хозяйство России является более всего земледельческим, нуждается в значительных оговорках»; 3) на протяжении всего довоенного периода упрочилась тенденция к снижению «чаши весов деревенской России» в экономическом развитии страны; 4) «уже в довоенное время наша индустриализация шла более ускоренным темпом, чем где бы то ни было»¹²⁷.

Естественно, что никто из ученых, пришедших к таким выводам, понятия не имел о проходившей в то время дискуссии Ленина с Бухариным, в которой Владимир Ильич настаивал на том, что Россия относится к числу «среднеслабых стран» и что без «известной высоты капитализма у нас бы ничего не вышло»¹²⁸.

Но главное, у «заказчиков» и «разработчиков» совпало центральное решение – не восстанавливать прежнюю Россию 1913 года, а совершить исторический прорыв: подвести под все народное хозяйство страны принципиально новую энергетическую базу, то есть встать на путь электрификации РСФСР.

И то, что такой грандиозный план был составлен буквально в считанные месяцы, свидетельствовало о том, насколько выношенным и продуманным в предшествующие годы – начиная с первых шагов индустриализации времен Витте – было это решение.

План состоял из программы А, рассчитанной на реконструкцию довоенной энергетики, и программы Б, предусматривавшей строительство 30 районных, точнее – региональных электростанций (20 тепловых, в том числе: Каширская, Шатурская, Нижегородская, Штеровская, Кизилевская, Челябинская и др., использующих прежде всего местные виды топлива – от низкосортного угля и торфа до сланцев), а также 10 ГЭС (Волховской, двух Свирских, Днепрогэса и др.).

Суммарную годовую выработку электроэнергии намечалось довести до 8,8 миллиардов киловатт-часов против 1,9 миллиарда киловатт-часов, вырабатывавшихся в предвоенной России. Причем рост мощности станций должен был опережать темпы роста промышленного производства.

К сожалению, в сознании многих людей план ГОЭЛРО нередко связывается исключительно с проблемой электрификации страны. Между тем это был *первый в мире* комплексный план развития народного хозяйства страны в целом, предусматривавший принципиальные направления экономической политики в сфере промышленности, транспорта, модернизации сельскохозяйственного производства и т. д.

Срок реализации этой великой программы определялся в 10–15 лет. За это время предполагалось увеличить промышленное производство – в сравнении с 1913 годом – на 80–100 %,

¹²⁵ Там же. С. 51.

¹²⁶ См.: В. И. Ленин и ВЧК. Сб. документов. 1917–1922 гг. М., 1975. С. 439, 440, 465.

¹²⁷ См.: План электрификации РСФСР. Доклад VIII съезду Советов Государственной комиссии по электрификации России. М., 1955. С. 49, 93, 95.

¹²⁸ См.: Ленинский сборник. XI. С. 397.

добычу угля довести до 62,3 млн. тонн в год (в 1913-м – 29,2), нефти – до 11,8-16,4 млн. тонн (против 10,3 в 1913-м), железной руды до 19,6 (против 9,2 в 1913-м), выплавку чугуна до 8,2 млн. тонн (против 4,2 млн.).

Предусматривалась также всесторонняя реконструкция транспорта и электрификация важнейших железнодорожных магистралей, строительство новых дорог. Намечались работы по электрификации деревни, механизации сельского хозяйства, развитию ирригации и мелиорации, внедрению агрохимии, новейших систем земледелия, решение ряда экологических проблем и т. д. А на основе электрификации и механизации всех производств предполагалось добиться не только коренных изменений в условиях труда, но и значительного роста его производительности.

Столь грандиозный по своим масштабам план требовал дальнейшей детальной проработки и, прежде всего, вовлечение в его реализацию широчайшего круга специалистов. В определенной мере эту задачу удалось решить благодаря VIII Всероссийскому электротехническому съезду. Первоначально его созыв намечался на август, но собрался он лишь 1-10 октября 1921 года с участием 893 делегатов из 102 городов России и 475 гостей. Лишь после учета рекомендаций этого съезда **21 декабря 1921 года план ГОЭЛРО был утвержден Совнаркомом и одобрен IX съездом Советов.**

Важной частью новой экономической политики стала разработка радикальной денежной реформы, без которой восстановление системы экономических отношений в народном хозяйстве страны было попросту невозможно.

В нашей исторической журналистике утвердилось мнение, что решение о необходимости подобной реформы потребовало от Ленина решительного отказа от «доктрины» и пересмотра своих прежних взглядов. Но это не так. Как и вопрос о продналоге, Владимир Ильич продумывал эту проблему, отвечая на конкретные вопросы: что именно? когда? при каких условиях?

Развал существовавшей денежной системы начался еще в годы мировой войны. Во Франции выпуск бумажных денег увеличился вдвое, в Германии – втрое, а в России – в шесть раз. И царское и Временное правительство покрывали все расходы на войну за счет эмиссии. Катастрофически вырос государственный долг и, как следствие, вывоз золота за границу. При росте дороговизны и сокращении производства потребительских товаров деньги вообще начинали утрачивать сам смысл своего существования¹²⁹.

В 1917 году Ленин писал: «Крестьяне отказываются давать хлеб за деньги и требуют орудия, обувь и одежду. В этом решении заключается громадная доля чрезвычайно глубокой истины. Действительно, страна пришла к такой разрухе, что в России... деньги потеряли свою силу... Крестьяне, например, денег не берут. Они говорят: “Зачем нам деньги?” И они правы»¹³⁰.

После Октябрьской революции, с выходом из войны, Советское правительство начало подготовку к стабилизации финансовой системы. Удалось вдвое сократить эмиссию, увеличить заготовительные цены на хлеб. Тогда же появился и проект чиновника особых поручений бывшего министерства финансов Георгия Эдуардовича Ломейера, предлагавшего выпуск банковских денег, тесно связанных с золотым обеспечением¹³¹.

Однако начавшаяся гражданская война обрушила эти планы. «В 1918 году эмиссия составила 33,7 млрд. рублей. В 1919-м – 163,7 млрд., в 1920-м – 943,6 млрд. рублей. Количество денежных знаков в обращении превысило тот предел, за которым деньги перестают выпол-

¹²⁹ См. статью Д. Мурзина в журнале «Диалог». 1990. № 10. С. 62.

¹³⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 98.

¹³¹ См.: Денежная реформа 1921–1924 гг.: создание твердой валюты. Документы и материалы. М.: РОССПЭН, 2008. С. 15; статья Д. Мурзина в журнале «Диалог», 1990, № 10 с. 63.

нять свои функции, становятся бессмысленными, что и позволяет использовать их с большей эффективностью в качестве обоев»¹³².

Поэтому вполне естественно, что, принимая решение о переходе к НЭПу, X съезд РКП(б) принимает 15 марта резолюцию, поручавшую ЦК «пересмотреть в основе всю нашу финансовую политику... и провести в советском порядке нужные реформы».

27 марта Ленин пишет Е. А. Преображенскому, которого вводят в состав НКФина: «Суть дела: нам надо именно теперь... начать систематически готовить “оздоровление” валюты... Нельзя медлить с этим. Это надо обдумать и подготовить и начать...»¹³³

А уже 14 апреля 1921 года, по докладу Преображенского, Политбюро принимает с поправками и дополнениями Ленина, предложение Финансовой комиссии ЦК по оздоровлению денежного обращения и проведению деноминации совзнаков в соотношении «не менее 1:1000». Предлагалось также продумать вопрос о восстановлении банковских учреждений¹³⁴.

Деноминация была декретирована в ноябре 1921 года путем выпуска рублей образца 1922 года, но уже в соотношении 1:10 000. А до этого, вместо прежних конфискаций органами ВЧК драгметаллов и прочих ценностей, 6 сентября СНК поручает Наркомфину для увеличения золотовалютного фонда приступить к **покупке** у населения золота, платины и валюты, в соответствии с курсами на иностранных рынках.

Наконец, 6 октября 1921 года декретом Совнаркома учреждается Государственный банк «с целью способствовать кредитом и прочими банковыми операциями развитию промышленности, сельского хозяйства и товарооборота, а также... проведению других мер, направленных к установлению правильного денежного обращения»¹³⁵.

Все эти шаги, как и план ГОЭЛРО, свидетельствовали о серьезности намерений Советской власти, направленных на возрождение народного хозяйства страны. И это обстоятельство сразу вызвало позитивную ответную реакцию со стороны крупнейших экономистов и финансистов России, отнюдь не сочувствовавших прежде начинаниям коммунистов.

Первоначально местом, где происходили дискуссии по проблемам денежной реформы, стал Институт экономических исследований (ИЭИ) Наркомфина. Уже в марте, а затем в июне 1921 года здесь выступил с докладом известный банковский деятель, бывший директор и председатель Правления Русско-Сибирского торгового банка Владимир Василевич Тарновский.

Здесь же 25 мая был заслушан доклад «о незамедлительной реформе денежного обращения» уже знакомого читателям заместителя министра финансов в царском правительстве (1905 г.) Николая Николаевича Кутлера. 30 мая записку с тезисами по данному вопросу представил и руководитель финансовой секции ИЭИ, член Правления дореволюционного Госбанка Павел Петрович Гензель. В обсуждении этих проектов 3 июня приняли участие бывший член Госсовета и заместитель министра финансов царского правительства в 1906 году Н. Н. Покровский, член Совета Госбанка при Временном правительстве Н. Д. Силин, профессора В. Я. Железнов, В. Н. Твердохлебов и Н. Н. Шапошников.

Предметом дискуссии стали несколько предложений, содержащихся в указанных докладах. Первое: отказ или резкое сокращение дальнейшей эмиссии бумажных денег. Второе: значительное сокращение государственного бюджета за счет расходов на армию, флот, госаппарат. И то и другое вполне согласовывалось с решениями ЦК РКП(б).

А дальше предлагались меры, выходявшие за эти рамки, но известные еще со времен финансовых реформ Наполеона и денежной реформы Витте. Первая: введение параллельно существующим бумажным деньгам банкнот, обеспеченных золотым запасом республики. Вто-

¹³² См. статью Д. Мурзина в журнале «Диалог». 1990. № 10. С. 63.

¹³³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 52. С. 114.

¹³⁴ См: Денежная реформа 1921–1924 гг. С. 31, 33.

¹³⁵ Там же. С. 54, 236.

рое: проведение девальвации прежних денежных знаков на новые по курсу 10 000 к одному золотому рублю.

Для реализации такого проекта, как полагали его авторы, необходимо было прежде всего получение крупного иностранного займа, а для практического руководства всей реформой – создание особой концессии по учреждению эмиссионного банка – Банка России, который был бы достаточно независим от государственной исполнительной власти¹³⁶.

И то и другое сами участники дискуссии сочли весьма «утопичным», поскольку надежды на крупный заграничный заем, как и на золотой фонд самой России, – не реальны, ибо имеющиеся скудные золотовалютные резервы необходимы государству для безотлагательной борьбы с голодом. Стало быть, как заявил Н. Н. Покровский, – «средств для осуществления проекта не имеется и потому не следует и начинать реформу»¹³⁷.

От предложений о заграничном займе, а тем более иностранной концессии на эмиссионный банк России, как говорится, за версту пахло «плохой» политикой, и, вероятно, поэтому в Наркомфине ими не заинтересовались. Во всяком случае, на заседание коллегии наркомата, проведенное 24 сентября под председательством наркома Николая Николаевича Крестинского, профессуру даже не пригласили. А принятые решения дальше деноминации, заявленной Политбюро еще в апреле, так и не продвинулись. Изменился лишь курс: один бумажный рубль образца 1922 года обменивался на 10 000 прежних расчетных знаков¹³⁸.

То есть ни о какой радикальной финансовой реформе, декларированной X съездом партии, речь не шла. И об этом топтании на месте Ленин почти ежедневно получал самую наглядную информацию, когда ему на стол выкладывали для подписи кипы постановлений СТО и Малого СНК об отпуске миллиардов и миллионов этих самых «расчетных знаков» на самые различные государственные нужды. В конце концов, 17 октября 1921 года Владимир Ильич направляет письмо наркому финансов Крестинскому: «Хотел бы знать Ваше мнение, не пора ли произвести расчеты двоякого рода:

во-1-х, план (самый грубый и общий, в порядке первого приближения) восстановления нашей валюты. Скажем: при таких-то условиях, в течение стольких-то лет можно бы было последовательным применением таких-то мер осуществить то-то...

Во-2-х, нельзя ли перевести на золото наш расходный бюджет и сравнить (*по главным рубрикам* – и, может быть, по ведомствам и по областям, губерниям, столицам и пр., насколько возможно) с *довоенными* цифрами.

Надо приступить, и поскорее, к тому, чтобы путем такого или подобного расчета начать нам реформу нашего, совсем запущенного, ни с чем не сообразованного, стихийно, бессистемно вспухшего бюджета»¹³⁹.

А дабы дело не отдавать на откуп непрофессионалам, 20 октября на заседании Политбюро Ленин пишет постановление: поручить Наркомфину и Финансовой комиссии «подобрать в кратчайший срок группу лиц с солидным практическим стажем и опытом в капиталистической торговле, на предмет консультации по вопросам денежного обращения»¹⁴⁰.

Преображенский пытается убедить Ленина в том, что деноминация в определенной мере сможет сдержать рост эмиссии. Но 28 октября Владимир Ильич отвечает ему: «Ваш оптимизм все чаще – я вижу – опровергается фактами... Весь темп нашей денежной реформы надо в *корне* изменить».

¹³⁶ См.: Денежная реформа 1921–1924 гг... С. 46, 50, 52.

¹³⁷ Там же. С. 34, 35, 46, 96, 98, 237, 238.

¹³⁸ Там же. С. 57.

¹³⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 53. С. 275, 276.

¹⁴⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 182.

Periculum in mora [опасность в промедлении]»¹⁴¹.

Затяжка в проведении реформы объяснялась не только неповоротливостью госаппарата. Многие из руководящих деятелей, причастных к экономике, испытывали внутреннее сопротивление и против госкапитализма, и против участия буржуазии в хозяйственной жизни, что и приводило их, как выразился Ю. Ларин, к неприятию этой якобы «коммунистической реакции». А золото – «презренный металл», и торговля как раз и были для них символом всех крайностей и «grimас НЭПа»¹⁴².

В этой связи 7 ноября, в праздничном номере «Правды» появилась статья Ленина на весьма прозаическую тему – о значении золота и торговли в текущий момент. «Коммунизм и торговля?! – пишет Владимир Ильич. – Что-то очень уж несвязное, несуразное, далекое». Наверняка придет время, когда из золота сделают «общественные отхожие места на улицах нескольких самых больших городов мира» в память о кровавых преступлениях, веками совершавшихся во имя этого «презренного металла»¹⁴³.

Но пройдет немало десятков лет, продолжает Ленин, прежде чем это сможет произойти. «Пока же: беречь надо в РСФСР золото, продавать его подороже, покупать на него товары подешевле. С волками жить – по-волчьи выть... Не дадим себя во власть “социализму чувств” или старорусскому, полубарскому, полумужицкому, патриархальному настроению, коим свойственно безотчетное пренебрежение к торговле».

Да, с началом широкомасштабной Гражданской войны мы сами отрицали значение торговли. Что же заставляло пойти по этому пути? – «Военное положение, – отмечает в первую очередь Ленин, – исключало “коммерцию”». Но только ли это? – Нет: «и по военным соображениям; и по почти абсолютной нищете; и по ошибке; по ряду ошибок...»¹⁴⁴

Новым в настоящий момент является «переход после ряда самых революционных действий к чрезвычайно “реформистским” действиям на том же поприсе...»¹⁴⁵

Если абстрагироваться от военного положения, то теоретическая ошибка состояла в том, пишет Ленин, что «мы рассчитывали – или, может быть, вернее будет сказать: мы предполагали без достаточного расчета – непосредственными велениями пролетарского государства наладить государственное производство и государственное распределение продуктов по-коммунистически в мелкокрестьянской стране. Жизнь показала нашу ошибку»¹⁴⁶.

Теперь же «не на энтузиазме непосредственно, а при помощи энтузиазма, рожденного великой революцией, на личном интересе, на личной заинтересованности, на хозяйственном расчете потрудитесь построить сначала прочные мостки, ведущие в мелкокрестьянской стране через государственный капитализм к социализму...»¹⁴⁷

Задача состоит теперь в том, чтобы продержаться не только в материальном, но и «в моральном смысле – это значит не дать себя деморализовать, дезорганизовать, сохранить трезвую оценку положения, сохранить бодрость и твердость духа...»¹⁴⁸

В соответствии с рекомендацией Ленина бюджет на 1922 год был сверстан в условных довоенных (золотых) рублях. И против такого «гарантированного» рубля в руководстве Минфина в принципе никто не возражал. Спорным являлся вопрос о темпах реформы. Доводы того же Преображенского сводились к тому, что это процесс долгий и через последующие деноми-

¹⁴¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 53. С. 313, 321.

¹⁴² См.: Деятели СССР и революционного движения в России. Энциклопедический словарь Гранат. М., 1989. С. 486.

¹⁴³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 225, 226.

¹⁴⁴ Там же. С. 473.

¹⁴⁵ Там же. С. 226, 227, 228.

¹⁴⁶ Там же. С. 151.

¹⁴⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 151.

¹⁴⁸ Там же. С. 222, 239.

нации «мы *приравняем* бумажки к золоту (через год, два и т. п.) лишь после *упрочения* курса рубля...»¹⁴⁹

Но существовала и другая точка зрения. 12 ноября Владимир Ильич получает письмо старого партийца Арона Львовича Шейнмана, 6 октября вступившего в должность председателя правления Госбанка. Будучи ранее членом коллегии Наркомфина, он был хорошо знаком с проектами Кутлера, Тарновского, и некоторые их идеи вошли в его предложения.

Реформа «не терпит далее, – писал Шейнман, – никакого отлагательства... Необходимо решиться на девальвацию. Лишь после проведения этой меры можно будет говорить о бездефицитном бюджете, о безубыточном хозяйстве и т. д.» Для проведения реформы необходимо перечислить Госбанку 150 миллионов металлических рублей, дать право закупки золота и валюты, но главной базой преобразований должно стать «развитие в стране правильно поставленной торговли» как товарами государственного, кооперативного сектора, так и частного, в том числе и мелкой промышленности, при определенном регулировании цен государством, организации торговых палат, товарной биржи, допущении частных, кооперативных банков и т. п. К письму прилагался также список ученых и специалистов, которых необходимо было привлечь ко всей этой работе.

Ленин внимательно прочел письмо, сделал ряд замечаний, в частности, предостерег Шейнмана от излишнего «революционного» пыла при решении подобных вопросов, от покушений на госмонополию внешней торговли. Посоветовал еще «100 раз» продумать все предложения, особенно о возможных формах иностранных инвестиций. Но, вместе с тем, проведение совещания со специалистами было поручено именно ему¹⁵⁰.

Это совещание состоялось в Госбанке 20 ноября 1921 года. Помимо уже известных нам финансистов – Гензеля, Кутлера, Покровского и Тарновского, пригласили профессора Московского университета Захария Соломоновича Каценеленбаума, профессоров Московского коммерческого института Николая Николаевича Шапошникова и Александра Александровича Соколова, профессора Экономико-статистического университета Семена Анисимовича Фалькнера и профессора Саратовского университета Леонида Наумовича Юровского.

Но серьезного разговора так и не получилось, ибо помимо них собралось еще около 50 руководителей и сотрудников Наркомфина, Госбанка, ВСНХ. Вместо привычной для профессуры обстановки ученых советов получилось нечто вроде достаточного обширного собрания. Может, отчасти поэтому большинство, в том числе и специалистов, сочло преждевременными какие-либо специальные меры по упорядочению денежного обращения, кроме самых общих мер по подъему народного хозяйства. Лишь Шейнман и Кутлер отстаивали необходимость незамедлительной реформы¹⁵¹.

Опыт работы над планом ГОЭЛРО, которую возглавлял Глеб Кржижановский, лишний раз доказывал, насколько важно умение руководителя находить общий язык с учеными, невзирая на политические симпатии того или иного специалиста, ради вовлечения их в общее дело возрождения России. А это неизбежно ставило проблему кадрового обновления руководства Наркомата финансов, сложившегося в донэповские годы.

Прежде всего, многие функции Финансовой комиссии ЦК, во главе которой стоял Преображенский, переходят к Высшей экономической комиссии ЦК под председательством Камнева «для объединения всех экономических и финансовых вопросов». Формально она была утверждена Политбюро 1 декабря 1921 года, но фактически приступила к работе уже в ноябре.

¹⁴⁹ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 53. С. 322.

¹⁵⁰ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 54. С. 341–345.

¹⁵¹ См.: Денежная реформа 1921–1924 гг... С. 239, 240.

Что касается Преображенского, то он назначается председателем Главного управления по профобразованию. Наркомпроса, с оставлением в составе коллегии Наркомфина¹⁵².

До этого в октябре нарком финансов Крестинский назначается полпредом РСФСР в Германии, с оставлением на прежнем посту вплоть до замены. А на одном из заседаний Политбюро Преображенский предлагает сделать заместителем наркома финансов Г. Я. Сокольникова, бывшего в тот момент председателем и Туркестанского бюро ЦК РКП(б) и Турккомиссии ВЦИК и СНК. Однако в связи со сложной ситуацией в Средней Азии Ленин с сожалением отвечает: «Увы! Это “связано” с... *Туркестаном*»¹⁵³.

Но, как только Григорий Яковлевич по делам приезжает в Москву, Владимир Ильич утром 26 ноября встречается с ним. О результатах беседы можно судить по записке Ленина Молотову с просьбой срочно провести опросом решение Политбюро о назначении Сокольникова «членом коллегии НКФина и членом Финансовой комиссии *при условии*, что он остается *председтуркестанбюро* и обязан *ездить* в Туркестан по надобности, впредь до полного упорядочения там»¹⁵⁴.

Несколько ранее, в сентябре, в состав коллегии Наркомфина вводится и работавший до этого председателем правительства Дальневосточной республики Александр Михайлович Краснощеков. Но, поскольку Крестинский уже прочно утвердился в Берлине на новом посту, уже в декабре встает вопрос о назначении и Сокольникова, и Краснощекова заместителями наркома финансов.

Столь стремительное появление Сокольникова на главной финансовой арене для многих поначалу казалось достаточно неожиданным. В годы Гражданской войны он был известен как боевой комиссар и командарм. В 1918-м – член Реввоенсовета 2-й армии Восточного фронта. В 1919-м – член РВС на Южном фронте, в 8-й и 9-й армии, куда входила казачья дивизия Ф. Миронова. И именно Сокольников был одним из тех, кто добился скорой отмены печально знаменитого Циркулярного письма Оргбюро ЦК о «расказачивании».

Лишь немногие помнили о том, что после Октября 1917-го Сокольников руководил организацией Госбанка, национализировал частные банки, выступал против курса на аннулирование денег. Что, будучи в Туркестане, он сменил продразверстку на налог и провел денежную реформу до того, как это произошло в России.

И уж совсем мало кто знал, что еще в эмиграции, в 1914 году, он успешно закончил юридический университет и прошел полный курс докторантуры по экономическим наукам в Сорбонне. В принципе, в России 1920-х годов эти степени и звания не играли решающей роли, но для профессорской среды консультантов Наркомфина это, безусловно, имело значение и способствовало нахождению «общего языка».

Возможно, отчасти поэтому появление Сокольникова в Наркомфине не встретило сопротивления коллегии наркомата. А вот вокруг кандидатуры Краснощекова разгорелись страсти. «т. Преображенский говорил мне лично по телефону, – сообщает Ленин Молотову, – что он уйдет, если Краснощеков будет назначен вторым заместителем, таково же мнение всей коллегии, кроме, кажется, Сокольникова...»

Считаю вопрос крайне важным, ибо не только вся коллегия, но и Преображенский допускают вопиющую ошибку, не умея оценить необходимость всестороннего использования человека, который, обладая солидным опытом по работе в Америке и в ДВР, подходит к финансовым вопросам со стороны практической. Это самое важное. Этого именно недостает

¹⁵² Там же... С. 62, 805.

¹⁵³ В. И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 11. С. 683.

¹⁵⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 252.

Преображенскому и другим членам коллегии. Вся их оппозиция против Краснощекова сплошной и вредный предрассудок»¹⁵⁵.

И 31 декабря 1921 года Политбюро ЦК принимает решение: назначить Г. Я. Сокольникова первым заместителем наркома финансов, а А.М. Краснощекова вторым замом. Что же касается профессоров, в том числе и арестовывавшихся по делу «Помгола», то большинство из них в том же 1921 году переходит из положения «вольных» консультантов в кадры руководящего звена совслужащих различных структур Наркомфина и Госплана.

Важно и другое: сам вопрос о реформе денежного обращения переводится из сферы общих пожеланий и рассуждений в разряд практических государственных задач. В том же декабре 1921 года IX съезд Советов принимает специальное постановление, обязывающее правительство провести «ряд срочных финансовых мер, направленных к **восстановлению денежного обращения на основе золотой валюты**».

В 1921 году, когда были сказаны эти слова, многие полагали, что НЭП является политической вынужденной, рассчитанной лишь на пару лет, пока не будут ликвидированы продовольственные трудности. Такому пониманию отчасти способствовало и то, что голод в значительной мере сузил возможности развертывания этой политики и масштабы предстоящих перемен еще не были столь очевидны. Поэтому не случайно вопрос о «сроках» НЭПа встал на X Всероссийской партконференции в мае 1921 года.

Прения по докладу Ленина выявили целый ряд «недоразумений», которые, как заметил Владимир Ильич, свидетельствовали о том, что для многих, особенно на местах, новая политика «остаётся в громадной степени неразъясненной, частью даже непонятной». И когда Осинский в ответ на эти «недоразумения» сказал, что НЭП – это «всерьез и надолго», Ленин поддержал его¹⁵⁶.

«Я думаю, – сказал Ленин, – что он совершенно прав. “Всерьез и надолго” – это действительно надо твердо зарубить себе на носу и запомнить хорошенько, ибо в силу сплетнического обычая распространяются слухи, что идет политика в кавычках, т. е. политиканство, что все делается на сегодня. Это неверно... Усматривать в этом хитрость – значит подражать обывателям, мелкой буржуазии, которая живет живучим образом не только за пределами коммунистической партии».

Но когда Осинский назвал срок – 25 лет, Владимир Ильич усомнился: «“Всерьез и надолго” – 25 лет. Я не такой пессимист, я не стану определять, какой, на мой взгляд, должен быть срок, но это, по-моему, немного пессимистично. Дай бог, чтобы мы на 5-10 лет рассчитывали, а то мы на 5 недель обыкновенно не умеем рассчитывать». Хотя, как увидим, в его выступлениях фигурировали и 10, и 20, и даже 30 лет¹⁵⁷.

Связывая будущее России с радикально новой производительной силой, которой являлась тогда электрификация, план ГОЭЛРО создавал новые возможности для развития новых производственных и общественных отношений. И в этом смысле любые попытки рассматривать НЭП без учета целей и задач, которые ставились планом ГОЭЛРО, а сам план вне политики НЭПа – малопродуктивны.

Размышляя над различными аспектами плана ГОЭЛРО, Ленин изначально придавал особое значение не столько технической, сколько политической стороне данного проекта. В уже приводившемся письме Кржижановскому от 23 января 1920 года Владимир Ильич писал: «Я думаю, подобный “план” – повторяю, не технический, а государственный – проект плана... надо дать сейчас, чтобы наглядно, популярно, для массы, увлечь ясной и яркой (вполне науч-

¹⁵⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 106.

¹⁵⁶ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 299, 300, 301.

¹⁵⁷ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 62, 63; Т. 43. С. 329, 330, 331, 383.

ной в основе) перспективой: за работу-де, и в 10–20 лет мы Россию всю, и промышленную и земледельческую, сделаем электрической...

Повторяю, надо увлечь *массу* рабочих и сознательных крестьян великой программой на 10–20 лет»¹⁵⁸.

Сегодня это, вероятно, назвали бы поисками «общенациональной идеи». Но это было бы неверным. Ленин искал не «идеи», а – как выразился бы Чернышевский – того «**общего дела**», которое могло бы соединить *действия* широчайших народных масс.

Весь предшествующий политический опыт Владимира Ильича свидетельствовал о том, что сплотить самые разнородные по своему характеру классы и социальные группы способны не высокие слова или лозунги, а именно большое общее дело, которое отодвинет в сторону иные, менее значимые мотивы действий и поступков.

Представьте, к примеру, что для большой группы людей чрезвычайно важно перенести на другое место тяжелейшее бревно, перегородившее дорогу. Вот и надо для решения этой – всем понятной задачи – объединить как можно больше «рабочих рук». Невзирая на то, совпадают ли у них взгляды на те или иные «идеи» и «идеалы». Важно одно – убрать бревно с дороги.

План ГОЭЛРО + НЭП как раз и мог стать таким «общим делом» возрождения России. «Сим победиши» – Так победим – записал Ленин в мае 1921 года¹⁵⁹.

¹⁵⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 62, 63.

¹⁵⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 402.

«Гражданский мир»

Старый «правдист» Степан Степанович Данилов, бывший в годы Гражданской войны председателем весьма суровой Комиссии по борьбе с дезертирством, в сентябре 1921 года написал Владимиру Ильичу: «В обстановке жестокой гражданской войны, голода, нужды, тяжелых лишений мало было места альтруизму, любви даже **внутри класса**, среди трудящихся.

Сейчас мы получили передышку. С военного фронта центр тяжести переносится на борьбу с разрухой, с голодом, на работу по упорядочению и облегчению обывденной жизни.

Нельзя ли в этой мирной работе сделать одним из движущих рычагов альтруизм, чувство сострадания и любви к старому и малому, к слабому и больному, к беспомощному, голодному.

Я далек от мысли, что нам пора перековать штыки она косы и серпы, но думаю, что пора уже призывать к любви, состраданию, взаимной помощи внутри класса, внутри лагеря трудящихся»¹⁶⁰.

Как, вероятно, хотелось бы, чтобы Владимир Ильич написал в ответ что-то возвышенное и о любви, и об альтруизме, и о сострадании. Ведь написал же о нем Максим Горький: «В России, стране, где необходимость страдания проповедуется как универсальное средство “спасения души”, я не встречал, не знаю человека, который с такой глубиной и силой, как Ленин, чувствовал бы ненависть, отвращение и презрение к несчастьям, горю, страданиям людей.

В моих глазах эти чувства, эта ненависть к драмам и трагедиям жизни особенно высоко поднимают Владимира Ленина, человека страны, где во славу и освящение страдания написаны самые талантливые евангелия...

У нас все книги пишутся на одну и ту же тему о том, как мы страдаем, – в юности и зрелом возрасте: от недостатка разума, от гнета самодержавия, от женщин, от любви к ближнему, от неудачного устройства вселенной; в старости: от сознания ошибок жизни, недостатка зубов, несварения желудка и от необходимости умереть.

...Для меня исключительно велико в Ленине именно это его чувство непримиримой, неугасимой вражды к несчастьям людей, его яркая вера в то, что несчастья не есть неустраняемая основа бытия, а – мерзость, которую люди должны и могут отместить прочь от себя».

И, заключая эти размышления, Горький пишет: «Жизнь устроена так дьявольски искусно, что, не умея ненавидеть, невозможно искренне любить. Уже только эта одна, в корне искажающая человека, необходимость раздвоения души, неизбежность любви сквозь ненависть осуждает современные условия жизни на разрушение»¹⁶¹.

Но говорить столь красиво Владимир Ильич не любил. Как заметил там же Горький – «он, как никто, умел молчать о тайных бурях своей души». Может быть, поэтому Ленин ответил Данилову кратко и совершенно категорически: «И “внутри класса” и к *трудящимся* иных классов развивать чувство “взаимной помощи” и т. д. безусловно *необходимо*»¹⁶².

В этом «и т. д.» как раз и сказалось обычное для него стремление избегать столь значительных и в то же время столь захватанных самыми разными руками слов, как «возлюби ближнего», «любовь к людям», «сострадание»... Но главное было сказано: не только «**внутри класса**», но и к «*трудящимся иных классов*».

Так уж случилось, что слова «гражданский мир» применительно к России написал в статьях, посланных Ленину, человек весьма одиозный, с «мутной» душой и биографией, исклю-

¹⁶⁰ Цит. по: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 53. С. 187.

¹⁶¹ Воспоминания о В. И. Ленине. В пяти томах. Т. 2. М., 1969. С. 252, 253.

¹⁶² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 53. С. 187.

ченный в 1922 году из РКП(б) за антипартийную деятельность – Гавриил Мясников, или, как звали его уральцы – Ганька.

Между прочим, именно он в июне 1918 года положил начало уничтожению царской семьи, расстреляв, вопреки всем директивам, исходившим из Москвы, Михаила Александровича Романова и его секретаря. Тогда он был уверен, что «в Кремле совершают ошибку», сохраняя жизнь Романовых, но он сам исправит ее, и Михаил «будет убит... А как отнесутся к этому Свердлов и Ленин? А как бы не отнеслись, – писал он, – для меня безразлично. Я знаю свой долг, я его выполняю. ...На стороне Ленина и Свердлова только авторитет, а на моей стороне – авторитет правды» И пусть это «послужит сигналом к уничтожению всех Романовых...»¹⁶³.

Спустя всего несколько недель так оно и случилось. В середине июля, когда белые войска стали обходить Екатеринбург с юга, намереваясь отрезать его от Европейской России, по решению Уралоблсовета Романовы были расстреляны.

Один из активных участников этих событий М. Медведев (Кудрин) вспоминал, что вечером 16 июля Облсовет собрался в неполном составе. «Сообщение о поездке в Москву к Я. М. Свердлову делал Филипп Голощекин. Санкции ВЦИК на расстрел семьи Романовых Голощекину получить не удалось. Свердлов советовался с В. И. Лениным, который высказался за привоз царской семьи в Москву и открытый суд над Николаем II...»¹⁶⁴

Дело в том, что еще в конце апреля 1918 года в Тобольск прибыл специальный отряд во главе с комиссаром В. В. Яковлевым (К. А. Мячиным), которому Ленин и Свердлов подписали мандат о чрезвычайных полномочиях для того, чтобы он доставил Николая II в Москву. Вся семья Романовых решительно заявила, что едет с ним. Однако, по распоряжению Уралсовета, угрожавшего подрывом железнодорожного пути, поезд развернули на Екатеринбург. Так Романовы и попали в дом Ипатьева¹⁶⁵.

В материалах следственной комиссии, образованной по приказу Колчака, зафиксированы показания телеграфистов, согласно которым Ленин тогда же направил командующему Североуральским фронтом Рейнгольду Берзину следующую телеграмму: «Взять под охрану царскую семью и не допускать каких бы то ни было насилий над ней, отвечая в данном случае собственной жизнью».

Наконец, известная телеграмма Ленина в Стокгольм 16 июля 1918 года убедительно свидетельствует о том, что о возможности предстоящего расстрела Владимир Ильич не только не знал, но и не подозревал¹⁶⁶.

И тем не менее, как пишет другой активный участник этих событий Григорий Никулин, Уралсовет принял решение «совершенно самостоятельно, на свой страх и риск». В ночь на 17 июля Романовы были расстреляны.

Сообщение в Москву послали лишь 18 июля в 12 часов. В нем говорилось о том, что расстрелян лишь Николай II, а его семья эвакуирована. Редактор «Уральского рабочего», член Облсовета В. Воробьев писал: «Помню, товарищам моим было очень не по себе, когда они подошли к аппарату: бывший царь был расстрелян постановлением Президиума областного Совета, и было неизвестно, как на это “самоуправство” будут реагировать центральная власть, Я. М. Свердлов, сам Ильич...»

В протоколе Совнаркома № 159 от 18 июля 1918 года записан ответ: «Постановили: Принять к сведению»¹⁶⁷.

¹⁶³ Никаноров Г. Л. Надрыв... М., 2006. С. 29, 30.

¹⁶⁴ «Московский комсомолец», 15 января 1998 года.

¹⁶⁵ См.: Иоффе Г. З. Крах российской монархической контрреволюции. М., 1977. С. 150, 152.

¹⁶⁶ В. И. Ленин. Неизвестные документы. С. 243.

¹⁶⁷ См.: Иоффе Г. З. Крах российской монархической контрреволюции.; Никаноров Г. Л. Надрыв... С. 12, 25, 29.

И вот теперь, спустя три года, с началом НЭПа, тот самый Гавриил Мясников, который фактически стал чуть ли не одним из «родоначальников» красного террора, пришел к выводу, что настала пора, когда, как говорится в Писании, – «волк почит с агнцем». К этому письму Мясникова и его пониманию «гражданского мира» мы еще вернемся. Важно то, как отреагировал на это Ленин.

«В начале статьи, – пишет ему 5 августа 1921 года Владимир Ильич, – вы правильно применяете диалектику. Да, кто не понимает смены лозунга “гражданская война” лозунгом “гражданский мир”, тот смешон, если не хуже. Да, в этом вы правы.

...В вопросе “гражданский мир или гражданская война”, в вопросе о том, как *мы* завоевали и *продолжим* “завоевание” крестьянства (на сторону пролетариата), в этих двух важнейших коренных, мировых (= касающихся *сути* мировой политики) вопросах... вы сумели встать на точку зрения не мещанскую, не сентиментальную, а на марксистскую. Вы *сумели* там *по-деловому*, трезво *учесть* взаимоотношения *всех* классов»¹⁶⁸.

Иными словами, для Ленина «гражданский мир» был прежде всего союзом с подавляющим большинством народа – крестьянством. Для него это была проблема не только нравственная, не только вопрос, как писал Степан Данилов, о «любви и сострадании», но и непременное условие достижения тех высоких целей, которые стоят перед Русской революцией. Упоминавшееся выше «бревно», лежавшее поперек дороги, надо было тащить, как говаривали на Руси, «всем миром».

«Чем глубже преобразование, которое мы хотим произвести, – напоминал Владимир Ильич одну из аксиом марксизма, – тем больше надо поднять интерес к нему и сознательное отношение, убедить в этой необходимости новые и новые миллионы и десятки миллионов»¹⁶⁹.

Вокруг этой проблемы, собственно, и разгорелась в партии накануне X съезда так называемая «профсоюзная дискуссия», суть которой как раз и сводилась к вопросу «о методах *подхода* к массе, овладения массой, *связи* с массой»¹⁷⁰.

Необходимо отметить, что к самому понятию «массы» Ленин всегда относился конкретно – исторически. «Понятие “массы”, – пояснял он, – изменчиво, соответственно изменению характера борьбы».

Когда революционное движение в России только пробуждалось и делало первые шаги, «достаточно было нескольких тысяч настоящих революционных рабочих, чтобы можно было говорить о массе... Если несколько тысяч беспартийных рабочих, обычно живущих обывательской жизнью и влачащих жалкое существование, никогда ничего не слыхавших о политике, начинают действовать революционно, то перед вами масса».

Однако с началом и победой революции «понятие “массы” становится другим». Для удержания власти и достижения целей революции, пояснял Ленин летом 1921 года, под массами разумеют уже не только большинство рабочих, но и большинство сельского населения, всех трудящихся. Иное понимание, подчеркивал Владимир Ильич, – «недопустимо для революционера»¹⁷¹.

НЭП прежде всего обеспечивал доверие крестьянства к власти. А значит, и союз рабочего класса с крестьянством, составлявшим большинство населения России, без которого не то что строить, но и сохранить государство было невозможно.

¹⁶⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 78, 80.

¹⁶⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 140.

¹⁷⁰ Там же. С. 206.

¹⁷¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 31, 32.

Когда 30 декабря 1920 года Ленин, выступая перед делегатами VIII съезда Советов, сказал: «У нас государство на деле не рабочее, а рабоче-крестьянское... А из этого очень многое вытекает», – Бухарин с иронией выкрикнул: «Какое? Рабоче-крестьянское?»

Ленин услышал: «И хотя т. Бухарин сзади кричит: “Какое? Рабоче-крестьянское?”, но на это я отвечать ему не стану. А кто желает, пусть припомнит только что закончившийся съезд Советов, и в этом уже будет ответ». То есть для Владимира Ильича это была аксиома¹⁷².

Без союза с крестьянством никакого будущего Русская революция не имела вообще. «10–20 лет правильных отношений с крестьянством и обеспеченная победа», – считал Ленин. А вот если эти «соотношения» будут нарушены, если они окажутся «неправильными», то тогда неизбежны «20–40 лет мучений белогвардейского террора. Aut – aut. Tertium non datur [Или – или. Третьего не дано]»¹⁷³.

И не потому, что «красные» – хорошие, а «белые» – злые и плохие. А по той простой причине, что любая власть, не выражающая волю большинства народа, не опирающаяся на его поддержку, сможет держаться и управлять страной лишь с помощью самого жестокого террора, да и то до определенного предела и срока.

НЭП обеспечивал Советской власти доверие и поддержку со стороны крестьянства, а план ГОЭЛРО сулил деревне самые заманчивые и радужные перспективы. При этом никто и ничего не собирался навязывать деревне.

«Мы не побоимся работать в течение 10 или 20 лет, – говорил Ленин на сессии ВЦИК, – но мы должны показать... крестьянам, что организация промышленности на современной высшей технической базе, на базе электрификации, которая свяжет город и деревню, покончит с рознью между городом и деревней, даст возможность культурно поднять деревню, победить даже в самых глухих углах отсталость, темноту, нищету, болезни и одичание»¹⁷⁴.

Теперь «самое главное и основное, – сказал Ленин, выступая 29 ноября 1921 года на Московском губернском сельскохозяйственном съезде, – чтобы в нашей крестьянской массе проснулось сознание необходимости улучшить крестьянское хозяйство и чтобы те практические шаги, которые сделаны, вы сами обсудили всесторонне. Все то, что вами будет здесь высказано, нами будет принято во внимание...»¹⁷⁵

С началом НЭПа стремление к максимальному укреплению союза с крестьянством диктовало необходимость проведения системы мероприятий не только политического и экономического характера, но и определенной корректировки политики государства по отношению к церкви.

По расчетам В. А. Алексеева, 70 % населения России, порядка 115–120 миллионов человек, а это не только подавляющая масса крестьянства, но и значительная часть рабочих, считали себя православными и старообрядцами. Как организация, РПЦ располагала мощным аппаратом управления своей паствой, насчитывавшим в 1915 году около 66 335 священнослужителей, а именно: 47 678 священников, 15 205 диаконов, 3282 протоиерея, 2 протопресвитера, 136 епископов, 29 архиепископов и 3 митрополита.

Около 11 % населения страны (более 26 миллионов) числилось мусульманами, около 5 % – протестантами, чуть более 4 % – иудеями и 1 % – сторонниками прочих религиозных культов¹⁷⁶.

Сразу после Октябрьской революции отношения Советской власти с иерархией РПЦ приняли достаточно сложный и конфронтационный характер. И дело было не только в атеизме

¹⁷² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 208.

¹⁷³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 383.

¹⁷⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 108, 109.

¹⁷⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 259.

¹⁷⁶ См.: Алексеев В. А. Иллюзии и догмы. М., 1991. С. 10, 11, 20; Бабкин М. А. Духовенство русской православной церкви и свержение монархии (начало XX в. – конец 1917 г.). М., 2007. С. 428.

большевиков. Декрет об отделении церкви от государства, принятый в январе 1918 года, лишал РПЦ привилегированного положения в обществе и государственных субсидий. Были конфискованы церковные и монастырские земли, ликвидировались и некоторые другие источники доходов.

Вместе с тем, после 200-летнего перерыва, отменялось прямое подчинение церкви государству и санкционировалось избрание в ноябре 1917 года Патриарха Московского и всея Руси Тихона (в миру – Белафина Василия Ивановича), его возведение на престол в Успенском соборе московского Кремля. А 13 марта управляющий делами Совнаркома В. Д. Бонч-Бруевич принял делегацию РПЦ и пообещал привлечь представителей церкви к разработке нового декрета, касающегося религиозных вопросов¹⁷⁷.

Между тем, уже в январе 1918 года, до принятия декрета об отделении церкви от государства, Патриарх ниспослал на большевиков *анафему*. В его послании говорилось: «Зло нашего времени, что новое государство строится без Бога, что люди полагаются только на свои силы, прильнули к земле, хлебу и деньгам и упились вином свободы».

Обращаясь к властям, Тихон писал: «Властью, данной нам от Бога, запрещаю вам приступать к тайнам Христовым. Анафемствую вас... Заклинаем и всех вас, верующих чад православной церкви, с таковыми извергами рода человеческого не вступать в какое-либо общение... А если нужно будет, то и пострадать за дело Христово зовем вас»¹⁷⁸.

Узнав об этом послании и об анафеме, Ленин, обращаясь к Александре Коллонтай, горько пошутил: «Вместе с Львом Толстым и Стенькой Разиным мы с вами, Александра Михайловна, кажется, попали в неплохую компанию».

И все-таки в мае 1918 года, с разрешения Совнаркома, в Успенском соборе Кремля, при стечении верующих, прошла и ночная пасхальная служба, и крестный ход. В августе это повторилось в день Успения Пресвятой Богородицы. До осени 1918 года не трогали и проживающих в Кремле монахов и монашек Чудова и Воскресенского монастырей¹⁷⁹. 19 ноября 1918 года, выступая на съезде работниц, Ленин подчеркнул, что «бороться с религиозными предрассудками надо чрезвычайно осторожно... Внося остроту в борьбу, мы можем озлобить массу»¹⁸⁰.

Но этот призыв остался благим пожеланием и для одной и для другой стороны. В какой-то мере это объясняется тем, что при относительной слабости всех политических партий, противостоявших Советской власти, РПЦ оставалась крупнейшей оппозиционной массовой организацией, обладавшей влиянием на широкие слои населения. И если в сфере экономики речь шла о «красногвардейской атаке на капитализм», то, – как справедливо заметил В. А. Алексеев, – по отношению к церкви имел место, частью направляемый из центра, а чаще инициируемый на местах и просто стихийный «кавалерийский наскок».

Но и противная сторона, как отметил в 1988 году на Поместном соборе митрополит Киевский Филарет (Денисенко), не поняла «подлинного смысла и положительного для нашего Отечества значения происходивших в то время принципиальных перемен в его жизни. Отсюда – осуществление Собором ряда деяний, враждебных новоустановленной народной власти, что со своей стороны повлекло возникновение напряжения и даже конфронтации между церковью и государством...»¹⁸¹

О всех сложившихся перипетиях взаимоотношений РПЦ и Советской власти обстоятельно рассказано в монографии В. А. Алексеева «Иллюзии и мифы» (1991 год) и коллективной монографии В. М. Лаврова, В. В. Лобанова, И. В. Лобановой и А. В. Мазырина

¹⁷⁷ См.: Алексеев В. А. Иллюзии и догмы. С. 47.

¹⁷⁸ Политические деятели России. 1917. М., 1993. С. 316.

¹⁷⁹ См.: Алексеев В. А. Иллюзии и догмы. С. 48, 50, 54.

¹⁸⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 186.

¹⁸¹ См.: Алексеев В. А. Иллюзии и догмы. С. 59, 66.

«Иерархия Русской православной церкви. Патриаршество и государство в революционную эпоху» (2008 год). Можно не соглашаться с рядом утверждений этих авторов, но огромный документальный материал, введенный ими в научный оборот, дает возможность сформировать и альтернативные точки зрения.

Оставаясь в годы Гражданской войны формально единой, РПЦ фактически была разрезана надвое. Хотя Патриарх в 1918 году отказался благословить «белое движение», а в 1919 и 1920-м не раз заявлял, что стоит «вне политики», что нет ни «белой», ни «красной» церкви, та часть РПЦ, которая находилась в Советской России, всячески проявляла по отношению к власти свою, мягко выражаясь, оппозиционность, и все «бывшие» искали опору именно в ней.

А то духовенство, которое несло пастырскую службу на территории «белых», сохраняя контакты с Патриархом, открыто являло не только лояльность по отношению к противникам Советов, но и активно сотрудничало с «белыми» правителями – Колчаком, Деникиным, Врангелем – в борьбе против Советской России. В конечном счете под крылом сначала Колчака, а потом Деникина было создано Временное Высшее церковное управление, объединившее священнослужителей, готовых к «священному походу» на Москву и даже формировавших свои роты, батальоны и «полки Иисуса». (Ирония истории: во главе ВВЦУ, по просьбе генерала Врангеля, в 1920 году был поставлен архиепископ Дмитрий (в миру – грузинский князь Давид Абашидзе), преподававший в свое время Священное Писание в Тифлисской духовной семинарии и хорошо знавший юного семинариста Иосифа Джугашвили, преуспевавшего именно по его предмету.)¹⁸²

К концу Гражданской войны значительная часть этого духовенства оказалась в эмиграции и, оставаясь частью РПЦ, нисколько не скрывала своих антисоветских настроений и намерений. 21 ноября 1921 года в местечке Сремски Карловци неподалеку от Белграда открылся «Всеаграничный Русский Собор». Из принятых им решений достаточно упомянуть одно: требование возносить во всех церквях моления о восстановлении династии Романовых, дом которых должен продолжить царствование в России¹⁸³.

Вот так и получилось, что на советских плакатах того времени рядом с фигурами белого генерала, буржуя и помещика непременно соседствовала и карикатура на попа.

Положение Патриарха было достаточно сложным. От РПЦ отделились не только православные церкви Польши и Финляндии. При власти грузинских меньшевиков разорвала отношения с РПЦ Грузинская автокефальная церковь. Вопреки воле Патриарха Собор в Киеве провозгласил создание Украинской автокефальной православной церкви. Автономной стала Белорусская православная церковь. Не скрывало своих претензий на независимость – если не на лидерство – и Заграничное Русское Церковное Управление, во главе которого стал амбициозный митрополит Антоний (Храповицкий)¹⁸⁴.

Патриарху, при его стремлении избежать раскола и сохранить единство РПЦ, приходилось учитывать все эти тенденции. Но главное, он был достаточно прозорлив, чтобы не видеть изменения настроений своей паствы в России.

Многие современники отмечали, что Пасха в 1921 году, несмотря на голод, была отпразднована широко и многолюдно. А главное – без всяких эксцессов. И это не было случайностью. Накануне Пасхи Ленин пишет Молотову: «Если память мне не изменяет, в газетах напечатано письмо или циркуляр насчет 1 мая, и там сказано: *разоблачать ложь религии* или нечто подобное.

¹⁸² См.: Алексеев В. А. Иллюзии и догмы. С. 101, 140, 141, 144, 151, 152, 155, 163, 164.

¹⁸³ Там же. С. 173, 176.

¹⁸⁴ Там же. С. 42, 43, 169, 171, 176.

Это нельзя. Это нетактично. Именно по случаю Пасхи надо рекомендовать иное; / не разоблачать ложь, / а *избегать, безусловно, всякого оскорбления религии*. / Надо издать дополнительное письмо или циркуляр. Если Секретариат не согласен, то в Политбюро».

Секретариат и Политбюро согласились, и 21 апреля 1921 года, в дополнение к ранее опубликованному циркуляру, «Правда» напечатала письмо ЦК РКП(б), в котором предлагалось не допускать каких-либо выступлений, «оскорбляющих религиозное чувство массы населения»¹⁸⁵

Когда Ленин получил письмо верующих из Череповецкой губернии с просьбой дать им возможность достроить церковь, сооружение которой было начато ими еще до 1917 года, Владимир Ильич написал: «Окончание постройки храма, конечно, разрешается...»¹⁸⁶

А когда из Петрограда пришло письмо прихожан церкви при Военно-медицинской академии с просьбой отменить распоряжение о ее превращении в клуб академии, Ленин тут же написал в Наркомюст П. А. Красикову: «Удобно ли, даже при особых условиях, превращать церковь в клуб? Есть ли налицо какие-либо особые условия? Не лучше ли отменить и вернуть церковь? / Разберитесь, пожалуйста, и разузнайте повнимательнее, а мне пришлите краткое сообщение об итоге»¹⁸⁷.

Но еще более жесткое письмо Красиков получил, когда 17 мая 1921 года Владимир Ильич узнал о его намерении запретить оперным певцам государственных театров участвовать в церковных хорах и богослужениях. Ленин отчитал Петра Андреевича за саму постановку подобных вопросов, за проработку Неждановой и других артистов и назвал такого рода борьбу с религией, практикуемую Наркомюстом и лично Красиковым, чушью и безобразием. А при встрече с ним потребовал не провоцировать верующих на протестные выступления¹⁸⁸.

18 мая 1921 года Пленум ЦК РКП(б) обсуждал вопрос о проведении в жизнь пункта 13 программы партии, касавшегося мероприятий в области религиозных отношений. Получив проект постановления, Владимир Ильич настоял на том, чтобы проект «переделать в направлении таком, чтобы не выпячивать вопроса о борьбе с религией» и, в частности, выбросить пункт 7, предлагавший втянуть в обсуждение вопроса об отношении партии к религии все ячейки и комитеты партии.

Ленин высказался за то, чтобы «допустить, с рядом ограничительных условий, оставление в партии верующих, но заведомо честных и преданных коммунистов», а также изъять из проекта пункт 10, требовавший решительной борьбы с попытками «отдельных служителей культа создать новую организацию церкви», приспособив ее к Советской власти¹⁸⁹.

Этот последний пункт требует некоторых пояснений, ибо наша историческая публицистика, расписывая «богоборчество» большевиков, предпочитала умалчивать о тех сложных процессах, которые проходили внутри самой РПЦ после Октября 1917 года.

Расхожее представление о том, что «обновленчество» было целиком инспирировано ВЧК, а затем ГПУ, не соответствует действительности. И вышедшая в 1999 году интереснейшая монография М. В. Шкаровского «Обновленческое движение в Русской православной церкви XX века» дает достаточно полный материал для освещения этого вопроса.

Истоки обновленческих идей, как показал Шкаровский, уходили в далекое прошлое. И с ними были связаны имена не только религиозных деятелей и философов, но и духовные искания Федора Достоевского, Льва Толстого и других. Но организационно реформаторское течение среди духовенства и верующих стало оформляться в годы Первой русской революции.

¹⁸⁵ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 52. С. 140, 386.

¹⁸⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 278.

¹⁸⁷ В. И. Ленин. Неизвестные документы. С. 413.

¹⁸⁸ См.: Алексеев В. А. Иллюзии и догмы. С. 93.

¹⁸⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 440, 721.

Слишком тесная связь РПЦ со «старым режимом», превращавшая церковь в своего рода «идеологический департамент» во главе с самим государем и назначаемым им обер-прокурором Священного Синода, никак не соответствовали протестному духу мирян, да и приходского духовенства, вырвавшегося наружу в это время.

Идеи «обновления» церкви приобрели тогда особую популярность в среде либеральной интеллигенции. Но были среди деятелей движения, в том числе среди священников – депутатов Государственной думы, сторонники и более радикальных партий – социал-демократов, социалистов-революционеров и т. п. А после Февральской революции 7 марта 1917 года в Петрограде оформился «Всероссийский союз демократического православного духовенства и мирян», который на синодальные субсидии стал выпускать газету и журнал «Соборный разум»¹⁹⁰.

Обер-прокурор Синода В. Н. Львов, назначенный Временным правительством, всячески поддерживал их деятельность. Именно тогда и выдвинулись такие руководители «обновленческого» движения, как блестящий проповедник священник Александр Введенский, сторонник ориентации на рабочий класс о. Александр Боярский, священники Сергей Калиновский, Владимир Красницкий, профессор Духовной академии Борис Титлинов и другие.

Октябрьскую революцию «обновленцы» встретили в целом положительно. Выразив несогласие с рядом пунктов декрета об отделении церкви от государства, они все-таки восприняли его как «дело внутреннего церковного освобождения». А в выступлениях Введенского, Боярского, Калиновского и других все более отчетливо стали звучать «социалистические» мотивы.

Предпринимались даже попытки создания «христианско-социалистической партии». С марта 1918 года «обновленцы» стали выпускать газету «Правда Божия», в которой, помимо требования церковных реформ, сразу же отмежевались от анафемы Патриархом большевиков как «врагов истины Христовой»: необходимо «не отвергать революцию, не отталкивать, не анафемствовать, – писала газета, – а просветлять, одухотворять, претворять ее».

Вполне естественно, что постепенно – и в центре и на местах – стали завязываться и контакты реформаторов с официальными властями, в том числе с соответствующими отделами НКЮста и ГПУ. Но это отнюдь не дает оснований для того, чтобы квалифицировать «обновленчество» как прямую «агентуру ГПУ». Всегда и везде государственные органы сотрудничали с теми, кто поддерживал это государство, а не с теми, кто противостоял ему. Кстати сказать, эти контакты «обновленцев» использовались иерархами в тех случаях, когда требовалось заступиться за арестованных священников или добиться каких-то облегчений для духовенства¹⁹¹.

Вполне вероятно, что помимо истых и искренних реформаторов, у лидеров «обновленчества», как и во всех других массовых движениях, были различные мотивы их поведения. У одних это могли быть сугубо карьерные соображения, у других – элементарное приспособленчество.

Но важно понять другое: независимо от личных характеристик лидеров, это движение отражало настроение широчайших слоев – и паствы и пастырей, измученных и уставших от гражданской войны и не желавших ее возобновления.

Вполне возможно, что, несмотря на остроту разногласий, взаимоотношения Патриарха и «обновленцев» так и остались бы внутрицерковным делом и в конце концов нашли бы свое разрешение на внутрицерковной арене. Но голод 1921–1922 годов сыграл роковую роль. И ключ к пониманию последующих событий следует искать не в доктринерском «богоборчестве» власти, а в драматической ситуации – и экономической и политической – весны 1922 года.

В оказании помощи голодающим приняли участие представители всех религиозных конфессий России. В начале июля 1921 года Алексей Максимович Горький приехал в Троиц-

¹⁹⁰ См.: Шкаровский М. В. Обновленческое движение в Русской православной церкви XX века. М., 1999. С. 10, 11.

¹⁹¹ См.: Шкаровский М. В. Обновленческое движение в Русской православной церкви XX века. С. 12.

кое подворье. Договорились, что Патриарх Тихон выступит с обращением к архиепископам Кентерберийскому и Нью-Йоркскому «с призывом прийти на помощь хлебом и медикаментами пострадавшему от неурожая и эпидемий населению России». 7 июля эту акцию одобрило Политбюро ЦК РКП(б) и уже 10-го газеты сообщили, что обращение передано по радио¹⁹².

А в конце июля туда же – в Троицкое подворье – пришли члены президиума Помгола Н. М. Кишкин и С. Н. Прокопович. Позднее, в своих воспоминаниях Е. Д. Кускова не скрывала мотивов этого визита: той части Помгола, которую представляли визитеры, при их политической претензии на представительство всей России, явно не хватало контактов с регионами и особенно с деревней, то есть именно тех связей, которыми обладала РПЦ.

«Надо было, следовательно, – писала Екатерина Дмитриевна, – осведомить церковную интеллигенцию о начатом деле и обязательно подчинить ее общей воле. Конечно, эту задачу мог выполнить не сам Комитет, а лишь высшая церковная власть». Патриарх, по словам Кусковой, долго думал, угощал гостей чаем с липовым медом, а затем ответил, что обратится к верующим с воззванием и проведет в Храме Христа Спасителя «всенародное моление»¹⁹³.

17 августа Патриарх обратился с письмом во ВЦИК, в котором просил дать разрешение на создание Церковного комитета помощи голодающим из представителей духовенства и мирян. В качестве условий успешной деятельности этого Комитета назывались следующие: создание на местах епархиальных комитетов, возможность самостоятельно собирать пожертвования на родине и за границей, а также самим распределять эту помощь среди голодающих, с тем чтобы имущество Церковного комитета не подлежало никаким реквизициям, а деятельность – контролю РКП(б) и т. д.¹⁹⁴

В тот же день ВЦИК в принципе признал целесообразным создание такого комитета, но с утверждением положения о нем торопиться не стали. Настораживало, видимо, совпадение ряда условий с теми, которые формулировали члены Помгола, о намерениях которых власти уже были осведомлены.

Тогда же Патриарх представил и текст обращения во всем верующим России. При обсуждении текста в Совнаркоме его членов покорило призыв к всеобщему покаянию и фраза: «Молитвою у престола Божия, у родных Святынь исторгайте прощение Неба согрешившей земле». Каменев заметил: «Что это такое? Какой согрешившей земле?» Впрочем, цензуровать обращение не стали. В Помголе его распечатали в 100 000 экземпляров и 22-го, в день «всенародного моления», раздали всем верующим¹⁹⁵.

Что же касается разрешения ВЦИК на проведение сбора средств голодающим, то оно последовало в декабре 1921 года. Причем такое же разрешение одновременно давалось Центральному духовному управлению мусульман, Всероссийскому совету евангельских христиан, Совету всероссийского союза баптистов¹⁹⁶.

Спорить о том, означала ли вся сумма указанных перемен некий «религиозный НЭП» – нет смысла. Несомненно одно: столь явное изменение политики государственной власти по отношению к религии безусловно способствовало усилению союза с широчайшими массами крестьянства и достижению «гражданского мира».

Ситуация осложнялась тем, что в это самое время – летом 1921 года (как и накануне Кронштадтского мятежа) в Петрограде и Москве на ряде государственных предприятий, в связи с задержкой зарплаты и ростом дороговизны, начались стачки. И сразу же в некоторых из них «засветились» нелегалы – меньшевики и эсеры. Усматривать в этом козни чекистов,

¹⁹² См.: Всероссийский комитет помощи голодающим. С. 579.

¹⁹³ Там же. С. 458, 459.

¹⁹⁴ Алексеев В. А. Иллюзии и догмы. С. 193, 194.

¹⁹⁵ См.: Алексеев В. А. Иллюзии и догмы. С. 194; Всероссийский комитет помощи голодающим. С. 460, 461.

¹⁹⁶ См.: Алексеев В. А. Иллюзии и догмы. С. 191, 192.

сегодня, после выхода в свет многотомных публикаций документов этих партий, нет уже никаких оснований.

В этой связи в начале июля Ленин пишет Уншлихту: «Сообщают про Питер худое... Как бы-де **не прозевать второго Кронштадта**». И Политбюро принимает решение – поручить ВЧК принять необходимые меры предосторожности и направить в Питер «рабочих-металлистов из старых членов партии»¹⁹⁷.

Против эсеров-меньшевистского подполья были усилены репрессивные меры – аресты, высылка. Но надо было отделить этих активных противников от тех, кто готов был сотрудничать с Советской властью.

Решение этой задачи имело не только политический, но и определенный нравственный аспект. Ведь всего за 5-10-15-20 лет до этого с многими из них большевики сидели вместе в тюрьмах, отбывали каторгу и ссылку. С многими из них, несмотря на политическое противостояние, сохранялись и сугубо личные, дружеские отношения. И стричь теперь всех **инопартийцев** под одну гребенку было по тем временам просто невозможно.

В самый разгар Гражданской войны, когда целый ряд меньшевиков заявили: «Мы от политики отказались, мы охотно будем работать», Ленин ответил им: «Нам чиновники из меньшевиков нужны, так как это не казнокрады и не черносотенцы, которые лезут к нам, записываются в коммунисты и нам гадят. Если люди верят в учредилку, мы им говорим: “Верьте, господа, не только в учредилку, но и в бога, но делайте вашу работу и не занимайтесь политикой”»¹⁹⁸.

В какой-то мере эту проблему решило создание – по инициативе Дзержинского, Рудзутака, Ярославского – Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Его открытие состоялось в Москве в Доме союзов 21 марта 1921 года. Поначалу оно насчитывало лишь несколько сот человек, но через несколько лет число его членов перевалило за тысячу. Отделения Общества функционировали не только в Москве и Петрограде, но и в других городах России, Украины, Белоруссии, Грузии.

Помимо коммунистов, создавших свое Общество старых большевиков, в Общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев вошли ветераны «Народной воли», свято хранившие заветы русского народничества, бывшие эсеры, меньшевики, бундовцы, анархисты и беспартийные участники российского революционного движения.

Общество стало издавать «Историко-революционный вестник», а затем журнал «Каторга и ссылка»; его члены выступали на предприятиях, в учебных заведениях, собирали и публиковали документы по истории борьбы против царизма. Вместе с тем Общество взяло на себя и столь важную тогда заботу о материальных нуждах старых революционеров.

Но к «трудящимся иных классов» принадлежали не только крестьяне, рабочие и тем более старые революционеры, но и основная масса интеллигенции – ученые, инженеры, врачи, учителя, представители творческих профессий и значительная часть прежних чиновников-управленцев. После Октября 1917 года большинство этой интеллигенции Советскую власть не приняло. И об этом Ленин всегда говорил с большим сожалением.

То, что «более честные “служилые” элементы не пошли к нам работать», сказал он на VIII съезде РКП, привело к тому, что к партии и власти «присосались кое-где карьеристы, авантюристы, которые называют себя коммунистами и надувают нас... А у карьеристов нет никаких идей, нет никакой честности»¹⁹⁹. Об этой саботирующей интеллигенции Владимир Ильич как-то сказал Горькому: «Это – ее вина будет, если мы разобьем слишком много горшков»²⁰⁰.

¹⁹⁷ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 441, 722.

¹⁹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 254.

¹⁹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 199.

²⁰⁰ В. И. Ленин и А. М. Горький. Письма, воспоминания, документы. Изд. 3-е. М., 1969. С. 319, 322.

Менее всего Ленин полагался на то, что пропаганда или репрессии ВЧК заставят эту часть интеллигенции признать правоту и справедливость коммунистических идей. Такую задачу могла решить только жизнь и собственный опыт. А посему не надо ставить данный вопрос «на почву теоретической пропаганды коммунизма». Необходимо «им доказать это практически», то есть дать им возможность убедиться в том, что политика Советской власти действительно способствует возрождению страны²⁰¹.

Задача эта была достаточно сложной, ибо каждая группа или слой интеллигенции требовали особого подхода. В 1921 году власти беспокоило положение в вузах обеих столиц. Конкретные причины для недовольства профессуры были двоякими. Прежде всего волновало низкое жалованье, усугублявшееся частой задержкой зарплаты. Неприятие вызывало и создание рабфаков и подготовительных курсов для рабочих, крестьян и красноармейцев, которые, по мнению преподавателей, резко снизили общий уровень подготовки студентов.

Накануне Кронштадтского мятежа, 13 февраля 1921 года, по этой причине прошла двухнедельная забастовка в МВТУ. Задержка зарплаты стала поводом и для шестидневной забастовки в МГУ, и лишь вмешательство А. Д. Цюрупы, урегулировавшего конфликт, прекратило эти стачки. В этой связи весной 1921 года для Питера выделили две тысячи академических пайков, а для Москвы – 2063 основных и 189 семейных²⁰².

В апреле в МВТУ вновь возник конфликт, и на сей раз поводом стало административное вмешательство Главпрофобра во внутренние дела вуза. По традиции Совет профессоров и преподавателей избрал на пост ректора МВТУ профессора Ивана Андреевича Калининкова. Однако Главпрофобр отменил это решение. Тогда Совет училища, обратившись за поддержкой к студентам, объявил общую стачку протеста²⁰³.

В дело вмешался Ленин, и 14 апреля Политбюро отменило постановление Главпрофобра. Калининков был восстановлен в должности ректора и введен в состав президиума Госплана. На следующий день Ленин пишет Молотову: «Сейчас узнал от Рыкова, что профессора (Московское Высшее техническое училище) *еще не знают решение...* Это безобразие, чудовищное опоздание. Ставлю вопрос об аппарате ЦК на Политбюро. Ей-ей, нельзя так... Вчера же обязательно было *огласить*»²⁰⁴.

А в ответ на протест против решения Политбюро со стороны председателя Главпрофобра Наркомпроса Владимир Ильич 19 апреля написал ему: «Что Калининков (так, кажись) – реакционер, охотно допускаю. Есть там и злостные кадеты, бесспорно. Но их надо *иначе* изобличить».

Не по подозрению и чохом, не голословно, а «на точном факте, поступке... Подготовить материал, проверить, изобличить и осудить перед всеми... Спеца военного ловят на измене. Но военспецы привлечены все и работают». А в Наркомпросе этого делать не умеют «и, сердясь на себя, срывают сердце на всех зря»²⁰⁵.

В этот же день, с санкции Ленина, «Правда» публикует статью А. В. Луначарского, в которой он объявляет выговор преподавателям МВТУ за прекращение занятий, указывает на недопустимость подобных методов протеста. А всем комячейкам вузов предлагалось установить с профессурой и беспартийным студенчеством такие отношения, которые бы способствовали налаживанию нормального учебного процесса и развитию науки в Советской России²⁰⁶.

²⁰¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 50.

²⁰² См.: Всероссийский комитет помощи голодающим. С. 569, 571.

²⁰³ Там же. С. 571.

²⁰⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 52. С. 147.

²⁰⁵ Там же. С. 155.

²⁰⁶ Там же. С. 388.

Однако осенью ВЧК получает информацию о том, что преподаватели московских и петроградских ВУЗов вновь начинают подготовку забастовки с участием студентов.

28 ноября Ленин принимает приехавших из Питера ректоров – Политехнического института Л. В. Залуцкого, Горного института Д. И. Мушкетова и Института гражданских инженеров Б. К. Правдзика. В ходе беседы они вручают Владимиру Ильичу записку о тяжелом финансовом положении столичных ВУЗов и вновь возвращаются к вопросу о «фильтровании» студентов при приеме в институты в связи с расширением сети рабфаков²⁰⁷. Что касается материального обеспечения ВУЗов, то Ленин еще в сентябре поручил НКФину увеличить расходы на содержание высших учебных заведений за счет сокращения других статей бюджета. Позднее Владимир Ильич просит Н. П. Горбунова лично позаботиться о предоставлении МВТУ дополнительных помещений и средств для закупки за границей новейшего оборудования²⁰⁸.

А вот относительно рабфаков – тут об «уступке» не могло быть и речи. В 1921 году состоялся первый выпуск рабфаков, усилилось их влияние в студенческих организациях, и это в значительной мере блокировало попытки вовлечь студенчество в «профессорские забастовки»²⁰⁹.

Критерием для Ленина были не слова, не заверения в лояльности, а дела, поступки и их практический результат. С самого начала своей революционной деятельности его занимал вопрос о том – «по каким признакам судить нам о *реальных* “помыслах и чувствах” реальных личностей? Понятно, – писал Владимир Ильич, – что такой признак может быть лишь один: действия этих личностей, а так как речь идет только об общественных “помыслах и чувствах”, то следует добавить еще: общественные *действия* личностей...»²¹⁰

Эту мысль он неоднократно повторял и потом: «Не понимая дел, нельзя понять и людей иначе, как... внешне». Впрочем, тут же Ленин добавлял, что «можно понять психологию того или иного участника борьбы, но не *смысл* борьбы, не значение ее партийное и политическое»²¹¹.

Вот почему он считал, что никогда нельзя полагаться на слова и посулы лидеров и даже на их несомненную порядочность и честность. «Это важно для биографии каждого из них. Это неважно с точки зрения политики, т. е. отношения между миллионами людей»²¹². Не важно потому, что результаты их политической деятельности выходят за рамки личной судьбы самих политических деятелей.

«В личном смысле, – пояснял Владимир Ильич, – разница между предателем по слабости и предателем по умыслу и расчету очень велика; в политическом отношении этой разницы *нет*, ибо политика – это фактическая судьба миллионов людей, а эта судьба не меняется от того, преданы ли миллионы рабочих и бедных крестьян предателями по слабости или предателями из корысти...»²¹³

Безусловно, отстаивание своих политических убеждений, считал Ленин, есть дело политической честности каждого общественного деятеля. Но одновременно и дело его личной ответственности за реальные последствия проповеди этих взглядов. И последствий не для самого проповедника, а для судеб миллионов людей.

Именно поэтому не те или иные даже самые прекрасные душевные качества определяли отношение Ленина к тому или иному человеку, а его практические дела, его место в осуществ-

²⁰⁷ См.: В. И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 11. С. 691.

²⁰⁸ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 53. С. 158; т. 54. С. 40, 75, 570.

²⁰⁹ См.: Высылка вместо расстрела... С. 76, 143, 144.

²¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 423, 424.

²¹¹ Там же. С. 221.

²¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 60.

²¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 131, 132.

лении великой программы возрождения новой России. Хотя в личном плане, давая характеристики людям, он всегда отмечал у них отсутствие или наличие честности и порядочности.

Когда сегодня Ленина обвиняют в том, что он якобы пытался «ввести единомыслие на Руси», то это чистейшие пустяки. Он никогда не стремился к «перековке» ни тех ученых и специалистов, ни тех представителей иных политических партий, которые были готовы сотрудничать с Советской властью.

Вот почему то обстоятельство, что многие разработчики плана ГОЭЛРО по *мыслям* своим поначалу были явными антисоветчиками, имело для Владимира Ильича второстепенное значение. Ибо главное состояло в том, что на *деле* они способствовали созданию документа, который, как считал Ленин, стал **«второй программой партии»**²¹⁴.

Подобного рода подход объясняет и то, почему целый ряд фигурантов по делу «Помгола» (кстати, людей в большинстве своем честных и порядочных), арестованных 27 августа 1921 года, пробыли в ВЧК и в Бутырках не долго.

Бывший заместитель министра внутренних дел, а затем заместитель министра финансов в царском и Временном правительствах, член ЦК кадетской партии Н. Н. Кутлер после освобождения в октябре 1921 года был введен в состав Правления Государственного банка РСФСР и принял самое активное участие в проведении финансовой реформы в стране.

Один из основателей кадетской партии Ф. А. Головин был освобожден 17 сентября, старейший член этой партии, ректор Московского зоотехнического института М. М. Щепкин – 10 октября. А председателя ЦК партии кадетов Н. М. Кишкина, бывшего министра государственного призрения, назначенного Временным правительством «диктатором» в октябрьские дни 1917 года, одного из главных фрондеров в «Помголе», в 1922 году отозвали из Вологодской ссылки, и он стал работать в Наркомздраве РСФСР.

Доктор В. А. Левицкий, освобожденный еще 7 сентября 1921 года, возглавил Центральный государственный институт по изучению профессиональных заболеваний. Бывший кадет П. А. Велихов, выпущенный 17 сентября, вернулся на свою кафедру в Институт инженеров путей сообщения и в научно-технический отдел НКПС, а бывший член ЦК кадетской партии М. В. Сабашников – к своей издательской деятельности.

Переход к сотрудничеству с Советской властью приобретал все более массовый характер, особенно в среде инженеров, техников, врачей, учителей, то есть тех, кто испокон веков строил, лечил и учил Россию. И все-таки каким бы «стихийным» или, наоборот, «направляемым» ни был этот процесс, для **несоветской** интеллигенции важно было теоретическое и моральное обоснование подобного поворота. Как ни странно, такое обоснование было сформулировано в среде российского зарубежья.

Российская эмиграция по своему составу была достаточно пестрой. Были наиболее упертые – те, кто до конца стоял за вооруженную борьбу против Советской власти. В июле 1921 года Ленин получил письмо от Красина. Леонид Борисович сообщал, что в Париже состоялся так называемый «Съезд русского национального объединения», где собрались и монархисты (А. Карташев, М. Федоров и др.), и правые кадеты (П. Струве, П. Долгоруков и др.), и совсем правые эсеры типа В. Бурцева.

Съезд учредил «Русский национальный союз» во главе с Национальным комитетом, который поддержал в качестве претендента на русский престол бывшего главнокомандующего русской армии, великого князя Николая Николаевича, выразил симпатии итальянскому фашизму как «великой и жизнотворной силе», а также армии генерала Врангеля, расселявшейся из галлиполийского лагеря по Сербии и Болгарии²¹⁵.

²¹⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 157.

²¹⁵ См.: Иоффе Г. З. Крах российской монархической контрреволюции. С. 270, 274.

Эта хорошо вооруженная, дисциплинированная, ставшая фактически профессиональной армия представляла собой достаточно серьезную силу. В нее входили: корпус Кутепова, состоявший из 25 тысяч солдат и офицеров бывшей Добровольческой армии; Донской корпус – из 20 тысяч казаков и 15 тысяч кубанцев²¹⁶.

Б. Александровский, работавший врачом в галлиполийском лагере, писал, что господствующим убеждением среди офицеров этой армии являлось то, что главной ошибкой, допущенной ими в прошлом, была «непростительная мягкотелость... Надо было в свое время перевешать и расстрелять всех проклятых слюнявых интеллигентов с Милюковым и Керенским во главе. Не будь их, ничего бы и не было, сидели бы мы сейчас спокойно в Москве и Петербурге»²¹⁷.

Выступая на VIII съезде Советов в декабре 1920 года, Ленин говорил: «Мы прекрасно знаем, что остатки армии Врангеля не уничтожены, а спрятаны не очень далеко и находятся под опекой и под охраной и восстанавливаются при помощи капиталистических держав, что белогвардейские русские организации работают усиленно над тем, чтобы попытаться создать снова те или иные воинские части и вместе с силами, имеющимися у Врангеля, приготовить их в удобный момент для нового натиска на Россию»²¹⁸.

Что касается командования этой армии, то оно действительно всерьез планировало высадку десанта на Черноморском побережье, прорыв на Кубань, а оттуда – новый поход на Москву. Конечно, подобные планы отражали скорее генеральские амбиции и надежды на помощь Антанты, нежели их реальные возможности. Но не считаться с вероятностью такого рода авантюры было нельзя.

Именно из этой среды вышли люди типа генерала В. В. Бискупского, которые уже в 1920 году стали активно сотрудничать с немецкими фашистами. Туда же потянулись и некоторые эмигрантские монархические группы. «Фашизм, – писала берлинская газета “Дни”, – стал модной этикеткой для искателей русского престола»²¹⁹.

Но и в более благопристойной среде эмигрантов, с которой пришлось иметь дело во время поездки за границу бывшему солисту Его Величества, ставшему Народным артистом республики Леониду Витальевичу Собинову, – в адрес тех интеллигентов и специалистов, которые стали работать в советских учреждениях, пришлось услышать: «Гробов на вас, оставшихся в России, не хватает, когда мы вернемся водворять порядок на родине»²²⁰.

Впрочем, из двух миллионов человек, покинувших Россию в годы революции и гражданской войны большая часть, обремененная повседневными тяготами, ушла в частную жизнь. Их быт, психологию прекрасно описал Аркадий Аверченко в изданном в Париже сборнике рассказов «Дюжина ножей в спину революции». Ленин прочел его, 23 ноября 1921 года опубликовал рецензию – «Талантливая книжка» и предложил некоторые рассказы перепечатать в России, ибо, как он заметил, – «талант надо поощрять».

«Интересно наблюдать, – писал Владимир Ильич, – как до кипения дошедшая ненависть вызвала и замечательно сильные, и замечательно слабые места этой высокоталантливой книжки. Когда автор свои рассказы посвящает теме, ему неизвестной, выходит нехудожественно. Например, рассказ, изображающий Ленина и Троцкого в домашней жизни.

Злобы много, но только непохоже, любезный гражданин Аверченко! Уверяю вас, что недостатков у Ленина и у Троцкого много во всякой, в том числе, значит, и в домашней жизни. Только чтобы о них талантливо написать, надо их знать. А вы их не знаете.

²¹⁶ Там же. С. 270.

²¹⁷ Там же. С. 271.

²¹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 130.

²¹⁹ См.: Иоффе Г. З. Крах российской монархической контрреволюции. С. 268, 287.

²²⁰ Минувшее. Исторический альманах. 1. М., 1990. С. 63.

...До настоящего пафоса, однако, автор поднимается лишь тогда, когда говорит о еде. Как ели богатые люди в старой России, как закусывали в Петрограде – нет, не в Петрограде, а в Петербурге – за 14 с полтиной и за 50 рублей и т. д. Автор описывает это прямо со сладострастием: вот это он пережил и перечувствовал, вот тут уже он ошибки не допустит».

Разговор двух «бывших»: один – бывший сенатор, второй – бывший директор огромного металлургического завода на Выборгской стороне. «Теперь он – приказчик комиссионного магазина, и в последнее время приобрел даже некоторую опытность в оценке поношенных дамский капотов...»

«Оба старичка вспоминают старое, петербургские закаты, улицы, театры, конечно, еду в “Медведе”, в “Вене” и в “Малом Ярославце” и т. д. И воспоминания прерываются восклицаниями: “Что мы им сделали? Кому мы мешали?”... “Чем им мешало все это?”... “За что они Россию так?”...»

Аркадию Аверченко не понять, за что. Рабочие и крестьяне, – заключает Ленин, – понимают, видимо, без труда и не нуждаются в пояснениях»²²¹.

Но было в среде русского зарубежья достаточно много людей, которых волновали не столько тоска по утраченному, сколько будущее новой России. Это была, так сказать, элита русского зарубежья. Многие из них активно участвовали в борьбе против Советской власти в годы Гражданской войны. Но именно из этой среды как раз и вышли «сменовеховцы».

Идейное течение – «сменовеховство», – появившееся в эмиграции с началом НЭПа, связано с именем Н. В. Устрялова. До 1918 года Николай Васильевич как приват-доцент преподавал государственное право в Московском университете. В годы Гражданской войны входил в ЦК партии кадетов и в правительство Колчака, издавал в Омске газету «Русское Дело», а затем эмигрировал в Харбин, где вновь стал преподавать в тамошнем университете.

Летом 1921 года вместе с эмигрантами кадетского толка Ю. В. Ключниковым, С. С. Лукьяновым, С. С. Чахотиным, А. В. Бобрищевым-Пушкиным, Ю. Н. Потехиным и др. он выпустил в Праге сборник «Смена Вех», а с октября 1921 года стал издавать в Париже журнал под тем же названием.

Содержательный анализ этого течения (с интересующей нас точки зрения) проделала французский историк Тамара Кондратьева в книге «Большевики-якобинцы и призрак термидора», вышедшей в Москве в 1991 году.

Сменовеховцы полагали, что ход истории и логика самой жизни значат куда больше, нежели оценка и осознание их вождями революции. Поэтому объективные итоги происходящих исторических процессов могут оказаться прямой противоположностью их субъективных устремлений и идеалов. Как говаривал во времена Французской революции Сен-Жюст, – «сила вещей ведет нас, по-видимому, к результатам, которые не приходили нам в голову»²²².

С этой позиции сменовеховцы и рассматривали процессы, происходившие в Советской России. «Мы, – писал Устрялов, – вступили на “путь термидора”, который у нас, в отличие от Франции, будет, по-видимому, длиться годами и проходить под знаком революционной советской власти. Не бессмысленно бороться с новой Россией – долг русских патриотов, а посылить содействовать ее оздоровлению, честно идти навстречу “новому курсу” революционной власти, становящемуся жизненным, мощным и неотвратимым фактором воссоздания государства российского»²²³.

Те, кто нуждался в моральном оправдании своего «поворота», вполне удовлетворились данным выводом. И если после поражения Первой русской революции знаменитые «Вехи»

²²¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 249, 250.

²²² См.: Плимак Е. Г. Политическое завещание В. И. Ленина. Истоки, сущность, выполнение. М., 1989. С. 131.

²²³ Кондратьева Т. Большевики-якобинцы и призрак термидора. С. 81.

стали для многих оправданием *примирения с царской властью*, то теперь «Смена вех» помогла обосновать возможность и даже необходимость *сотрудничества с властью советской*.

«Ирония истории» на сей раз, видимо, состояла в том, что многие министры бывшего Временного правительства, свергнутого Советами в октябре 1917 года (военный министр А. И. Верховский, морской министр Д. Н. Вердеревский, министр финансов Н. Н. Кутлер, министры путей сообщения Н. В. Некрасов и А. В. Ливеровский, министр почт и телеграфа, а затем министр внутренних дел А. М. Никитин, министр труда М. И. Скобелев, министры просвещения А. А. Мануйлов, С. С. Салазкин и С. Ф. Ольденбург), теперь исправно служили в советских учреждениях.

Помимо рабочих, крестьян и интеллигенции существовал еще один социальный слой, с которым надо было определять свои отношения ради достижения того же «гражданского мира». Речь идет о нэпманах, арендаторах госпредприятий, концессионерах, которые играли достаточно большую роль в ряде отраслей народного хозяйства и особенно в торговле.

Экономическая политика Советской власти плюс восприятие (в какой-то мере) идей «сменовеховцев» не только прежде враждебными Советской власти «спецами», но и новой буржуазией, сделало возможными установить определенные формы сотрудничества и с лояльными «нэпманами» – реальными носителями и частнохозяйственного, и государственного капитализма.

Но именно это встретило наибольшее непонимание и даже сопротивление со стороны многих коммунистов, для которых они по-прежнему оставались потенциальной «буржуазной контрой». Стало быть, начинать надо было с официального изменения социального имиджа этого слоя. В данной связи Владимир Ильич предлагает «в понятие спецов обязательно включить не только инженеров и агрономов, но и торговцев»²²⁴

Ленину пришлось напомнить, что «еще весной 1918 года коммунисты провозгласили и защищали идею **блока, союза** с государственным капитализмом против мелкобуржуазной стихии. Три года тому назад! В первые месяцы большевистской победы! Трезвость была у большевиков уже тогда»²²⁵.

Теперь все это Владимиру Ильичу приходилось объяснять вновь. Капитализм «нам полезен в той мере, – пишет он, – в которой поможет бороться с распыленностью мелкого производителя... Меру установит практика, опыт. Страшного для пролетарской власти тут ничего нет, пока пролетариат твердо держит власть в своих руках, твердо держит в своих руках транспорт и крупную промышленность».

Но для того, чтобы союз с госкапитализмом стал реальным, необходимо было отказаться от некоторых представлений, сложившихся в предшествующие военные годы. В частности, по отношению к торговле и спекуляции. В период Гражданской войны это понятие ассоциировалось с сугубо криминальной деятельностью, подведомственной карательным мерам ВЧК. А теперь?

Теперь, объясняет Ленин, – «спекуляцию *нельзя* отличить от “правильной” торговли, если понимать спекуляцию в смысле политико-экономическом. Свобода торговли есть капитализм, капитализм есть спекуляция, закрывать глаза на это смешно».

Как же быть? Оставлять спекуляцию безнаказанной? И что такое «правильная» или «неправильная» торговля?

«Неправильная» торговля, отвечает Ленин, это всякого рода хищения, разворовывание национальных богатств, контрабанда, нарушение советских законов, уклонение от налогов, т. е. «*уклонение*, прямое или косвенное, открытое или прикрытое, от *государственного кон-*

²²⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 95.

²²⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 105. (выделено мною – В.Л.)

троля, надзора, учета». Это есть деяние наказуемое, которое должно караться «с тройной против прежнего строгостью»²²⁶.

Опыт подобного рода публичного наказания продемонстрировали 15–18 декабря 1921 года, когда в Москве был проведен процесс над 35 предпринимателями – владельцами чайных, столовых, пекарен, сапожных мастерских и т. п. Им предъявили обвинение в нарушении советских законов о труде: эксплуатации малолетних, подростков, женщин, удлинении рабочего дня. Обвинителями выступали рабочие московских предприятий. Более десятка подсудимых приговорили к крупным денежным штрафам или к принудительным работам без лишения свободы²²⁷.

Что же касается «правильной» торговли, пояснял Ленин, то это та, которая соблюдает законы и не уклоняется от государственного контроля, и коммунисты должны ее всячески поддерживать и развивать. А это значит, что им придется учиться опыту налаживания хозяйства и работать рядом «с комиссионерами-торговцами, с скупщиками, работающими на государство, с кооператорами-капиталистами, с концессионерами-предпринимателями и т. д.»²²⁸

Ну, а те, «кому “скучна”, “неинтересна”, “непонятна” эта работа, кто морщит нос или... опьяняет себя декламацией об отсутствии “прежнего подъема”, “прежнего энтузиазма” и т. п., – того лучше “освободить от работы” и сдать в архив, чтобы он не мог принести вреда...»²²⁹

Необходимо так же «пересмотреть и переработать все законы о спекуляции», т. е. и уголовный, и гражданский кодексы. Только так, заключает Ленин, мы добьемся того, чтобы «направить неизбежное, в известной мере, и необходимое нам развитие капитализма в русло *государственного* капитализма»²³⁰.

28 октября 1921 года СТО создает «Комиссию для пересмотра, систематизации и развития законодательства по новой экономической политике». В состав комиссии вводятся: Д. Курский (председатель), Н. Осинский, П. А. Богданов, Ю. Ларин и О. Ю. Шмидт²³¹.

Свою позицию Ленин сформулировал предельно ясно: тот, кто будет всячески поднимать производительные силы страны, поощрять хозяйственную инициативу на местах, развивать не только крупную, но и мелкую промышленность, ремесла, использовать местное сырье, топливные, водные ресурсы для оживления промышленности и земледелия, тот «больше пользы принесет делу всероссийского социалистического строительства, чем тот, кто будет “думать” о чистоте коммунизма... Это может показаться парадоксом: частнохозяйственный капитализм в роли пособника социализму? Но это несколько не парадокс, а экономически совершенно неоспоримый факт». В той ситуации, в которой оказалась разоренная войной крестьянская Россия, политически руководимая пролетариатом, утверждал Ленин, есть «возможность оказать содействие социализму через частнохозяйственный капитализм (не говоря уже о государственном)...»²³²

Обо всем этом – и о частнохозяйственном, и о госкапитализме Владимир Ильич упоминал в это время чуть ли не в каждом своем выступлении. Никто особо не возражал. Все голосовали «за».

Но как только дело доходило до конкретного соглашения об аренде или иностранной концессии, тут сразу возникали проблемы.

Вот, мол, «своих» выгнали, а теперь «эти» прут и даже по-русски не говорят. Тут как бы переплелись два фактора. С одной стороны, претила неумная алчность капиталистов, стре-

²²⁶ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 244.

²²⁷ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 574.

²²⁸ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 236, 237, 245.

²²⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 108, 109.

²³⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 237.

²³¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 53. С. 446.

²³² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 233.

мившихся урвать куски пожирнее, а с другой – то, что Ленин назвал «комчванством»: сами, мол, с усами, и без них справимся²³³.

Осенью 1921 года российский капиталист, «бывший король кожевенной промышленности», эмигрант П. Б. Штейнберг предложил взять концессию по закупке и вывозу за границу кожсырья. Предложение сулило государству изрядные доходы, и 21 ноября ВСНХ представил в Совнарком проект «Договора о концессии на сбор и торговлю кожевенным сырьем».

Однако 23 ноября в «Известиях» появилась статья Б. Горского «О данайцах, дары приносящих», в которой автор сообщал, что по его расчетам, если концессия будет принята, то буржуй-эмигрант Штейнберг будет получать не менее 300 процентов прибыли и стерпеть подобное невозможно. О том, что сырье это бесхозно гнило по деревням ввиду огромного количества палых от голода лошадей и коров, естественно, не упоминалось.

Прочитав статью, Ленин написал в Экономическую комиссию Каменеву и в Центросоюз Хинчуку: «По-моему, договор все же, поторговавшись сто раз и проверив сто раз, *надо* заключить, ибо за ученье дураки *должны* платить высокую цену».

При этом необходимо постараться соблюсти два условия: 1) выторговать у концессионеров «особую долю от сверхприбыли, считая сверхприбыль 100 или 200 %; 2) обучать у этих концессионеров наших хозяйственников «приемам и организации торговли» до тех пор, пока «мы, дураки, научимся у умных людей»²³⁴.

В общем, говоря о политике «гражданского мира», можно отметить, что ставка Ленина на «общее дело» полностью оправдала себя. Наиболее наглядно это проявлялось на различных съездах общественных и профессиональных организаций. Их характер зависел прежде всего от того, что доминировало в выступлениях собравшихся: желание участвовать в созидательных процессах, польза которых для страны никем не оспаривалась, или стремление использовать трибуну съезда для общеполитической дискуссии и заклеймить «ненавистный режим».

Когда в декабре 1921 года в Москве собрался Всероссийский съезд земотделов, в котором участвовали и ученые-аграрники, и агрономы, и руководители местных земельных органов, то при всей жесткой критике в адрес Наркомзема в выступлениях участников преобладало главное: желание практически помочь голодающей деревне, забота о предстоящем севе и о подъеме сельского хозяйства России.

Еще более продуктивно прошел и уже упоминавшийся VIII Всероссийский электротехнический съезд в октябре 1921 года, на который собралось более 1300 ученых, инженеров, техников и рабочих из 102 городов России. В приветствии, направленном съезду, Ленин выразил надежду, что «при помощи всех электротехников России и ряда лучших, передовых ученых сил всего мира» неимоверно трудная задача электрификации страны будет решена²³⁵.

И при всей пестроте политических симпатий собравшихся, съезд прошел в очень серьезной и деловой атмосфере. Помимо доклада Г. М. Кржижановского о работе комиссии ГОЭЛРО, были заслушаны доклады А. Ф. Иоффе о строении материи, М. В. Шулейкина о развитии радиотелефонии, Г. О. Графтио об электрификации транспорта, Л. К. Рамзина о топливном снабжении России и другие. А главное, рекомендации съезда действительно сыграли важную роль в окончательной доработке плана ГОЭЛРО.

9 октября один из участников съезда инженер-энергетик П. А. Козьмин написал Ленину: «Сегодня закончился электротехнический съезд, который знаменует **громдную победу Советской власти над умами** не только массового инженера, но и значительного (большого) количества тех лидеров, у которых *еще оставалось чувство саботажа*»²³⁶.

²³³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 47, 49.

²³⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 251.

²³⁵ Там же. С. 135, 136.

²³⁶ В. И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 11. С. 457.

Кстати, говоря в приветствии съезду о помощи «передовых ученых мира», Ленин не блефовал. Спустя несколько месяцев он получил из Америки письмо известнейшего ученого-электротехника Чарльза Штейнмеца, который выражал «свое восхищение удивительной работой по социальному и промышленному возрождению, которую Россия выполняет при таких тяжелых условиях... Если в технических вопросах и особенно в вопросах электростроительства, – писал Штейнмец, – я могу помочь России тем или иным способом, советом, предложением и указанием, я всегда буду очень рад сделать все, что в моих силах».

Передавая это письмо Б. В. Лосеву, направлявшемуся в Россию, Штейнмец добавил: «Мне кажется, результаты мировой войны таковы, что если б не установление советского строя в России, то жизнь вообще не имела бы никакой ценности... Пусть в России узнают, что я и многие другие сочувствуют их цели, что всем сердцем и разумом мы с ними»²³⁷.

Укрепление союза с крестьянством, вовлечение в позитивную работу широких слоев интеллигенции, определение форм сотрудничества с новой буржуазией – все это сглаживало имевшиеся противоречия и создавало реальные предпосылки для **консолидации** многомиллионного населения России.

²³⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 532, 533.

«Правильно понять свою задачу»

Существовала еще одна проблема, которая по мере углубления НЭПа все более выходила на первый план. Можно было сколько угодно говорить об укреплении Советского государства, электрификации, новых формах взаимоотношений с крестьянством и интеллигенцией, об использовании государственного и частнохозяйственного капитализма, но становилось все более очевидным, что реализация любых намерений и планов во многом зависела от функционирования государственного аппарата.

На этот счет у Ленина никаких иллюзий не было. Государство вроде бы стало новым, а аппарат его во многом оставался старым. Над этой проблемой Владимир Ильич размышлял и прежде, но с началом НЭПа она приобрела особую остроту. Бревно бюрократизма и сопутствующие ему волокита, взяточничество легли поперек дороги и нередко сводили на нет и осуществление государственных инициатив, и самодеятельность низов, и предпринимательство вполне «советских нэпманов».

Отсюда и возникала постоянная необходимость прибегать к «ручному управлению» со стороны верхов власти, в том числе и самого Ленина. Достаточно посмотреть его переписку хотя бы за осень 1921 года, те десятки писем в самые различные учреждения – и об отправке семян для сева, и о ликвидации задержки зарплаты рабочим, и о поставке машин и механизмов для строящихся электростанций, и т. д. и т. п., чтобы убедиться в том, что подобное функционирование госаппарата выходило за рамки административных неурядиц и становилось проблемой политической.

3 сентября 1921 года, получив от профессора Г. О. Графтио письмо с жалобой на Главный комитет государственных сооружений и Электрострой, повинных в волоките по отношению к нуждам Волховской ГЭС, Ленин пишет наркому юстиции Д. И. Курскому: «Волокита эта особенно в московских и центральных учреждениях самая обычная. Но тем более внимания надо обратить на борьбу с ней.

Мое впечатление, что НКЮст относится к этому вопросу чисто формально, т. е. в корне неправильно». Необходимо: «1) поставить это дело на суд; 2) добиться ошельмования виновных и в прессе и строгим наказанием». И еще: «обязательно этой осенью и зимой 1921-22 гг. поставить на суд в Москве 4–6 дел о московской волоките, подобрав случая “поярче” и сделав из каждого суда *политическое* дело...»²³⁸

Особенно строго, с передачей дел в Ревтрибунал, необходимо судить чиновников, не реагирующих на жалобы, поступающие от рабочих и крестьян, добиваясь того, чтобы «суд по делу о волоките был наиболее торжественный, *воспитательный* и приговор достаточно внушитель»²³⁹.

Были, конечно, среди старых чиновников и явные саботажники, которые, как говорил Ленин, «делают нам гадости», которые «думают, что спасают культуру, подготавливая большевиков к падению, которые знают канцелярское дело в 100 раз лучше, чем мы». И коммунисты должны не хныкать или рассказывать анекдоты о «совбурах», а бороться, воевать с ними «по всем правилам искусства»²⁴⁰.

Дело осложнялось тем, что во главе многих повинных в бюрократизме и волоките учреждений и ведомств стояли не старые чиновники, а известные коммунисты, заслуженные герои Гражданской войны, коих никак нельзя было заподозрить в саботаже. Это были те, о которых Ленин в октябре 1921 года писал, что это «“чиновники” с пышным советским титулом,

²³⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 53. С. 164, 165, 230.

²³⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 53. С. 286.

²⁴⁰ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 237.

ни черта не понимающие, не знающие дела, лишь подписывающие бумажки...»²⁴¹ Как быть с ними?

Ответ на этот вопрос Ленин дал в связи с «делом о плугах Фаулера».

Разговоры о производстве автоплугов системы Фаулера начались еще летом 1920 года. Но «чрезвычайная тройка», созданная для этого в отделе металов ВСНХ, целый год занималась перепиской с различными ведомствами и подготовкой доклада по данному вопросу.

В октябре 1921 года по предложению Ленина СТО принимает постановление о ликвидации «чрезвычайной тройки» и необходимости расследования Наркомюстом причин волокиты. Однако, спустя почти два месяца Владимир Ильич получает письма из ВСНХ (от Богданова) и из Наркомзема (от Осинского), в которых они, ссылаясь на «объективные» причины, и в особенности на прежние заслуги ответработников, причастных к этому делу, решительно возражали против привлечения их к ответственности²⁴².

Ленин посчитал эти ответы достаточным поводом для того, чтобы преподать урок новой «кадровой политики». 23 декабря 1921 года он пишет председателю ВСНХ Петру Алексеевичу Богданову:

«Считаю решительно и принципиально неправильным все Ваши рассуждения насчет дела о плугах Фаулера... Надо не бояться суда (суд у нас пролетарский) и гласности, а тащить волокиту на суд гласности... Вы отрицаете его пользу? его общественное значение, в 1000 раз большее, чем келейно-партийно-цекистски-идиотское притупление поганого дела о поганой волоките без гласности?

Вы архинеправы принципиально. Мы не умеем гласно судить за поганую волокиту: за это нас всех и Наркомюст сугубо надо вешать на вонючих веревках. И я еще не потерял надежды, что нас когда-нибудь за это *поделом* повесят.

Ежели Вы думаете, что в РСФСР не найдется *одного* умного обвинителя и трех умных судей, действительно умных (не торопыг, не крикунов, не фразеров), то я Вас обвиняю еще в пессимизме насчет Советской власти.

...Почему не возможен приговор типа *примерно* такого:

Придавая исключительное значение гласному суду по делам о волоките, выносим на этот раз мягчайший приговор ввиду исключительно редкой добросовестности обвиняемых, предупредая при сем, что впредь будем карать за волокиту и *святенских, но безруких* болванов (суд, пожалуй, повежливее выразится), ибо нам, РСФСР, нужна не святость, а *умение* вести дело... Впредь будем сажать за это профсоюзовскую и коммунистическую сволочь (суд, пожалуй, помягче выразится) в тюрьму беспощадно»²⁴³.

Московский военный трибунал предъявил по этому делу ряду работников ВСНХ и Наркомзема обвинение в неисполнении возложенных на них обязанностей. Но, учитывая заслуги этих товарищей, в противовес тому, о чем писал Ленин, постановил наказанию их не подвергать. И только решением СТО Президиуму ВСНХ и коллегии Накромзема было поставлено на вид за недостаточно серьезное отношение к производству автоплугов²⁴⁴. Так что до «вонючих веревков» дело не дошло.

Ленин понимал, что дело не только в плохих или хороших чиновниках, но и в той системе сверхцентрализации властных функций государства, которые сложились в годы Гражданской войны. В этой связи он писал, что особенно «зло бюрократизма, естественно, концентрируется

²⁴¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 53. С. 301.

²⁴² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 183, 556.

²⁴³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 86, 87, 88, 89.

²⁴⁴ Там же. С. 585, 586.

в центре; Москва не может не быть в этом отношении худшим городом и вообще наихудшим “местом” в республике»²⁴⁵.

Теперь, не ломая управленческих структур, необходимо было постепенно сужать круг вопросов, которые подлежали компетенции центра. И прежде всего отказаться от дурной привычки, снимая с себя ответственность, тащить всё и вся на утверждение самого Ленина, Совнаркома, Политбюро.

19 сентября 1921 года Владимир Ильич пишет в Наркомпрод Н. П. Брюханову: «Мне думается, что неправильно давать все подобные телеграммы на подпись мне. Надо – может быть, постепенно, но все же переходить и *перейти* к тому, чтобы научить людей (в том числе губисполкомы) слушаться и без моей подписи – нормально слушаться, а не только экстраординарно... Не исполняет – покарать сугубо и проверить кару»²⁴⁶.

Но не только бюрократизм аппарата управления народным хозяйством удручал Ленина. НЭП высветил и другую проблему. В наследство от «военного коммунизма» досталось и дробление экономики страны по отраслям, определенная «автономия» которых препятствовала созданию единого хозяйственного комплекса. А без него осуществление «обгоняющего проекта» было неосуществимым.

28 ноября Ленин пишет Цюрупе: «У меня план созрел:

В дополнение к должности зампреда СТО Рыкова (с правом решающего голоса в СНК) учреждается на равных правах должность второго зампреда СТО. Назначается, с освобождением от НКпрода, Цюрупа.

Права этих замов: решающий голос в СНК и СТО; председательствование, при отсутствии председателя. Все права председателя СНК в отношении участия во всех коллегиях и учреждениях... *по вопросам объединения и направления* работы экономических наркоматов».

Одна из задач: «*Лично* ознакомиться с особенностями и работой всех экономических наркомов и *всех членов* их коллегий и ряда (10-100) крупнейших работников местных и областных в этой области». Постараться «выработать высококвалифицированный тип инспекторов-инструкторов для проверки и постановки всей экономической работы, во всех экономических учреждениях и центра и мест».

Главная цель, которую преследует этот план, состоит в том, чтобы «объединить на деле, подтянуть и улучшить *экономическую работу в ЦЕЛОМ*, особенно в связи и через Госбанк (торговля) и Госплан...»

На сколько времени сии должности, “будем посмотреть”: может быть на 3–4 года, может быть на 30 лет»²⁴⁷.

Так случилось, что в эти же дни, над той же проблемой улучшения управления народным хозяйством, размышлял Сталин. 29 ноября он пишет Ленину: «Раньше чем поставить этот вопрос в ПБ я решил обратиться к Вам с вопросом: каково Ваше мнение на этот счет. И. Сталин.

Едва ли нужно доказывать, – пишет он, – что подготовка и подрабатывание вопросов хозяйственного характера (финансы, денежный, кооперативы всех видов, индустрия, аренда, концессии, торговля), идущих потом на разрешение Политбюро, протекает у нас в условиях более чем ненормальных.

Начать с того, что различные комиссии по хозяйственным вопросам (кооперативная при Оргбюро, каменевская по кооперативному банку, финансовая при СТО, денежная, тарифная и др.) не связаны между собой, действуют вразброд, с одной стороны, с другой – не всегда

²⁴⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 234.

²⁴⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 53. С. 201.

²⁴⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 253, 254.

связаны прямо с Политбюро, т. е. не все эти комиссии имеют в своем составе того или иного члена Политбюро.

Далее, сам ЦК и верхушка его, Политбюро, построены так, что в их составе почти нет вовсе знатоков хозяйственного дела... Политбюро в целом иногда вынуждено решать вопросы на основании доверия или недоверия к той или иной комиссии, не входя в существо дела».

В этой связи Сталин предлагал: «1) свести все существующие хозяйственные комиссии к 4-м комиссиям (финансово-денежная, промышленная, торговая с потребкооперацией, сельскохозяйственная с соответствующими видами кооперации), определив их по партийной линии при Политбюро, а по советской при СТО;

2) расписать четырех членов Политбюро по этим комиссиям... Пятого члена Политбюро, тов. Ленина, не связывать обязательством участия в работах комиссий, предоставив ему возможность увязать работу всех четырех комиссий через четырех членов Политбюро или в ином порядке»²⁴⁸.

Как видим, общее направление размышлений Ленина и Сталина в основном совпадало: необходимо увязать между собой все отрасли хозяйственной политики. Но если у Сталина таким центром «увязки» оставалось, как и прежде, Политбюро, то Ленин предлагал, как написал он Рыкову, – «развить *новую* работу» и решать данную задачу через советские органы управления – СТО и наркоматы, координируя их деятельность с помощью Госбанка (финансовая политика) и Госплана (научный центр)²⁴⁹.

В системе центральных советских учреждений существовал наркомат Рабоче-крестьянской инспекции, который как раз и создавался для того, чтобы осуществлять надзор и помощь работе госаппарата. Но, по мнению Ленина, он явно не справлялся с поставленной задачей, ибо сконцентрировал усилия на сугубо репрессивных мерах.

27 сентября 1921 года, ознакомившись с докладом заведующего топливной секцией РКИ Лонинова, Ленин решил использовать его как повод для обстоятельного разговора о задачах деятельности Рабкрин и направил письмо наркому РКИ И. В. Сталину.

«Задача Рабоче-крестьянской инспекции, – пишет Владимир Ильич, – не только и даже не столько “ловить”, “изобличать” (это задача суда, с которым Рабкрин соприкасается близко, но отнюдь не тождественен), – сколько уметь поправить.

Умелое исправление вовремя – вот главная задача Рабкрин... Ознакомление с предварительным наброском доклада... убеждает меня в том, что основа дела не поставлена в Рабкрине как следует. В этом наброске доклада нет *ни изучения* дела, *ни подхода к исправлению*».

Ленин обстоятельно анализирует саму методику проверки отчетности советских учреждений и предлагаемых РКИ мер. Констатация инспекторов: «отчетность плоха», «отчетности нет»... Но найти виноватого в виде начальника, – замечает Ленин, – лишь весьма малая доля работы.

Исполнил ли свою задачу и свой долг Рабкрин? *Правильно ли он понял свою задачу?* Вот в чем главный вопрос. И на этот вопрос приходится ответить отрицательно». А задача РКИ состоит в том, чтобы «*систематично*, неуклонно вести упорную и неослабную войну за расширение области применения хорошего образца. В Рабкрине должна быть календарная таблица, показывающая ход этой войны, успехи и поражения наши в этой войне»²⁵⁰.

Но разговора об «основах дела» не получилось. В тот же день, 27-го, Владимир Ильич получил от Сталина ответ: «*Возможно*, – пишет он, – что Ваши обвинения, направленные против автора “предварительного” доклада, преждевременны... “Предварительный” докладец

²⁴⁸ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Ед. хр. 263.

²⁴⁹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 51.

²⁵⁰ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 127, 128, 129.

составлен для ориентировки, а перечень вопросов – для того, чтобы облегчить Вам *предварительную* проверку, или, как принято ныне выражаться – “заинтересовать” Вас вопросом...

Я думаю, что инспекция в *наших* условиях, кроме прочего, имеет еще одно назначение: быть барометром, показывающим бурю или хорошую погоду. Если инспекция в данном случае правильно предвещает бурю и, следовательно, дает предупреждение, хотя бы по одному вопросу, то это уже не мало для такого хилого организма, как инспекция», во всяком случае до тех пор, добавляет Сталин, – «*пока* не обеспечим ее руководящих работников материально».

Лишь в постскрипуме к письму он пообещал приложить к докладу «проект конкретных мер улучшения аппаратов топучреждений». Об «*основах* дела» не упоминалось ни слова²⁵¹.

Именно летом 1921 года Ленин решил провести эксперимент: попробовать привлечь к организации помощи в перестройке госучреждений рабочих. В июле он предложил создать при Наркомате Рабоче-крестьянской инспекции особую Комиссию содействия хозяйственным органам (Комсохоор). Было создано два мобильных отряда для проверки работы местных советских органов. Один под руководством старого партийца, бывшего самарского токаря А. А. Коростылева, второй возглавил старый чиновник, инспектор бывшего Азово-Донского банка Н. А. Реске.

Тогда же, в июле, Ленин предложил председателю Комсохоора Коростылеву направить оба отряда из провинции в Москву. 26 июля он пишет: «В Москве гораздо труднее работать, чем в провинции: больше бюрократизма, больше развращенных и избалованных “*верхушечных*” людей и т. д.

Но зато работа в Москве будет иметь громадное показательное и *политическое* значение... Постепенно, но обязательно привлекать *беспартийных* из числа заведомо честных и уважаемых в каждом районе *рабочих*. Не жалеть времени и труда на приискание их, на ознакомление с ними.

Их понемногу и осторожно *вводить* в работу, пробуя подыскать *вполне подходящее* для каждого, соответствующее его способностям, занятие.

Главное – приучить рабочих и население к комиссии в том смысле, чтобы они *увидели* помощь от нее; главное – *завоевать доверие* массы, беспартийных, рядовых рабочих, рядовых обывателей.

Именно Вам как председателю комиссии и как человеку центра, члену коллегии *нелюбимой* Рабоче-крестьянской инспекции это будет нелегко. Но в этом вся суть... Только опираясь на это, можно двигаться дальше»²⁵².

Проблемы адаптации к новым условиям НЭПа существовали не только у РКИ. Одним из главных институтов и, можно сказать, символом Гражданской войны, безусловно, являлась ВЧК – Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, саботажем и преступлениями по должности. О ее заслугах перед революцией и Советской властью Ленин говорил много раз, да и написано было немало. Сотни заговоров, шпионских сетей, бандформирований, уголовников, совчиновников, совершивших «преступления по должности» были обезврежены во время этой войны именно благодаря ЧК.

Одним из принципов «красного террора» являлась гласность. Данные об арестах и расстрелах публиковались в центральной и местной советской прессе, а сводные цифры за 1918–1919 годы были приведены в «Известиях» 6 февраля 1920 года. Но принцип этот соблюдался не везде и не всегда.

Поэтому в фундаментальной монографии Олега Борисовича Мозохина «Право на репрессии» приводятся и исследуются погубернские отчеты органов ВЧК за 1918–1921 годы.

²⁵¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 548; РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5724. Л. 1.

²⁵² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 53. С. 67, 68.

За эти четыре года было расстреляно **около 30 тысяч человек**, причем большинство их составляли уголовники и бандиты.

Однако, поскольку цифры по ряду регионов все-таки отсутствуют, Мозохин пишет: «Вне всякого сомнения, эти данные неполные. По всей видимости, сюда не вошли жертвы Крымской трагедии и Кронштадтского мятежа. Со всеми оговорками и натяжками число жертв органов ВЧК можно оценивать в цифру никак не более 50 тысяч человек»²⁵³.

Дело, однако, не только в этих цифрах. Когда внесудебные расправы и насилие становятся профессией, это неизбежно рождает свои острейшие политические и моральные проблемы. Как раз в 1921 году группа сотрудников – коммунистов Туркестанского ЧК написала в ЦК РКП(б): «...Как это ни печально, но мы должны сознаться, что коммунист, попадая в карательный орган, перестает быть человеком, а превращается в автомат, который приводится в действие механически. Даже механически мыслит, так как у него отнимают право не только свободно говорить, но свободно индивидуально мыслить».

В письме говорилось о том, что сотрудники ЧК «стоят вне политической жизни республики, в них развиваются дурные наклонности, как высокомерие, честолюбие, жестокость, черствый эгоизм и т. д. И они постепенно, для себя незаметно, откалываются от нашей партийной семьи, образуя свою особенную касту... Партийные организации смотрят на них, как на прежнюю охранку – с боязнью и презрением... Являясь бронированным кулаком партии, этот же кулак бьет по голове партии»²⁵⁴.

Публикаторы этого документа В. А. Козлов и Г. А. Бордюгов справедливо заметили: «Разве не ясно, что чекисты, написавшие такое горькое письмо, не стали ни “жандармами”, ни “автоматами”? Нельзя не видеть их драму, нельзя не видеть вновь, как сила вещей ведет к результатам, которые не приходили никому в голову».

Ну а приходило ли это в голову Владимиру Ильичу Ленину?

Еще в 1919 году, в уже упоминавшейся беседе с американским писателем Линкольном Стеффенсом, когда тот сказал, что «европейскую общественность» волнует проблема террора в России, Ленин ответил: «Уж не хотите ли Вы сказать, что те господа, которые только что убили и изувечили 17 миллионов людей в бессмысленной бойне, всерьез озабочены несколькими тысячами убитых в дни революции с ее сознательной целью: навсегда покончить с войнами... Но это, разумеется, вовсе не означает, что надо отрицать террор или преуменьшать то зло, которое он неизбежно приносит революции».

Напомнив собеседнику, что «есть ведь и белый террор», напомнив о тех зверствах, которые чинились при подавлении революции в Финляндии и Венгрии, Ленин сказал: «В революции, как и на войне... террор есть и он будет!.. И все это далеко не бессмысленно...»

Да, заключал Ленин, – террор «наносит вред революции, вредит ей извне и изнутри. Мы обязаны думать, как уменьшить или, по крайней мере, контролировать и направлять его. Но мы для этого должны знать психологию масс лучше, чем знаем ее теперь. Без этого нельзя обуздать стихию»²⁵⁵.

Конечно, «контролировать» удавалось не всегда. В начале 1918 года в Екатеринбурге был арестован двоюродный брат Ленина Виктор Алексеевич Ардашев. Получив сообщение об этом от родственников, Владимир Ильич тут же посылает запрос тогдашнему комиссару юстиции Урала Филиппу Голошкеину. Запрос был получен, но ответ задержался. Когда же он пришел, в нем значилось: Ардашев В. А. «убит при попытке к бегству»²⁵⁶.

²⁵³ Мозохин О. Б. Право на репрессии. Внесудебные полномочия органов государственной безопасности. Статистические сведения о деятельности ВЧК – ОГПУ – НКВД – МГБ СССР (1918–1953). М., 2011. С. 40.

²⁵⁴ Бордюгов Г. А., Козлов В. А. История и конъюнктура. М., 1992. С. 249, 250.

²⁵⁵ Яковлев Б. В. Страницы автобиографии. С. 702.

²⁵⁶ См.: Исторический архив. 2001, № 2. С. 31.

Об истории расстрела царской семьи в июле 1918 года упоминалось выше, а в ноябре того же 18-го года председатель ЧК и военного трибунала 5-й армии Мартын Лацис выступил в Казани со статьей, в которой, указывая на зверства, чинимые контрреволюционными заговорщиками в тылу Восточного фронта, требовал поголовных репрессий против всех представителей буржуазии и буржуазной интеллигенции, независимо от того, «восстал он против Советов оружием или словом», а посему – «не ищите в деле обвинительных улик».

Эта статья вызвала резкую отповедь со стороны Ленина. Одно дело, написал он, когда «чрезвычайки внимательно следят за представителями классов, слоев или групп, тяготеющих к белогвардейщине», и совсем другое дело – «договариваться до таких нелепостей, которую написал в своем казанском журнале “Красный террор” товарищ Лацис...»²⁵⁷

Но и это указание Ленина некоторые чекисты стали трактовать по-своему. Был подготовлен проект инструкции, определяющей – кого же именно следует считать подозрительными: «Социальное происхождение – дворянское или буржуазное; образование – университетское...» Член коллегии Наркомюста Мечислав Юльевич Козловский «взял эту бумажку и постучал в дверь кабинета Ленина: “Скажите, Владимир Ильич, мне кажется, это немного касается и нас с вами?” – “Опасные дураки!” – заявил Ленин»²⁵⁸.

Но, возможно, эти реплики и замечания не были уж столь обязующими и не имели практического значения, ибо носили кулуарный характер, а не становились достоянием широкой гласности?

Откроем газету «Известия» за 26 октября 1918 года. В ней публикуется постановление Президиума ВЦИК от 25 октября «По поводу статьи “Почему вы миндальничаете?”, помещенной в “Еженедельнике Чрезвычайных Комиссий”». Предыстория постановления такова.

Редакция этого еженедельника получила из Нолинского уезда Вятской губернии письмо, озаглавленное «Почему вы миндальничаете?», в котором три местных «робеспьера» протестовали против освобождения и высылки за границу резидента английской разведки Роберта Локкарта.

Авторы письма высказывались, в частности, за то, чтобы по отношению к таким вдохновителям контрреволюционного подполья и организаторам кровавых мятежей и диверсий при допросах применялись любые, самые крайние и жестокие «меры воздействия, вплоть до пыток», ибо за каждым сокрытым ими фактом могут стоять жизни многих и многих людей.

Редакция «Еженедельника Чрезвычайных Комиссий», сопроводив это письмо заявлением о том, что «пролетариат слишком силен и не нуждается в жестокости и мстительности по отношению к своим классовым врагам», сочла все-таки возможным опубликовать его в № 3.

Это письмо, лишь частично процитированное Александром Солженицыным в «Архипелаге Гулаг», многократно приводилось в современной исторической журналистике для доказательства того, что-де методы репрессий 1937 года якобы уходят своими корнями к самим истокам революции. И никто не упоминает о том, какую же реакцию вызвало предложение уездных «робеспьеров» тогда – у «истоков».

А реакция была быстрой и жесткой. На заседании ЦК РКП(б) 25 октября 1918, проходившем под председательством Ленина, принимается решение: «Осудить нолинцев за их статью и редакцию за ее напечатание. “Вестник ЧК” должен прекратить свое существование. Назначить политическую ревизию ВЧК комиссией от ЦК в составе Каменева, Сталина и Курского»²⁵⁹.

Постановление ВЦИК от 25 октября было более пространное: «Прибегая по необходимости к самым решительным мерам борьбы с контрреволюционным движением, помня, что борьба с контрреволюцией приняла формы открытой вооруженной борьбы... Советская власть

²⁵⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 410, 411.

²⁵⁸ Сервис Виктор. От революции к тоталитаризму: воспоминания революционера. С. 222.

²⁵⁹ В. И. Ленин и ВЧК. Сборник документов (1917–1922). С. 112, 113.

отвергает в основе как недостойные, вредные и противоречащие интересам борьбы за коммунизм меры, отстаиваемые в указанной статье»²⁶⁰.

Сравните это постановление с текстом шифротелеграммы И. В. Сталина, опубликованным в исследовании О. Б. Мозохина: «ЦК ВКП(б) разъясняет, что применение физического воздействия в практике НКВД было допущено с 1937 г. с разрешения ЦК ВКП(б)... ЦК ВКП(б) считает, что метод физического воздействия должен обязательно применяться и впредь, в виде исключения, в отношении явных и неразоружившихся врагов народа как совершенно правильный и целесообразный метод»²⁶¹.

Разница между постановлениями 1918-го и 1937 года вряд ли требует пояснений.

В напряженный момент Гражданской войны, в официальной инструкции для работников ВЧК **о порядке производства обысков и арестов**, Дзержинский написал:

«Вторжение вооруженных людей на частную квартиру и лишение свободы повинных людей есть зло, к которому и в настоящее время необходимо еще прибегать, чтобы восторжествовало добро и правда.

Но всегда нужно помнить, что это зло, что наша задача, — пользуясь злом, искоренить необходимость прибегать к этому средству в будущем.

А потому — пусть все те, кому поручено произвести обыск, лишить человека свободы и держать его в тюрьме, относятся бережно к людям, арестуемым и обыскиваемым, пусть будут с ними гораздо вежливее, чем даже с близким человеком, помня, что лишенный свободы не может защищаться и что он в нашей власти»²⁶².

Всякий раз, когда напряжение на фронтах Гражданской войны хоть как-то ослабевало, ЦК РКП(б) стремился ограничить право ВЧК на применение внесудебных полномочий. В частности, 4 февраля 1919 года ЦК постановил, что право вынесения приговоров передается из ЧК в ревтрибуналы. 24 апреля ВЦИК утвердил это решение. Однако вскоре, в связи с наступлением Колчака, права ВЧК пришлось восстановить и Пленум ЦК 11 июня 1919 года признал возможным в местностях, объявленных на военном положении, расстреливать без суда шпионов, предателей, бандитов, уголовников, продавцов наркотиков и т. д.²⁶³

Наконец, 13 января 1920 года Пленум ЦК РКП(б) принял предложение Дзержинского: опубликовать в прессе сообщение о том, что с 1 февраля ВЧК прекращает применение высшей меры наказания. Комиссия в составе Дзержинского, Каменева и Троцкого разработала проект постановления, и 17 января ВЦИК и СНК ввели мораторий на расстрелы в отношении врагов Советской власти. Однако и на сей раз начавшаяся война с буржуазной Польшей привела к отмене этого решения²⁶⁴.

Но все эти документы характеризовали «большую политику» Советской власти. А рядом с ней существовала могучая сила инерции и сложившаяся практика законоприменения. Виктор Серж, французский коммунист, работавший в Петрограде в аппарате Коминтерна, пишет, что когда стало известно о готовящемся решении ВЦИК и СНК о моратории, питерские и московские чекисты, дабы успеть до публикации декрета, стали «пускать в расход» тех, кого они считали наиболее опасными контрреволюционерами.

А когда Виктор Серж спросил одного из участников этой «акции» — почему они так поступили, тот ответил: «Мы думали, — сказал он, — что если народные комиссары начинают проявлять гуманизм, это их дело. Наше дело — навсегда разбить контрреволюцию, и пусть нас

²⁶⁰ Декреты Советской власти. Т. III. С. 450, 451.

²⁶¹ Мозохин О. Б. Право на репрессии. С. 213.

²⁶² Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии. 1917–1921 гг. Сборник документов. М., 1958. С 103–104.

²⁶³ См.: Мозохин О. Б. Право на репрессии. С. 27, 28.

²⁶⁴ См.: Мозохин О. Б. Право на репрессии. С. 34, 35.

потом расстреляют, если захотят!” Это была отвратительная трагедия профессионального психоза».

Серж полагал, что этот «психоз» происходил по многим причинам – «из комплекса неполноценности еще недавно поработанных, униженных; из самодержавных традиций, невольно проявлявшихся на каждом шагу; из подсознательной озлобленности бывших каторжников и тех, кто избежал виселиц и тюрем; из атрофии нормальных человеческих чувств, вызванной мировой и гражданской войнами; из страха и решимости бороться до конца».

Но главное – «эти настроения были усилены жестокостями белого террора. В Перми адмирал Колчак уничтожил четыре тысячи рабочих... В Финляндии от рук реакции погибло от 15 до 17 тысяч красных... В Будапеште Отто Корвин был повешен вместе со своими товарищами на глазах возбужденной толпы буржуа». И все-таки, заключает Виктор Серж, – «для меня, как и для многих, было очевидным, что упразднение ЧК, восстановление обычных судов и права на защиту отныне становилось условием внутреннего спасения революции»²⁶⁵.

В том же 1920 году в Питере был арестован бывший генерал, ученый-химик А. В. Сапожников. Сам он «политикой» не занимался – разрабатывал новое антисептическое средство (гомоземьюсию), но два сына его были активными белогвардейцами. И вот при обыске его квартиры было найдено спрятанное оружие.

По тем временам незаконное укрывательство оружия грозило смертью. Суд, однако, приговорил Сапожникова к заключению «до окончания гражданской войны».

Горький, знавший Сапожникова, рассказал эту историю Ленину. «Гм-гм, – сказал Ленин, внимательно выслушав мой рассказ. – Так, по-вашему, он не знал, что сыновья спрятали оружие в его лаборатории? Тут есть какая-то романтика. Но – надо, чтоб это разобрал Дзержинский, у него тонкое чутье на правду.

Через несколько дней он говорил мне по телефону в Петроград:

– А генерала вашего – выпустим – кажется, уже и выпустили. Он что хочет делать?

– Гомоземьюсию...

– Да, да – карболку какую-то! Ну вот, пусть варит карболку. Вы скажите мне, чего ему надо...

И для того, чтобы скрыть стыдливую радость спасения человека, Ленин прикрывал радость иронией»²⁶⁶.

В июне 1921 года в Питере вновь начались аресты в связи с раскрытием ЧК так называемого «Союза возрождения России». Упомянутый выше Виктор Серж был хорошо знаком не только с чекистами, но и с теми, кто участвовал в этом «Союзе». По его мнению, «во время кронштадтских событий университетские преподаватели должны были счесть конец режима неизбежным и, видимо, подумывали об участии в его уничтожении. Дальше этого “заговорщики”, скорее всего, не пошли»²⁶⁷.

После проведения обысков у арестованных, те, у кого не обнаружили компромата, были сразу же освобождены. Но в связи с этой группой проявилась и другая, названная чекистами «Петроградской боевой организацией», в которую, среди прочих, входили и офицеры, за которыми ЧК вело наблюдение еще во времена заговоров 1919 года. В их числе был поэт Н. С. Гумилев, профессор В. Н. Таганцев, сотрудник Госплана М. К. Названов и другие. Эту группу выделили в особое производство как «дело Таганцева»²⁶⁸.

Об этих арестах Ленин узнал от зампреда Госплана, профессора Петра Семеновича Осадчего, который постоянно попадал в поле зрения ЧК в связи с деятельностью его брата Павла

²⁶⁵ Серж Виктор. От революции к тоталитаризму: воспоминания революционера. С. 124, 125.

²⁶⁶ В. И. Ленин и А. М. Горький. Письма. Воспоминания. Документы. Изд. 3-е. М., 1989. С. 169, 171, 323.

²⁶⁷ Серж Виктор. От революции к тоталитаризму: воспоминания революционера. С. 182.

²⁶⁸ См.: В. И. Ленин и ВЧК. С. 491.

Осадчего. 1 июня Владимир Ильич пишет зампреду ВЧК Уншлихту: «Вопреки моему точному предупреждению... произведен обыск в Петрограде у зампредгосплана Петра Семеновича Осадчего. Требую немедленного расследования, указания мне виновного в обыске точно и поименно и привлечения его к ответственности»²⁶⁹.

2 июня на списке арестованной профессуры он подчеркивает фамилии профессора Электротехнического института П. А. Щуркевича и профессора Политехнического института Б. Е. Воробьева, которые и до этого, как бывшие члены кадетской партии неоднократно арестовывались ЧК. Уншлихту Ленин пишет: «Двое подчеркнутых – лично известны Осадчему – “такие же, как я”. Нельзя ли хоть домашний арест? Нельзя ли иные меры пресечения... Они не бегают ведь».

И относительно самих арестов: местным органам ЧК, отмечает Владимир Ильич, выдаются «мандаты не на персональные аресты, а на аресты “по усмотрению”», без учета политической зрелости сотрудников. Эту практику, – пишет Ленин, – необходимо менять, и ВЧК надо в подобных случаях выдавать лишь «персональные мандаты»²⁷⁰.

В конечном счете, помимо Щуркевича и Воробьева, все указанные в списке арестованные профессора (Л. В. Щерба, В. С. Мартынов, А. К. Мордвилко, В. Н. Тихонова, В. П. Осипов) были освобождены и в последующие годы (за исключением Н. Н. Мартиновича, эмигрировавшего в Финляндию) успешно работали в академических и высших учебных учреждениях Петрограда.

Тогда же, в июне 1921 года, Ленин получает письмо от академика Николая Степановича Таганцева. Имя это было Владимиру Ильичу знакомо. В свое время, после ареста Александра Ульянова в 1887 году, Мария Александровна Ульянова, по протекции их домашнего доктора Александра Алексеевича Кадыяна, обращалась к нему, как сенатору, с просьбой помочь ей добиться свидания с сыном. И сенатор действительно хлопотал об этом в судебной палате²⁷¹. Теперь Николай Степанович просил о смягчении участи своего сына – профессора-географа Владимира Николаевича Таганцева, арестованного ЧК, и о возврате вещей, конфискованных при аресте.

Ленин в тот же день – 17 июня, посылает это письмо Калинину, Курскому и Дзержинскому: «Очень просил бы рассмотреть возможно скорее настоящее заявление в обеих его частях (смягчение участи и увоз из квартиры Таганцева вещей, принадлежащих ему лично) и не отказать в сообщении мне хотя бы самого краткого отзыва»²⁷².

Уже на следующий день, 18 июня, конфискованные вещи вернули. А вот относительно судьбы В. Н. Таганцева лишь 5 июля Д. И. Курский сообщил, что просьба о смягчении его участи не может быть удовлетворена и Таганцев должен понести «суровое наказание в связи с его активной ролью в контрреволюционной организации»²⁷³.

Видимо, не удовлетворившись этим ответом, Владимир Ильич попросил дать ему более подробную информацию. Поэтому, когда супруга упоминавшегося выше доктора А. А. Кадыяна – А. Ю. Кадыан (в девичестве баронесса Анна Нольде) обратилась к Ленину с той же просьбой о смягчении участи В. Н. Таганцева, приходившегося ей племянником, Ленин ответил: «Таганцев так серьезно обвиняется и с такими уликами, что освободить сейчас невозможно; я наводил справки о нем не раз уже»²⁷⁴.

²⁶⁹ В. И. Ленин и ВЧК. С. 464.

²⁷⁰ Там же. С. 465, 466.

²⁷¹ См.: Таганцев Н. С. Пережитое. Вып. 2. Пг. 1919. С. 32.

²⁷² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 52. С. 278, 279.

²⁷³ См.: В. И. Ленин и ВЧК. С. 471, 472.

²⁷⁴ Там же. С. 451.

Ситуация действительно осложнялась тем, что ни Таганцев, ни его товарищи несколько не скрывали от следствия ни своих антисоветских убеждений и намерений, ни своих связей с иностранной разведкой. Того же Николая Гумилева арестовали не как поэта, а как кадрового офицера.

В августе 1914 года он ушел в армию добровольцем. Служил в разведке. Прошел путь от ефрейтора до прапорщика. За храбрость был награжден тремя георгиевскими крестами. В июне 1917-го добился перевода на Западный фронт. С июля служил в Париже адъютантом комиссара Временного правительства во Франции. Затем был переведен в Русский экспедиционный корпус на Западном фронте, пока солдаты не подняли мятеж, требуя возвращения на родину. С января 1918-го служил в шифровальном отделе Русского правительственного комитета в эмиграции, но в апреле через Англию уехал в Россию.

В Петрограде вокруг него стали кучковаться другие офицеры. В 1919 году, во время массовых арестов, Гумилев избежал ВЧК, но по-прежнему своего отношения к Советской власти не скрывал. Виктор Серж – дальний родственник народовольца Кибальчича, работавший в Петрограде в аппарате Коминтерна и знавший Гумилева еще по Парижу, писал: «“Я традиционалист, монархист, империалист, панславист, – говорил Гумилев. – Моя сущность истинно русская, сформированная православным христианством. Ваша сущность тоже истинно русская, но совершенно противоположная: спонтанная анархия, элементарная распущенность, беспорядочные убеждения... Я люблю все русское, даже то, с чем должен бороться, что представляете собой вы...”»

...Он был честен и храбр, бесконечно влюблен в приключения и борьбу, – пишет В. Серж. – Иногда он читал волшебные стихи. Худощавый, своеобразно некрасивый – слишком удлиненное лицо, крупные губы и нос, конический лоб, странные глаза, сине-зеленые, чересчур большие, как у восточного идола; и действительно, он любил ассирийские иератические фигуры, сходство с которыми в нем находили. Это был один из величайших русских поэтов нашего поколения, уже ставший знаменитым».

После ареста Гумилева в 1921 году Виктор Серж ходил хлопотать за него в ЧК и Петросовет. «Товарищи из исполкома совета встревожили меня заверениями, что с Гумилевым в тюрьме очень хорошо обращаются, что он проводит ночи в чтении чекистам своих стихов, полных благородной энергии – но он признал, что составлял некоторые документы контрреволюционной группы. Гумилев не скрывал своих взглядов»²⁷⁵.

Современный исследователь профессор Б. А. Старков, тщательно изучив все материалы этого дела, пришел к выводу: «В любом случае репрессирован он был на законных [для того времени – В.Л.] основаниях...»²⁷⁶

Обстоятельный анализ современной литературы и источников по данному делу был проведен профессором В. С. Измозиком в 2007 году. Он справедливо отметил, что реабилитация В. Н. Таганцева в 1992 году закрепила мнение, согласно которому дело Петроградской боевой организации – это «первое крупное политическое дело, от начала и до конца сфабрикованное Петрогубчека, и первое крупное политическое дело, инспирированное фактически по прямому “заказу” властных структур тех лет...»

Однако и в 90-е годы более последовательные и откровенные противники Советской власти придерживались иной точки зрения. Они полагали, что само название – «Петроградская боевая организация» возникло в ходе следствия. Но «в массе арестованных по “делу ПБО” можно выявить несколько структурно организованных групп (вокруг Н. С. Гумилева, вокруг Ю. П. Германа), имевших зарубежные контакты и внешнее финансирование». Поэтому отри-

²⁷⁵ Серж Виктор. От революции к тоталитаризму: воспоминания революционера. С. 182.

²⁷⁶ Исторические чтения на Лубянке. 1997–2007. М., 2008. С. 20.

вание существования организации и ее деятельности «может восприниматься как оскорбление памяти людей, участвовавших в движении сопротивления тоталитарному режиму»²⁷⁷.

Поскольку любые ссылки на документы ВЧК наша историческая журналистика заведомо отвергает, В. С. Измозик приводит документы белой эмиграции. В частности, он цитирует доклад агента Бориса Савинкова в Финляндии полковника Г. Э. Эльвенгрена: «Организация эта объединяла в себе (или, вернее, координировала) действия многочисленных (мне известно девять), совершенно отдельных самостоятельных групп (организаций), которые, каждая сама по себе, готовились к перевороту».

Приводится также письмо бывшего ректора Петербургского университета, члена Государственного совета и члена ЦК кадетской партии Д. Д. Гримма от 4 октября 1921 года генералу П. Н. Врангелю: «Был арестован и Таганцев, игравший в последние годы видную роль в уцелевших в Петрограде активистских организациях... Некоторые из участников заговора дали весьма полные показания и раскрыли многие подробности... В списке расстрелянных значится целый ряд лиц, несомненно, принадлежавших к существовавшим в Петрограде активистским организациям»²⁷⁸.

Обращались к Ленину с письмами и по поводу других арестованных по данному делу. 27 июля Владимир Ильич направляет в ВЧК запрос относительно возможности освобождения бывшего министра юстиции Временного правительства, работавшего в 1921 году в Наркомате финансов, С. С. Манухина. Ему было уже 65 лет, он болел, и в ноябре его удалось подвести под амнистию и освободить «в виду крайне болезненного состояния».

Под ту же амнистию удалось подвести и профессора Военно-медицинской академии Сергея Петровича Федорова. А инженера Бориса Владимировича Цванцигера, работавшего в ВСНХ, освободили под подписку о невыезде²⁷⁹. Однако, когда речь заходила о Таганцеве, Гумилеве, Названове, Петроградская ЧК оставалась непреклонной.

В связи с одним из подобных запросов председатель Петрогубчека Глеб Иванович Бокий пожаловался Уншлихту на то, что все эти «хлопоты» и «ходатайства» Ленина лишь мешают следствию. 9 августа 1921 года Ленин ему ответил: «Вы говорите: “за него хлопочут” *вплоть* до Ленина и просите “разрешить Вам не обращать никакого внимания на всякие ходатайства и давления...”»

Не могу разрешить этого.

Запрос, посланный мною, не есть ни “хлопоты”, ни “давление”, ни “ходатайство”.

Я обязан запросить, раз мне указывают на сомнение в правильности.

Вы обязаны мне по существу ответить: “доводы или улики серьезны, *такие-то*, я *против* освобождения, против смягчения” и т. д. и т. п.

Так именно по существу Вы мне и должны ответить.

Ходатайства и “хлопоты” можете *отклонить*; “давление” есть **незаконное** действие. Но, повторяю, Ваше смешение *запроса* от Председателя СНК с ходатайством, хлопотами или давлением *ошибочно*»²⁸⁰.

И все-таки есть основания полагать, что подобного рода «вмешательство» Ленина лишь ускорило суд над обвиняемыми.

24 августа 1921 года и Таганцев, и Гумилев, и другие – всего 61 человек были осуждены и расстреляны. Виктор Серж, с чужих слов, пишет: «Гумилев погиб на рассвете, на опушке леса, надвинув на глаза шляпу, не вынимая изо рта папиросы, спокойный, как обещал в своей поэме

²⁷⁷ Исторические чтения на Лубянке. С. 143.

²⁷⁸ Там же. С. 145.

²⁷⁹ См.: Ленин и ВЧК. С. 491, 520, 527.

²⁸⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 53. С. 108, 109.

из эфиопского цикла: “И без страха предстану перед Господом Богом!” По крайней мере, так мне рассказывали»²⁸¹.

Та же участь ждала и М.К Названова, но запрос Ленина задержал расстрел. 19 августа Владимир Ильич написал Уншлихту: «Прошу Вас поручить кому следует представить мне:

1) точные справки, *каковы* улики и

2) копию *допроса* или допросов по делу Названова (в Петрограде)... Поставьте кому следует на *вид*, чтобы не опаздывали впредь»²⁸².

С Михаилом Названовым Ленин был знаком еще в начале 90-х годов, когда тот, будучи студентом Технологического института, входил в марксистский кружок Германа Красина²⁸³. Позднее Названов стал солидным инженером в сахарной промышленности и накануне ареста работал в ВСНХ и Госплане.

Владимир Ильич запрашивает Кржижановского, и тот 18 сентября присылает положительную характеристику Названова. Затем Ленин встречается с председателем ЦК профсоюза сахарной промышленности П. М. Юхновским и членом ЦК союза К. С. Тараненко, которые также положительно отзываюся о Названове как специалисте²⁸⁴.

А 10 октября Ленин обращается с письмом в Политбюро: «Я условился с т. Уншлихтом о задержании исполнения приговора над Названовым и переносу вопрос в Политбюро.

О Названове я имел летом 1921 письмо от Красина (еще до ареста Названова). Красин просил привлечь к работе этого, очень-де ценного инженера.

Кржижановский рассказывал мне, что он, зная Названова, не раз резко спорил с ним после 25.X.1917 и чуть не выгонял из квартиры за антисоветские взгляды. Весной же или летом 1921 заметил-де у него перелом и взял на работу при Госплане.

Затем у меня были двое товарищей из ЦК рабочих сахарной промышленности и на мой вопрос дали положительный отзыв о Названове, подтвердив этот отзыв и письменно. На основании изложенного я вношу вопрос в Политбюро... Со своей стороны предлагаю: отменить приговор Петрогубчека и применить приговор, предложенный Аграновым (есть в деле здесь), т. е. 2 года с допущением *условного* освобождения»²⁸⁵. И 10 октября Политбюро одобрило это решение.

Однако и после этого Ленину пришлось напоминать о данном постановлении. 17 декабря он пишет Уншлихту: «Прошу сообщить, по какой причине так задержано исполнение постановления Политбюро». И в тот же день Названова освобождают из-под стражи²⁸⁶.

Эти и подобные эпизоды все более укрепляли мнение Ленина о том, что ВЧК в прежнем ее формате не вполне вписывается в новые условия, созданные НЭПом. Еще 14 октября на заседании Политбюро, проходившем под председательством Ленина, был рассмотрен вопрос о «деле Таганцева» и заслушан доклад Уншлихта «о неудовлетворительности данного состава Петрогубчека»²⁸⁷.

Принимается решение о смене руководства Петрогубчека, а в Питер направляется комиссия в составе Каменева, Орджоникидзе и Залуцкого. Посылая это решение секретарю Петроградского губкома РКП(б) Николаю Угланову, Ленин пишет: «Петрогубчека негодна, не на высоте задачи, не умна. Надо найти лучших»²⁸⁸.

²⁸¹ Серж Виктор. От революции к тоталитаризму. С. 182.

²⁸² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 53. С. 130, 131.

²⁸³ См.: Логинов В. Т. Владимир Ленин. Выбор пути. Биография. С. 162, 214.

²⁸⁴ См.: В. И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 2. М., 1980. С. 418.

²⁸⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 53. С. 254, 255.

²⁸⁶ В. И. Ленин и ВЧК. С. 542.

²⁸⁷ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 53. С. 434.

²⁸⁸ Там же. С. 272.

3 и 8 ноября Политбюро вновь обсуждает этот вопрос. Председателем Петроградского ЧК назначают Станислава Адамовича Мессинга, возглавлявшего до этого Московскую ЧК, а во главе МЧК ставится зампред ВЧК И. С. Уншлихт²⁸⁹.

Претензий к ВЧК – и в особенности на ее недостаточную борьбу с экономической преступностью – поступало в это время к Ленину достаточно много²⁹⁰. И когда Чичерин пожаловался на то, что в черноморских портах «политически невоспитанные агенты ЧК, облеченные безграничной властью, не считаются ни с какими правилами» и своими обысками, поборами, оскорблениями и арестами «ссорят нас по очереди со всеми державами, представители которых попадают в район их действий», Ленин 24 октября ответил очень жестко: подобного рода «паршивых чекистов» надо арестовывать, доставлять в Москву и «подвести под расстрел чекистскую сволочь»²⁹¹.

А 15 ноября на заседании Совнаркома, также проходившем под председательством Ленина, слушается доклад наркома юстиции Д. И. Курского о существующих нормах надзора за следственным аппаратом. Повод, казалось бы, был сугубо частный. 16 сентября Малый СНК рассматривал дело Межведомственной комиссии по ликвидации иностранного имущества, которое вела ВЧК, и решил, что чекист И. М. Васильев вел расследование пристрастно, а посему от этого дела должен быть отстранен. Однако представитель ВЧК заявил, что подобные решения не входят в компетенцию МСНК.

Когда этот конфликт дошел до Владимира Ильича, он прежде всего запросил представителя Наркомюста в президиуме ВЧК Л. А. Саврасова о том, опротестовывал ли он когда-либо действия ВЧК? Получив отрицательный ответ, Ленин и поручил Курскому представить Совнаркому доклад о возможных изменениях и дополнениях в существующие нормы надзора за следственным аппаратом судов и ВЧК.

Заседание Совнаркома 15 ноября, как пишет его участник Г. М. Леплевский, проходило «с большой страстностью. Весьма активное участие в обсуждении вопроса принимал Дзержинский. Дзержинский попросил у Владимира Ильича разрешения выйти из зала заседаний во время голосования по той причине, что он хотел дать возможность голосовать двум своим замам (Фомину – по Наркомпути и мне – по Наркомвнуделу).

Владимир Ильич заявил, что нарком может и, присутствуя в зале заседания, не участвовать в голосовании и, естественно, в этом случае голосует его заместитель... 7 членов Совнаркома голосовало за отмену решения Малого Совнаркома об отстранении следователя Васильева, 6 членов голосовало за утверждение решения МСНК».

Но главное – комиссии в составе Дзержинского, Каменева и Курского поручили разработать положение о ВЧК в связи с переходом к НЭПу и порядок надзора Наркомюста над следственным аппаратом ВЧК²⁹².

В комиссии между Дзержинским и Каменевым возникают разногласия по вопросу о компетенции ВЧК. Коллегия ВЧК возражала против «передачи в различные органы розыска и следствия» и против отделения дел политических от дел «по крупным хищениям народного достояния». В связи с этим Каменев написал Ленину: «Это максимум, на который пошел Дзержинский и которым *конечно удовлетворился* Курский.

Я отстаиваю максимум: 1. Разгрузить ЧК, оставив за ним политические преступления, шпионаж, бандитизм, охрану дорог и складов. Не больше. Остальное – НКюсту. 2. Следственный аппарат ЧК влить в НКюст, передав его ревтрибуналам».

²⁸⁹ См.: В. И. Ленин и ВЧК. С. 516, 519, 521.

²⁹⁰ Там же. С. 484, 525, 530, 531 и др.

²⁹¹ См.: В. И. Ленин. Неизвестные документы. С. 476, 477, 478.

²⁹² См.: В. И. Ленин и ВЧК. С. 529, 536; Воспоминания о В. И. Ленине. Изд. 2-е. Т. 4. М., 1979. С. 144, 145.

Владимир Ильич ответил Каменеву: «Я ближе к Вам, чем к Дзержинскому. Советую Вам не уступать и внести в Политбюро. Тогда отстоим максимум из максимумов. На НКЮ возложим еще *ответственность за недонесение* Политбюро (или Совнаркому) дефектов и неправильностей ВЧК»²⁹³.

24 ноября Ленин подписывает постановление СНК о суровом наказании за ложные доносы. А 1 декабря Политбюро принимает резолюцию, предложенную Владимиром Ильичем: «а) сузить компетенцию ВЧК, б) сузить право ареста, в) назначить месячный срок для общего проведения дела, г) суды усилить, д) обсудить вопрос об изменении названия, е) подготовить и провести через ВЦИК общее положение об изменении в смысле серьезных умягчений»²⁹⁴.

²⁹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 39, 569.

²⁹⁴ В. И. Ленин и ВЧК. С. 238, 239.

«Нет худа без добра»

Возможность еще раз пристально взглядеться и теоретически осмыслить новую реальность сам Ленин отчасти объяснял тем, что именно летом 1921 года ему пришлось взять определенную «дистанцию» по отношению к каждодневной текучке и посмотреть на происходящее как бы со стороны – «Нет худа без добра: я засиделся и ½ года (1921–1922) смотрел “со стороны”», – написал он в марте 1922 года²⁹⁵.

Это отнюдь не означало, что он отгородился от текущих дел. Ежедневные заседания и совещания, регулярные выступления на различных съездах и собраниях, беседы с коллегами и самыми разнообразными посетителями, бесчисленные разговоры по телефону и масса других больших и малых, как выражался Ленин, – «дел и делишек», которые называли тогда в Совнаркоме «вермишелю», были способны вывести из строя кого угодно.

И уже летом 1921 года Владимир Ильич ощутил первые признаки того, что со здоровьем что-то не ладно. Головные боли, бессонница, повышенная утомляемость не раз проявлялись и ранее. Но теперь они становились все более продолжительными и явно выбивали из казалось бы привычного ритма работы.

Бесконечная череда текущих дел не давала возможности сосредоточиться и для того, чтобы подготовить тезисы большого доклада III конгрессу Коминтерна. Ленин 4 июня уезжает в Горки. 5 июня он пишет Троцкому: «Я нахожусь вне города. Уехал в отпуск на несколько дней по нездоровью», а 6-го, дабы отрешиться от рутинной «вермишели», просит Фотиеву прислать ему в Горки томики стихов Гейне и Гёте²⁹⁶.

Видимо, где-то в самом начале июня у него случился непонятный приступ. Позднее Ленин рассказывал врачам, что утром, когда он одевался, неожиданно закружилась голова. «Головокружение было сильное, Владимир Ильич не устоял на ногах и вынужден был, держась за кровать, опуститься на пол. Но сознания не терял. Тошноты не было. Головокружение продолжалось несколько минут и бесследно исчезло, почему Владимир Ильич не придал ему значения...»²⁹⁷

III конгресс Коминтерна, продолжавшийся с 28 июня по 12 июля, видимо, дался ему нелегко. В всяком случае, позднее он объяснял задержку ответов на некоторые письма тем, что она произошла «из-за Коминтерна и болезни»²⁹⁸. Ленин выступил на конгрессе с большим докладом 5 июля, а в прениях – 28 июня и 1 июля. Вероятнее всего, именно вскоре после доклада у него и случается вновь приступ сильнейшего головокружения.

«На этот раз оно сопровождалось потерей сознания: Владимир Ильич очнулся на полу около стула, за который, падая, он, по-видимому, хотел удержаться. Сколько времени продолжалось бессознательное состояние Владимир Ильич не смог указать, но, по его предположению, оно было непродолжительным – 2–3 минуты. Очнувшись, он чувствовал себя настолько хорошо, что приступил к своим обязанностям»²⁹⁹.

На сей раз Ленин обращается к врачу – Федору Александровичу Гетье, основателю и главврачу Солдатенковской больницы, записи которого цитировались выше. Владимир Ильич уже обращался к нему в 1919 году в связи с болезнью Крупской и по поводу случавшихся у него самых головных болей.

²⁹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 411.

²⁹⁶ См.: В. И. Ленин. Неизвестные документы. С. 404; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 547.

²⁹⁷ РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 3. Ед. хр. 24. Л. 2; Известия ЦК КПСС. 1991. № 2. С. 130.

²⁹⁸ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 53. С. 173, 174.

²⁹⁹ РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 3. Ед. хр. 24. Л. 2; Известия ЦК КПСС. 1991. № 2. С. 130.

Надо сказать, что никаких симпатий по отношению к Ленину Федор Александрович до этого не испытывал. Он не скрывал, что источником его отношения к главе Советского государства являлись «газеты времен Керенского», а еще более «слухи и суждения», ходившие в интеллигентской среде. «Я представлял себе Ленина, – писал Гетье, – человеком совсем беспринципным, который ради известных целей, в которых на первом плане стояли его личные интересы, готов был сегодня идти рука об руку с немцами, завтра с монархистами и т. д.» Поэтому, когда заведующий Мосздравотделом В. А. Обух попросил Гетье встретиться с Лениным, Федор Александрович демонстративно заявил, что для него «все пациенты равны»³⁰⁰.

И вот его первые впечатления о Ленине: «Это был человек среднего роста, худощавый, широкий в плечах и, несомненно, крепкого телосложения. Большая голова с сильно развитыми лобными буграми и затылочной частью была обрамлена лишь на висках и сзади небольшой каемкой волос слегка рыжеватого оттенка, небольшие усы и борода того же оттенка окаймляли рот. Глаза несколько косили, и, быть может, от этого Ленин постоянно щурился. Лицо в общем было самое обыкновенное, чисто русское, ничем не бросающееся в глаза... Прищуренные и несколько раскосые глаза придавали хитрое выражение его лицу, но когда он смеялся, то глаза открывались и лицо приобретало необыкновенно добродушное выражение... Держался он очень скромно и, по-видимому, стеснялся меня»³⁰¹.

Забегая вперед, скажем, что со временем прежняя предубежденность сменилась у Федора Александровича глубочайшим уважением, искренней симпатией и, я бы даже сказал, – высочайшим пиететом по отношению к Владимиру Ильичу, что он и засвидетельствовал в своих сугубо личных записях, отнюдь не предназначавшихся для печати³⁰².

«Пользуясь случаем, – пишет профессор Гетье о своем первом визите 1919 года, – я подробно обследовал Владимира Ильича и был поражен хорошим состоянием его внутренних органов, если не считать незначительного расширения сердца, вызванного колоссальной работой, которую нес Владимир Ильич». Что же касается головных болей, то «в виду невралгического характера болей и появления их в определенные часы, я заподозрил у него скрытую малярию и рекомендовал ему применить хинин. Мое предположение оправдалось: хинин быстро купировал головные боли, и они более не повторялись»³⁰³.

Тогда, в 1919 году, «ни малейших признаков переутомления» у Ленина Федор Александрович не обнаружил. Теперь, через два года, вновь «обследовав его тщательно, я, как и в первый раз, – пишет Гетье, – не смог отметить никаких отклонений ни со стороны внутренних органов, ни со стороны нервной системы, и я объяснил себе происхождение головокружений большим переутомлением центральной нервной системы»³⁰⁴.

Позднее, в своих записях, профессор Гетье относил данный визит к осени 1921 года. Но это явная ошибка. Во всяком случае, уже 8 июля Ленин пишет заявление в Оргбюро ЦК РКП(б): «Прошу Оргбюро или Секретариат ЦК (с утверждением Политбюро по телефону) разрешить мне отпуск согласно заключению доктора Гетье на один месяц с приездом 2–3 раза в неделю на 2–3 часа в день на заседания Политбюро, СНК и СТО».

Но Политбюро 9 июля принимает более жесткое решение: «Разрешить т. Ленину отпуск на один месяц с правом бывать во время отпуска только на заседаниях Политбюро (но не СНК и СТО, кроме специальных случаев – по решению Секретариата ЦК»³⁰⁵.

³⁰⁰ РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 3. Ед. хр. 24. Л. 5.

³⁰¹ РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 3. Ед. хр. 24. Л. 6.

³⁰² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 69, 116.

³⁰³ РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 3. Ед. хр. 24. Л. 2.

³⁰⁴ Там же.

³⁰⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 53. С. 17, 379, 380.

И тем не менее, 11-го Владимир Ильич опять выступает на совещании ряда делегаций конгресса Коминтерна. 12 июля участвует в заседании Политбюро. Затем председательствует на заседании СТО, а вечером – Совнаркома. И только в 21.50 уезжает в Горки, в отпуск до 13 августа, успев перед отъездом написать М. Г. Бронскому, просившему принять его: «Болен!! Уехал!»³⁰⁶

Своего самочувствия Владимир Ильич ни от кого не скрывал. 13 июля в ответ на жалобу красноармейца И. А. Семянникова на самоуправство и хищения местных ответработников в Донской области, Ленин пишет Фотиевой: «Разыщите автора *спешно*, примите, успокойте, скажите, что я болен, но дело его двину»³⁰⁷.

18 июля, в ответ на приглашение Международного конгресса революционных профсоюзов, просит Рыкова передать делегатам: «Глубоко сожалею, что не могу по болезни исполнить этого, так как должен был по предписанию врача уехать из Москвы на месячный отпуск»³⁰⁸.

Даже своим соседям – крестьянам деревни Горки, пригласившим его на праздник по случаю электрификации села, Ленин 20 июля пишет: «Уважаемые товарищи! Мне нездоровится. Я быть не могу... Надеюсь, что вы меня извините»³⁰⁹.

Впрочем, назвать это отпуском довольно трудно. Уже 15-го он опять приезжает в Москву на заседание Политбюро, председательствует на заседании СТО, а затем Совнаркома. 16-го вновь приезжает на заседание Политбюро. 19-го опять председательствует на заседании СТО. 27 июля он вновь в Москве, где беседует с Кларой Цеткин перед ее отъездом в Германию. И каждый такой приезд это не 2–3 часа, как он обещал врачу, а полный 8-ми, а то и 10-часовой рабочий день.

Да и в самих Горках все планы, касавшиеся отдыха, оказались лишь благими пожеланиями. Телефон звонил беспрестанно. С утра курьер привозил прессу и обширную почту с бесконечными деловыми бумагами, запросами, согласованиями, жалобами и личными просьбами. И Владимир Ильич вникал в суть буквально каждой из этих бумаг, писал или диктовал ответы Фотиевой по телефону. Естественно, что в начале августа, когда приближался конец отпуска, явного улучшения здоровья профессор Гетье не отметил.

Утром 8-го Ленин приезжает в Москву и два полных дня активно участвует в работе Пленума ЦК РКП(б). В бурных дебатах по тезисам о проведении в жизнь новой экономической политики, о мерах по борьбе с голодом, по вопросам об ускорении перевода армии на хозяйственные работы, о нарушении партдисциплины членами «рабочей оппозиции» он выступает более 20 раз и это, видимо, лишь усугубляет болезненное состояние.

9 августа, советуя Горькому поехать для лечения за границу, Владимир Ильич пишет: «Я устал так, что ничегошеньки не могу... В Европе в *хорошем* санатории будете и лечиться, и *второе больше дела делать*... А у нас ни лечения, ни дела – одна *суетня*. *Зряшная суетня*»³¹⁰.

Судя по активности на пленуме, в этом «ничегошеньки не могу» и «зряшной суетне» было явное преувеличение. Но так или иначе, на вечернем заседании 9 августа ЦК принимает решение:

«Обязать тов. Ленина продолжить отпуск точно на то время и условиях, как будет указано врачом (проф. Гетье), с привлечением тов. Ленина на те заседания (советские или партийные), а равно и на ту работу, на какую будет *предварительное* формальное согласие Секретариата ЦК»³¹¹.

³⁰⁶ В. И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 11. С. 6.

³⁰⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 53. С. 27.

³⁰⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 72.

³⁰⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 53. С. 48.

³¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 53. С. 109.

³¹¹ В. И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 11. М., 1980. С. 180.

В ночь на 10-е, в 0 час. 30 мин, Владимир Ильич едет в Горки, а в 9 утра 10 августа возвращается в Москву, ибо для всех уже становится очевидным, что обстановка в Горках складывается примерно такая же, что и в кремлевской квартире, с той лишь разницей, что осуществлять медицинский и прочий контроль в Москве было гораздо легче.

Для самого же Ленина одной из решающих причин переезда становятся, видимо, неполадки со связью или, как написал он наркомпочтелю В. С. Довгалеvскому, – «безобразия с моим телефоном из деревни Горки. Сегодня, 6/8, суббота, Харьков – Москва слышно, как мне передают, *прекрасно*. У меня же: не слышат меня (я слышу Москву) и *прерывают* десятки раз. ... Когда мы получим на 30–40 верст телефон, подобный питерскому и харьковскому на 600–750 верст?»³¹²

С переездом в Москву все вновь вернулось «на круги своя». Из решения пленума реализуется немного: до конца августа ни одного публичного выступления, в заседании Политбюро Ленин участвует лишь 25-го, да и количество встреч невелико – с Шлихтером, Теодоровичем, Цюрупой, Сапроновым, Дзержинским и Уншлихтом.

Это лишь фиксация заседаний и встреч. Но достаточно перелистать Биохронику за этот месяц, чтобы убедиться, что объем работы, в сравнении с предшествующими месяцами, не уменьшился. И речь идет не о «зряшной суете», а о важнейших вопросах внутренней и внешней политики Советского государства.

За город ему удалось выехать лишь 27–29 августа. И, возможно, это была поездка на охоту с братом Дмитрием Ильичем в окрестности деревни Богданово Подольского уезда³¹³.

Ну, а в сентябре, судя по материалам той же Биохроники, о решении пленума 9 августа уже никто не вспоминал. 13-го Владимир Ильич участвует в заседании Политбюро и председательствует на заседании Совнаркома. 14-го – заседание Политбюро, 16-го – председательствование в СТО, 17-го – совещание работников Центросоюза. 20-го – Совнаркомом обсуждались десятки вопросов и продолжалось заседание не менее 4–6 часов. Что же касается встреч и бесед, то и они в сентябре тоже исчисляются десятками.

Все эти контакты, как и наблюдение за общим ходом дел, в частности, диктовавшим необходимость применения чрезвычайных мер для борьбы с голодом, приводят Ленина к мысли о необходимости нового разговора с партийным активом по вопросам, связанным с проведением новой экономической политики.

Выступления Владимира Ильича в мае на X партконференции о необходимости «зарубить себе на носу» и запомнить, что НЭП – это «всерьез и надолго», и резолюции конференции о том, что эта политика, установленная «на долгий, рядом лет измеряемый, период времени», – оказалось, видимо, недостаточно.

Но главное, эти сомнения – не без помощи политических оппонентов – уходили «вниз». Тамбовский уком РКП(б) весьма осторожно сообщал, что «кое-где, благодаря отчасти эсеровской агитации, наблюдается некоторое недоверие крестьян к новым мероприятиям Советской власти. Некоторые крестьяне видят в перемене курса продполитики новый подход, имеющий своей целью побудить лишь крестьян к поднятию сельского хозяйства, чтобы затем (примерно осенью) снова круто повернуть к разверстке»³¹⁴.

Возможно, эти соображения и побудили Владимира Ильича в начале октября определить для себя ряд сюжетов, которые необходимо развить в публичных выступлениях и в задуманных статьях. И первую из них – статью о предстоящей четвертой годовщине Октябрьской революции – он начинает разрабатывать задолго до юбилея³¹⁵.

³¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 53. С. 101.

³¹³ См.: В. И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 11. С. 267.

³¹⁴ История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 4. Кн. 1. М., 1970. С. 75, 76.

³¹⁵ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 463–465, 470–476.

Важно было еще и еще раз объяснить, почему после победы в гражданской войне стало необходимым предпринять шаги, которые многими воспринимались лишь как сдача завоеванных позиций. И лучший способ прояснить смысл данного поворота, полагал Ленин, – выйти за рамки текущих событий, выбрать иной – более масштабный угол зрения и посмотреть на произошедшее с точки зрения исторической перспективы.

«Чем дальше отходит от нас этот великий день, – пишет он, – тем яснее становится значение пролетарской революции в России, тем глубже мы вдумываемся также в практический опыт нашей работы, взятый в целом»³¹⁶. Этот опыт Владимир Ильич осмысливает, пользуясь принятой ныне терминологией, в рамках **глобальных** проблем современности.

Главнейшая среди них – война и судьба человечества. Прошло три года со времени окончания мировой войны. Накануне ее во всех «цивилизованных» странах мира люди слышали – и со стороны правительств, и со стороны всевозможных международных общественных и политических организаций – тысячи самых торжественных заверений о том, что война бесчеловечна, что ее не будет, что ее никто не допустит. А в результате – десятки миллионов убитых. И миллионы людей во всем мире, пишет Ленин, размышляли «о причинах вчерашней войны и о надвигающейся завтрашней войне...»

В 1921 году физик, нобелевский лауреат В. Нернст записал: «Можно сказать, что мы живем на острове, сделанном из пироксилина. Но, благодарение Богу, мы пока еще не нашли спички, которая бы подожгла его», то есть существует угроза и реальная техническая возможность уничтожения всей разумной жизни на Земле.

Но пророческая мысль Нернста, ставя проблему, не отвечала на вопрос – «что делать?». Мало того, она давала возможность уйти от ее решения. Например, в рассуждения о фатальной логике развития самой науки. Или в размышления о беспечном человечестве, которое, не ведая, что творит, уподобляется ребенку, играющему со спичками. Или, наконец, уйти в религиозно-мистические стенания о греховной природе самого человека, якобы побуждающей его к самоуничтожению.

Для Ленина вопрос о войнах не сводился к технической возможности «конца света», а определялся прежде всего антигуманной природой империализма. Именно империалисты, завершив раздел мира, придав войнам всемирные масштабы, не только превратили их в гигантскую человеческую мясорубку, но и поставили достижения человеческого разума на службу создания оружия чудовищной разрушительной силы.

Вот почему, пишет Ленин, вопрос о войнах «с 1914 года стал краеугольным вопросом всей политики всех стран земного шара. Это вопрос жизни и смерти десятков миллионов людей». В старой русской грамматике слова – «мир» как отсутствие войны, и «мир» как наша планета – имели разное написание. Теперь значение этих слов тесно переплелось между собой. И говоря о необходимости сохранения мира на Земле, Владимир Ильич замечает: «Если бы у нас было старое правописание, я бы написал здесь два слова “мира” в обоих их значениях...»³¹⁷

Оценку Октября Ленин соотносит с решением этой глобальной проблемы. Первый раз за сотни и тысячи лет те, кому всегда предназначалась лишь роль пушечного мяса, отказались покорно идти на бойню, вырвались из этого ада и ответили на войну революционным выходом из войны. Октябрь, вырвавший из войны «первую сотню миллионов людей на земле», одержал «первую победу дела для уничтожения войны...» И Советская Россия может гордиться тем, что именно «мы это начали... Существенно то, что лед сломан, что путь открыт, дорога показана»³¹⁸.

³¹⁶ Там же. С. 144.

³¹⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 148, 149.

³¹⁸ Там же. С. 149, 150.

Ну а как же гражданская война? Современные «лениноеды» настолько замутили вопрос об отношении Ленина к этой войне, что придется сделать небольшое отступление, чтобы напомнить о некоторых фактах.

1917 год. С началом мировой войны, дабы отгородиться от тех, кто ее затеял и поддерживал, Ленин выдвинул лозунг превращения империалистической войны в гражданскую, т. е. свержения тех **правительств**, которые затеяли эту кровавую бойню.

Но, вернувшись в Россию и убедившись, что рожденное Февральской революцией двоевластие открывает возможность менее болезненного, мирного пути перехода власти в руки большинства народа, Владимир Ильич сразу же снимает этот лозунг³¹⁹.

1918 год. Брестский мир. По сей день Ленина обвиняют в том, что ради прекращения войны он якобы **отдал** чуть ли не треть России. При этом умалчивают, что граница, установленная в Бресте, проходила по существовавшей на тот момент линии фронта.

То есть территории, отогнутые от России, были уже заняты немцами в ходе «великого отступления» 1915 года и последующих военных действий **до** октября. А Центральная рада, взявшая власть на Украине опять таки **до** Октября, заключала договор о пребывании немецких войск на Украине самостоятельно, без России, **до** Бреста, в январе 1918 года.

Надо напомнить и о том, что, заключая в марте Брестский мир, Ленин был абсолютно убежден в том, что, прекращая войну немедленно, он и просуществует недолго. Революция в Германии аннулировала его уже в ноябре 1918 года. Умалчивается, наконец, и то, что именно этот выход из войны позволил в июле 1918 года принять Конституцию РСФСР, впервые провозгласившую Россию суверенным федеративным государством.

1919 год. В марте по поручению президента США Вильсона и премьер-министра Великобритании Ллойд Джорджа в Москву прибывает Уильям Буллит. Огромные регионы России находятся в этот момент в руках белой армии и интервентов. И вот, от имени держав Антанты, Буллит предлагает Советской республике прекратить военные действия, заключить мир со всеми белыми и марионеточными правительствами, признать их власть на занятых территориях и заодно – уплатить все «царские долги» западным странам.

Для Советского правительства – предложения крайне невыгодные. Однако Ленин соглашается на них, и к 12 марта условия договора были выработаны. Прислушайтесь к мотивировке: «Мы деловым образом, – говорит Ленин, – самые тяжелые условия мира подписали и сказали: “Слишком дорога для нас цена крови наших рабочих и солдат; мы вам, как купцам, заплатим за мир ценой тяжелой дани; мы пойдем на тяжелую дань, лишь бы сохранить жизнь рабочих и крестьян”»³²⁰.

Увы, ни мира, ни даже временного перемирия в гражданской войне добиться не удалось. Весной 1919 года белая армия развернула поначалу успешное наступление на Восточном фронте, и адмирал Колчак отверг какие-либо переговоры.

1920 год. 25 апреля польские войска перешли границу, вышли к Днепру и заняли Киев. В ходе летнего контрнаступления части Красной армии продвинулись к Львову и Варшаве, но, оторвавшись от тылов, встретив яростное сопротивление поляков, откатились к прежней границе. Можно было, перегруппировав советские войска, вновь перейти в наступление.

Но Ленин решительно выступил за переговоры. И заключенный Рижский мир не зря сравнивали со «вторым Брестом», ибо он оставлял за Польшей ряд районов Западной Украины и Белоруссии. Мотивировка у Ленина та же: «Для нас 10 тысяч жизней русских рабочих и крестьян гораздо ценнее всего остального... Мы сознаем, что зимняя кампания потребует много жизней, и мы говорим: мы должны зимнюю кампанию избежать... Для нас вопрос о террито-

³¹⁹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 57–61.; Логинов В. Т. Владимир Ленин. На грани возможного. С. 87–113.

³²⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 403.

риальных границах – 20-степенный вопрос по сравнению с вопросом о скорейшем окончании войны».

Это было сказано 22 сентября 1920 года на IX Всероссийской конференции РКП(б). И еще Владимир Ильич добавил: «Будущее захватывает нас целиком, и мы решили – пусть прошлое решат историки, пусть потом разберутся в этом вопросе»³²¹

Разъясняя свою позицию Кларе Цеткин, Владимир Ильич говорил: «Могли мы без самой крайней нужды обречь русский народ на ужасы и страдания еще одной зимней кампании?»

Пока Ленин говорил, рассказывает Цеткин, «лицо его у меня на глазах как-то съежилось. Бесчисленные большие и мелкие морщины глубоко бороздили его. Каждая из них была проведена тяжелой заботой или же разъедающей болью...»

«Миллионы людей, – продолжал Владимир Ильич, – будут голодать, замерзать, погибать в немом отчаянии... Нет, мысль об ужасах зимней кампании была для меня невыносима»³²². 12 октября 1920 года договор о перемирии и условиях мира с Польшей был подписан в Риге, а в ноябре – с освобождением Крыма, в основном завершилась и Гражданская война.

Продолжая свои размышления в связи с четырехлетним юбилеем, Владимир Ильич пишет, что Октябрьская революция имеет всемирно-историческое значение и в том смысле, что впервые в истории современной цивилизации она создала государство **не буржуазное**, а установила власть трудящихся. Ей удалось «свергнуть остатки средневековья, снести их до конца, очистить Россию от этого варварства, от этого позора, от этого величайшего тормоза всякой культуры и всякого прогресса в нашей стране»³²³.

Возьмите такие проблемы, пишет он, как вопрос о земле, о монархии, о наличии сословий, оставшихся от времен феодализма, о полном бесправии женщин, неравноправии нерусских народностей, о государственных преимуществах той или иной религии. Нет *«ни одной из самых передовых стран мира, – констатирует Ленин, – где бы эти вопросы были решены в буржуазно-демократическом направлении до конца. У нас же они решены законодательством Октябрьской революции до конца»*³²⁴.

Но мы не собираемся на этом останавливаться, продолжает он, и вывели революцию за рамки антифеодальных преобразований, «мы вполне сознательно, твердо и неуклонно продвигаемся вперед, к революции социалистической, зная, что она не отделена китайской стеной от революции буржуазно-демократической, зная, что *только борьба* решит, насколько нам удастся (в последнем счете) продвинуться вперед...»³²⁵.

Несомненно, в процессе работы над этой статьей Ленин задумывался над тем, как теперь воспримут подобные оценки те, кто все эти годы, не жалея жизни, рвался вперед? Те, для кого «военный коммунизм» и стал той средой, которая сделала их коммунистами.

(Позволю себе привести рассказ Никиты Сергеевича Хрущева – таким, каким он запомнился мне – уже после его «исхода из власти»:

«1919 год. Гнали белых на юг. Заняли какой-то городишко. Измучились, устали, свалились спать. Вдруг – “Подъем!” Кто-то из Москвы приехал. Чертыхаясь, собрались в каком-то зале, вроде театра. Выходит на сцену человек, в кожанке, лысоватый и начинает говорить... О мировой революции... Что покончим навсегда с капиталом... О коммунизме... Это Бухарин был... Поверишь, бывает так в жизни – будто пелена с глаз... А я ведь уже партийным был. Но вот с этого момента, считаю, и стал я коммунистом».)

³²¹ В. И. Ленин. Неизвестные документы. С. 282, 286, 287.

³²² Воспоминания о В. И. Ленине. Т. 5. С. 20.

³²³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 144.

³²⁴ Там же. С. 146, 147.

³²⁵ Там же. С. 145, 147.

Так как же теперь? Неужели их революционный порыв, их усилия, их подвиг были напрасны? От одной этой мысли можно было прийти в отчаяние. Вот над чем стоило задуматься.

После более чем двухмесячного перерыва, когда Ленин избегал публичных выступлений, он решает выступить 17 октября на II Всероссийском съезде политпросветов. Аудитория была самая благодатная: 307 делегатов являлись достаточно грамотными пропагандистами для того, чтобы проверить на них те выводы, которые сформулировал Владимир Ильич в канун годовщины Октября.

«Громадное большинство вас, товарищи, – коммунисты, – сказал он, – и, несмотря на большую молодость некоторых, – коммунисты, проделавшие большую работу в нашей общей политике в первые годы нашей революции.

И, как проделавшие большую долю этой работы, вы не можете не видеть, какой резкий поворот сделала наша Советская власть и наша коммунистическая партия, перейдя к той экономической политике, которую зовут “новой”... А по сути дела – в ней больше старого, чем в предыдущей нашей экономической политике»³²⁶.

Суть поворота состоит в том, что если раньше мы безрасчетно полагали, что сумеем перейти «от старой русской экономики» непосредственно к коммунистическому производству, то «не весьма длинный опыт привел нас к убеждению в ошибочности этого построения...

Никакого сомнения в том, что мы понесли весьма тяжелое экономическое поражение на экономическом фронте, у коммунистов быть не может... И, конечно, неизбежно, что часть людей здесь впадает в состояние весьма кислое, почти паническое... Позиции были подготовлены заранее, но отступление на эти позиции произошло (а во многих местах провинции происходит и сейчас) в весьма достаточном и даже чрезмерном беспорядке»³²⁷.

Всё это и определяет задачи культпросветработы. И прежде всего самым культпросветчикам необходимо избавиться от некоторых стереотипов.

Во-первых, предстоящая борьба – это не «последний бой», а борьба не только отчаянная, но и долгая.

Во-вторых, время манифестаций, «всеобщего универсального митингования» и декретов прошло. «Пора, когда надо было политически рисовать великие задачи, прошла, и наступила пора, когда их надо проводить практически». Сегодня любой рабочий вам скажет: «“Что ты все показываешь, как мы хотим строить, ты покажи на деле – как ты умеешь строить. Если не умеешь... проваливай к черту!” И он будет прав».

Да, нам придется «в значительной мере» восстанавливать капитализм, учиться у капиталистов. Они «будут рядом с вами... Они будут вышибать у вас сотни процентов прибыли, они будут наживаться около вас. Пусть наживаются, а вы научитесь у них хозяйничать...» Научитесь торговать и управлять умнее, управлять – «тверже, чем управлял до тебя капиталист. Иначе ты его не победишь»³²⁸.

И, наконец, третья главная задача – «нам нужно громадное повышение культуры». Сам факт создания у нас Чрезвычайной комиссии по ликвидации безграмотности, сказал Ленин, – «доказывает, что мы – люди (как бы это выразиться помягче?) вроде того, как бы полудикие, потому что в стране, где не полудикие люди, там... в школах ликвидируют безграмотность. Там есть школы сносные, – и в них учат».

Если эта «элементарная задача не решена, то говорить о новой экономической политике смешно». Мало того, и «на одной грамотности далеко не уедешь... Надо, чтобы человек на деле пользовался умением читать и писать», чтобы это «служило к повышению культуры, чтобы

³²⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 155, 156.

³²⁷ Там же. С. 158, 159.

³²⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 166, 167, 169.

крестьянин получил возможность применить это умение... к улучшению своего хозяйства и своего государства»³²⁹.

Возьмите борьбу «с волокитой, бюрократизмом или с таким истинно русским явлением, как взяточничество. Что мешает борьбе с этим явлением? Наши законы? Наша пропаганда? Напротив! Законов написано сколько угодно! Почему же нет успеха в этой борьбе? Потому, что нельзя сделать ее одной пропагандой, а можно завершить, только если сама народная масса помогает. У нас коммунисты, не меньше половины, не умеют бороться, не говоря уже о таких, которые мешают бороться».

Здесь говорили, заметил Ленин, что для этого надо ввести политпросветчиков в различные органы власти. Нет. Вы должны «показывать другим такие примеры не в качестве членов исполкомов, а в качестве рядовых граждан, которые, будучи политически просвещеннее, чем другие, умеют не только ругать за волокиту, – это у нас широко распространяется, – но показать, как на деле это зло побеждается»³³⁰.

Заканчивая выступление, Владимир Ильич сказал: «На мой взгляд, есть три главных врага, которые стоят сейчас перед человеком, независимо от его ведомственной роли... если этот человек коммунист...

Первый враг – коммунистическое чванство, второй – безграмотность и третий – взятка».

Относительно безграмотности – это понятно, ибо, как отмечает Ленин, – «безграмотный человек стоит вне политики, его сначала надо научить азбуке. Без этого не может быть политики, без этого есть только слухи, сплетни, сказки, предрассудки, но не политика». Насчет взятки, тоже все ясно: «Если есть такое явление, как взятка, если это возможно, то нет речи о политике. Тут еще нет даже подступа к политике... Нет основного условия, чтобы можно было заниматься политикой...»

Но почему, говоря о главных врагах, Ленин ставит на первое место «чванство», да еще – «коммунистическое чванство»? Сегодня это слово употребляется тогда, когда речь идет о надменности, спесивости, зазнайстве, тщеславии. Но если ограничиться таким толкованием, то нетрудно свести все дело лишь к индивидуальным чертам того или иного характера.

Между тем в начале XX века, если судить по словарю В. Даля, под «чванством» подразумевалась и глубинная основа всех указанных проявлений личности, а именно – требование «признания за собой каких-либо особых достоинств». Вот откуда спесивость, зазнайство, а главное – твердое убеждение в своих особых правах и привилегиях на власть и командование. А это как раз и переводит «чванство» из области индивидуальной психологии в сферу политики.

Видимо, именно так и понимал это слово Ленин, когда говорил, что коммунистическое чванство означает, что человек, являясь «членом правящей партии и каких-то государственных учреждений», на этом основании воображает, что «все задачи свои он может решить коммунистическим декретированием»³³¹.

Главполитпросвет – Главный политический просветительный комитет, председателем которого являлась Н. К. Крупская, подчинялся Наркомату просвещения РСФСР во главе которого стоял А. В. Луначарский. И в выступлении Ленина было, как бы брошенное вскользь, пожелание, «чтобы не возникало таких проектов, как я здесь слышал, об отделении от Наркомпроса»³³².

О каком проекте шла речь, Владимир Ильич не упомянул. Но вскоре конфликт по этому вопросу вылез наружу.

³²⁹ Там же. С. 170, 171.

³³⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 171, 173.

³³¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 173, 174.

³³² Там же. С. 170.

24 ноября Крупская направила в Политбюро письмо, в котором просила разграничить функции Политпросвета и Агитпропа ЦК. Вызвано это было тем, что в недрах аппарата ЦК заготовили постановление о передаче некоторых функций Политпросвета Отделу агитации и пропаганды, который, по мнению Крупской, превращался в «новый комиссариат» со штатом в 185 человек.

Это письмо со своей запиской Ленин направил Сталину, который 26-го ответил, что письмо Крупской является «либо недоразумением, либо легкомыслием», что речь идет о проекте «мною **не** просмотренным и Оргбюро **не** утвержденным» и что он «будет утвержден в понедельник». Кроме того, проект предусматривает штат не в 185 человек, а лишь в 106, из коих центральный аппарат Агитпропа будут обслуживать лишь 48 человек, а «остальные 58 ч. работают в восьми нацменсекциях».

А далее, не скрывая раздражения, Сталин переносит существо вопроса совсем в иную плоскость. «Сегодняшнюю записку вашу на мое имя, в Политбюро, – пишет он Ленину, – я понял так, что вы ставите вопрос о моем уходе из агитпропа. Вы помните, что работу в агитпропе мне навязали, я сам не стремился к ней. Из этого следует, что я не должен возражать против ухода.

Но если вы поставите вопрос **именно теперь**, в связи с очерченными выше недоразумениями, то вы поставите в неловкое положение и себя и меня. Троцкий и другие подумают, что вы делаете это “из-за Крупской”, что вы требуете “жертву”, что я согласен быть “жертвой” и пр., что нежелательно»³³³.

И ни слова по существу, которое для Ленина заключалось в том, что ни в коем случае нельзя смешивать серьезное политическое просвещение масс с агитацией. Потому-то он и сказал на съезде, что пусть Политпросвет, как и культура, остаются в Наркомпросе, и «если вы в это вникните, то согласитесь, что нужно бы создать чрезвычайную комиссию по ликвидации некоторых дурных проектов»³³⁴.

Впрочем, надо полагать, что не эта фраза обеспокоила Сталина больше всего. Достоверных сведений о том, как восприняли речь Владимира Ильича на самом съезде политпросветчиков, обнаружить не удалось. Однако сохранилось довольно примечательное письмо Ленину от одного из слушателей. Его автором был старый большевик, известный в партии публицист Михаил Степанович Ольминский.

По мнению Михаила Степановича, никакой «ошибки» в прежней политике не было. Она диктовалась «марксистским сознанием». А если и отступала от него, то не в силу гражданской войны, а лишь по причине того, что вожди не могли отрывать от пролетарской массы.

Но мелкобуржуазное сознание, продолжал Ольминский, сидит не только в крестьянстве, но и в рабочем классе, в его партии «и даже в Ленине... До весны 1921 г. я был в оппозиции “справа”, но ни на минуту не терял веры, что Ленин “вывезет”. Считаю, что моя уверенность оправдалась.

Боюсь, не придется ли мне временно занять место оппозиции слева, – в советской политике чувствуется истерическая склонность бросаться из одной крайности в другую. Пора научиться быть немножко консерваторами»³³⁵.

Слова Ольминского вполне можно было бы отнести к характеристике особенности восприятия жизни данным человеком, когда он, как сказал бы Достоевский, уперся в свою неподвижную мысль. Но дело было гораздо сложнее.

Стенограмма выступления Ленина после правки была опубликована в «Бюллетене съезда» № 2 19 октября 1921 года. А уже 26 октября Г. И. Петровский по прямому проводу

³³³ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5193. Л. 1–3.

³³⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 170.

³³⁵ РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 21420. Л. 2, 3.

сообщил П. А. Залуцкому в ЦК: «В Харькове, – по словам Петровского, – выступление Владимира Ильича вызвало чувство уныния среди рабочих, как выступление, которое сдает позиции». Поэтому Петровский просит «от имени харьковцев дальнейших (если это возможно) разъяснений Владимира Ильича, иначе ЦК КП Украины находится в растерянном состоянии».

Эту информацию Сталин пересылает Владимиру Ильичу с припиской: «Т. Ленин. Читал и думаю, что нужно немного смягчить форму (имею в виду будущее выступление на московской конференции)». Аналогичную записку посылает Ленину и секретарь ЦК В. Михайлов: «Со своей стороны поддерживаю предложение т. Петровского. Считаю необходимым подробнее разъяснить основные моменты вашей речи на съезде Главполитпросветов»³³⁶.

На VII московской губпартконференции Ленин выступил 29 октября. Он сразу сказал, что не будет комментировать все последние постановления Советской власти, связанные с НЭПом, а рассмотрит лишь один аспект данной темы. Это вопрос о тактике и революционной стратегии в связи с «поворотом нашей политики» и о том, «насколько теперешнее партийное знание и партийное сознание приноровились к этой новой экономической политике». И прежде всего – нужно ли и в каком смысле «говорить об ошибочности предыдущей экономической политики...»³³⁷

Да, – сразу же отвечает Ленин, – это необходимо. Ибо без понимания ее ошибочности нельзя определить направление новой политики. Готовясь к этому выступлению, Владимир Ильич в плане доклада пишет: «Ошибкой была наша экономическая политика до перехода к “новой”? Да или нет? Если да, в чем и почему?... В каком смысле штурм был ошибкой? (Исключает ли это понятие героизм штурмующих? *пользу штурма*? Нет, ошибки бывают полезны, если на них учатся, если они закаляют.)»³³⁸

На примере одного из эпизодов русско-японской войны – осады Порт-Артура – Владимир Ильич рассматривает соотношение таких методов борьбы, как штурм и осада. Попытки штурма крепости японцами кончились неудачей и привели к огромным жертвам. А вот длительная осада завершилась падением Порт-Артура. Можно ли было без штурма определить мощность укреплений, состояние гарнизона и т. п.? Нет, такого знания у японцев не было. Но именно осознание ошибочности штурма и позволило перейти к правильной осаде.

После Октября и в начале 1918 года мы «наэкспроприировали много больше, чем сумели учесть, контролировать, управлять и т. д.». Но уже тогда «по целому ряду пунктов» нам пришлось принимать решения (например, об оплате специалистов), соответствующие «не социалистическим, а буржуазным отношениям», то есть искать компромисс и «сделать шаг назад»³³⁹.

Тогда мы «предложили капиталистам: “Подчиняйтесь государственному регулированию, подчиняйтесь государственной власти, и вместо полного уничтожения условий, соответствующих старым интересам, привычкам, взглядам населения, вы получите постепенное изменение всего этого путем государственного регулирования”...»

То есть первоначально, подчеркивает Ленин, мы сделали «попытку осуществить переход к новым общественным отношениям с наибольшим, так сказать, приспособлением к существовавшим тогда отношениям, по возможности постепенно и без особой ломки»³⁴⁰.

Стратегический замысел того времени предполагал, «что обе системы – система государственного производства и распределения и система частноторгового производства и распре-

³³⁶ Сахаров В. А. «Политическое завещание» Ленина. М.: МГУ, 2003. С. 102; РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5191. Л. 1, 2.

³³⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 193, 194.

³³⁸ Там же. С. 470.

³³⁹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 198, 199.

³⁴⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 201, 202.

ления – вступят между собою в борьбу в таких условиях, что мы будем строить государственное производство и распределение, шаг за шагом отвоевывая его у враждебной системы»³⁴¹.

Однако отчаянное сопротивление буржуазии, поддержанное иностранной интервенцией, перенесло борьбу на иную арену – гражданской войны. И речь уже шла не о «компромиссе» или «частичных уступках», а о смене государственной власти. Вот почему «попытка экономической политики Советской власти, рассчитанная первоначально на ряд постепенных изменений, на более осторожный переход к новому порядку» – не была реализована³⁴².

Теперь, когда война кончена, когда, как выразился Ленин, – внешние и военные задачи «не стоят как неотложные», появилась возможность вернуться к прежней стратегии. И с весны 1921 года мы отступили «в целом ряде областей экономики к государственному капитализму», а это уже «не штурмовая атака, а очень тяжелая, трудная и неприятная задача длительной осады, связанной с целым рядом отступлений»³⁴³.

В частности, мы предполагали «более или менее социалистически» обменивать промышленные товары на продукты земледелия и с помощью такого товарооборота «восстановить крупную промышленность, как единственную основу социалистической организации. Что же оказалось?» Оказалось, что товарообмен сорвался, что «частный рынок оказался сильнее нас, и вместо товарообмена получилась обыкновенная купля-продажа, торговля». Значит необходимо «еще отступление назад... к созданию государственного регулирования купли-продажи и денежного обращения». Такова реальная обстановка и «потрудитесь приспособиться к ней, иначе стихия купли-продажи, денежного обращения захлестнет вас!»³⁴⁴

В ответ мы слышим голоса: «Если, дескать, коммунисты договорились до того, что сейчас выдвигаются на очередь задачи торговые, обыкновенные, простейшие, вульгарнейшие, мизернейшие торговые задачи, то что же может тут остаться от коммунизма?» Но скрывать от себя и от народа то, что есть, – значило бы «не иметь мужества прямо смотреть на создавшееся положение. При таких условиях работа и борьба были бы невозможны»³⁴⁵.

«Нам надо стать на почву наличных капиталистических отношений». Только таким, «более длительным, чем предполагали, путем можем мы восстанавливать экономическую жизнь»³⁴⁶.

Мы имели летом в Донбассе «катастрофическое положение». И это при острейшем дефиците угля для промышленности. Тогда мы разрешили сдавать в аренду малые шахты и старые выработки. Теперь эти «мелкие крестьянские шахты» отдают нам «около 30 % добываемого на них угля. И это способствует не только развитию производства в Донбассе, но и восстановлению «правильной системы экономических отношений», поднятию «на своих плечах крупной промышленности»³⁴⁷.

При этом необходимо помнить, что «восстановление капитализма, развитие буржуазии, развитие буржуазных отношений из области торговли и т. д. – это и есть та опасность, которая свойственна теперешнему нашему экономическому строительству... Ни малейшего заблуждения здесь быть не должно»³⁴⁸.

В своих октябрьских заметках 1921 года Ленин выражает эти мысли еще более лапидарно:

³⁴¹ Там же. С. 199.

³⁴² Там же. С. 203.

³⁴³ Там же. С. 205, 208.

³⁴⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 207, 208.

³⁴⁵ Там же. С. 209.

³⁴⁶ Там же. С. 208, 210.

³⁴⁷ Там же. С. 206, 208.

³⁴⁸ Там же. С. 211, 212.

«Лобовая атака ошибка или проба почвы и расчистка ее? И то и другое, исторически глядя.

А глядя сейчас, при переходе от нее к другому методу, важно подчеркнуть ее роль, ошибки»³⁴⁹.

В другой записи, сделанной накануне выступления 29 октября:

«Еще шаг назад, еще отступление.

И не конченное еще... Сколько еще времени будем отступать?

Это неизвестно. Этого знать нельзя...

Не опасно ли это отступление? Не усиливает ли оно врага?... Да, опасно. Да, усиливает. Но всякая иная стратегия не только усилит врага, но *даст ему победу*»³⁵⁰.

И еще одна важнейшая запись: лобовая атака дала «завоевание *возможности* “реформистского” перехода – или, иначе, возможности вступить на путь предварительного подхода, на мостки, на ступеньки, ведущие к цели»³⁵¹.

Судя по прениям, развернувшимся на губпартконференции после доклада Ленина, и здесь нашлись коммунисты, особенно из числа агитпропщиков, которые выступили против ряда положений, высказанных Владимиром Ильичем.

Сама постановка вопроса об ошибочности военного коммунизма: «и да, и нет» – никак не влезала в рамки «линейного» мышления. Редактор «Московского рабочего», заведомо МК РКП(б) И. Н. Стуков и член бюро МК В. Г. Сорин «очень плакались по поводу того, – сказал в заключительном слове Ленин, – что, дескать, вот говорят об ошибках, а нельзя ли ошибок не выдумывать? Т.т. Стуков и Сорин очень опасались, что это признание ошибки, так или иначе, целиком или наполовину, прямо или косвенно все же было вредным, потому что распространяло уныние...»

А преподаватель московского комвуза С. Л. Гоникман на полном серьезе, глубокомысленно произнес «почти целую речь на тему о том, что “историческое явление не могло сложиться иначе, чем оно сложилось”». Что же касается выступления Ларина, заметил Владимир Ильич, то он явно перепутал необходимость регулирования денежного обращения с регулированием промышленности³⁵².

Отвечая им, Ленин сказал: «Суть дела вот в чем: имеет ли сейчас практическое значение признание ошибки? Сейчас осуществлению нашей экономической политики мешает ошибочное применение приемов, которые в других условиях были бы, может быть, великолепны, а теперь вредны». И необходимо осознать, что «это не есть выдуманная ошибка, это не есть ошибка из области истории, – это есть урок для правильного понимания того, что можно и что нужно делать сейчас»³⁵³.

И лучше всего это доказывало выступление старого большевика, секретаря Московского совета профсоюзов С. М. Семкова, знакомого Ленину еще по школе в Лонжюмо, который «очень ясно сказал: “Что вы говорите о государственной торговле! В тюрьмах нас торговать не учили”».

Такого «комчванства» Ленин выдержать не мог: «А воевать нас в тюрьмах учили? А государством управлять в тюрьмах учили? – спрашивал он. – А примирять различные наркоматы и согласовывать их деятельность – такой, весьма неприятной, штуке учили нас когда-нибудь и где-нибудь? Нигде нас этому не учили».

³⁴⁹ Там же. С. 476.

³⁵⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 471.

³⁵¹ Там же. С. 475.

³⁵² Там же. С. 214, 215.

³⁵³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 215, 216, 217.

«Тов. Семков, – заключил Владимир Ильич, – обнаружил ошибку, которая есть в рядах партии». Суть ее «состоит в перенесении приемов, подходящих к “штурму”, на период “осады”... Эту ошибку надо сознать и исправить»³⁵⁴.

С окончанием гражданской войны, размышляет Владимир Ильич, мы боремся с «экономическим кризисом», с «распадом», (отдельно он выделяет и – «с послевоенной распушенностью»). Всем «надоела лень, разгильдяйство, мелкая спекуляция, воровство...» Для всех было ясно, что это – проявление «мелкобуржуазной стихии». И точно так же все знали, что для преодоления кризиса необходимы «организованность, дисциплина, повышение производительности труда»³⁵⁵.

Чего не знали? Вернее, что не вполне учитывали? – спрашивает Ленин. – Что за этим кризисом стоит вполне определенная «общественно-экономическая почва». И это не абстракция, не земля, не территория, а огромная масса крестьянства, составляющая большинство населения страны. И оно твердо решило, что двигаться вперед можно лишь «на почве рынка и торговли»³⁵⁶.

С началом НЭПа мы отступили на один шаг назад – к госкапитализму, то есть к концессиям, аренде госпредприятий и т. п. Что касается взаимоотношений с деревней, то думали, что после отмены продразверстки они будут строиться на основе товарообмена, а он «предполагал, – пишет Ленин, – (пусть молча предполагал, но все же предполагал) некий непосредственный переход без торговли, шаг за шагом к социалистическому продуктообмену»³⁵⁷.

Но и с товарообменом ничего путного не получилось. Разрушенная войной промышленность не смогла обеспечить необходимого количества товаров, и сама «жизнь, – отмечает Ленин, – сорвала товарообмен и поставила на его место *куплю-продажу*». Вот и надо теперь решать **главный вопрос**: идти вперед «на *почве* рынка, торговли или *против* этой почвы?», а говоря проще, со всей массой крестьянства или против него?³⁵⁸

Сразу заметим, что для Ленина такой дилеммы не существовало. Октябрьская революция победила как народная, рабоче-крестьянская. И гражданскую войну Советская республика смогла выиграть только потому, что большинство крестьянства, при всех его колебаниях, поддержало советскую власть против Колчака, Деникина, Юденича и других. И еще в 1919 году, на VIII съезде РКП(б), Ленин твердо заявил, что употребление насилия по отношению ко всей крестьянской массе может принести лишь «величайший вред» и будет «таким идиотизмом, таким тупоумием и такой гибелью дела, что сознательно так работать могут только провокаторы... *Действовать здесь насильем, значит погубить все дело*»³⁵⁹.

Задавались на Московской губпартконференции и такие вопросы: «“Где границы отступления?”... До каких пор мы можем отступать? ...Этот вопрос, – отвечал Ленин, – неправильно поставлен, потому что только дальнейшее проведение в жизнь нашего поворота может дать материал для ответа на него».

А «отступать будем до тех пор, пока не научимся, не подготовимся перейти в прочное наступление. Ничего больше на это ответить нельзя... Надо браться за конкретную работу. Надо внимательно рассмотреть конкретные условия, положение, надо определить, за что можно уцепиться, – за речку, за гору, за болото, за ту или иную станцию, потому что, только когда мы сможем за что-нибудь уцепиться, можно будет переходить к наступлению. И не надо предаваться унынию...»³⁶⁰

³⁵⁴ Там же. С. 216.

³⁵⁵ Там же. С. 470, 473, 474.

³⁵⁶ Там же. С. 471.

³⁵⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 471.

³⁵⁸ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 98.

³⁵⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 200.

³⁶⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 220.

В последующие дни наступивших октябрьских праздников Ленин выступает на собрании рабочих Прохоровской мануфактуры и собрании рабочих завода «Каучук» (6 ноября), на собрании рабочих, красноармейцев и молодежи Хамовнического района Москвы и собрании рабочих завода «Динамо», а вечером 7-го присутствует на торжественном концерте в Большом театре.

А далее опять непрерывная череда встреч, бесед, заседаний. 8-го участвует в заседании Политбюро, 10-го председательствует на Совнарком, 11-го – на СНК и СТО, 15-го – Совнарком, 17-го – опять Политбюро, 18-го сразу три заседания – Политбюро, СНК и СТО, 22-го – СНК, 24-го – Политбюро, 25-го – СТО, 26-го – Политбюро, 29-го – Совнарком. В повестках дня этих заседаний по 20–30 вопросов, каждый из которых требует напряженного внимания³⁶¹.

Немудрено, что к концу месяца Владимир Ильич вынужден был вновь обратиться за советом к врачу. Федор Александрович Гетье пишет, что «Ленин обратился ко мне за советом по поводу какого-то странного состояния, испытываемого им. По его словам, однажды проснувшись, он почувствовал себя не так, как всегда: голова была несвежая, его не тянуло к работе. А работа, дававшаяся раньше легко, требовала от него напряжения внимания и соображения, чувствовалась какая-то общая вялость, апатия... Он попробовал прибегнуть к испытанному средству, к которому прибегал раньше, когда чувствовал себя утомленным – к охоте. Но и охота не освежила его. Это смутило его...»

Незадолго перед тем Ленин получил информацию о том, что Павел Борисович Аксельрод, перед умом и эрудицией которого в давние годы Владимир Ильич преклонялся, заболел настолько, что стал совершенно неспособен даже к писанию статей. И вот теперь, пишет Гетье, Ленину «пришла мысль об Аксельроде и что он, подобно последнему, становился неработоспособным»³⁶².

Федор Александрович успокоил его: хотя симптомы болезни несколько видоизменились, все дело по-прежнему в крайнем переутомлении. Диагноз доложили Политбюро, и 3 декабря состоялось решение о предоставлении Ленину десятидневного отпуска между 2 и 17 декабря.

6-го, уезжая в Горки, Владимир Ильич пишет Горькому: «Устал дьявольски. Бессонница. Еду лечиться». А вдогонку ему, 8-го, едет новое постановление Политбюро: «Признать необходимым соблюдение абсолютного покоя для т. Ленина и запретить его секретариату посылку ему каких бы то ни было бумаг, с тем чтобы т. Ленин смог выступить с короткой (хотя бы с получасовой) речью на съезде Советов»³⁶³.

До конца отпуска оставался один день, и 16 декабря Владимир Ильич пишет в Политбюро: «Прошу продлить мне отпуск, согласно заключению врача на срок до 2-х недель (в зависимости от хода лечения)... На съезде Советов сделаю краткий доклад, согласно решению Политбюро»³⁶⁴.

Чувствовал себя Владимир Ильич в эти дни совсем плохо. Мария Ильинична пишет, что «он был мрачный, утомленный» и «очень беспокоился, как сойдет у него доклад». Мог бы, наверное, и отказаться, тем более что на его заявлении об отпуске по болезни от 16 декабря, 21-го Политбюро дало положительный ответ³⁶⁵. Но 23-го, в 12 часов, он прибыл из Горок в Москву, а вечером, встреченный бурной овацией, поднялся на трибуну IX Всероссийского съезда Советов.

Свой отчет о работе ВЦИК и СНК он начал с констатации того, что прошедший год стал первым, когда «ни одного, по крайней мере крупного, нашествия на нашу Советскую власть...

³⁶¹ См.: Ленин В. И. Биографическая хроника. Т. 11. С. 580, 660.

³⁶² См.: РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 3. Ед. хр. 24. Л. 3.

³⁶³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 62, 580, 581.

³⁶⁴ Там же. С. 74.

³⁶⁵ См.: Известия ЦК КПСС. 1991. № 2. С. 130; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 697.

не было». В этом смысле он стал первым годом «хотя бы сравнительно элементарного отдыха от прямо зверского насилия», который мы смогли использовать для решения главной задачи: восстановления хозяйства, излечения «тех ран, которые были нанесены России»³⁶⁶.

Международное положение осталось неустойчивым, но определенное равновесие сил, хотя и шаткое, все-таки сложилось. И объясняется это тем, что народ, вступивший на путь создания нового общества, получил поддержку и сочувствие со стороны трудящихся во всем мире. Именно поэтому, хотя в материальном отношении «мы безмерно слабы, а морально... мы сильнее всех»³⁶⁷.

«Мы идем на самые большие уступки и жертвы, – продолжал Ленин, – идем, лишь бы сохранить мир, который был нами куплен такой дорогой ценой... Но есть предел, дальше которого идти нельзя. Мы не допустим издевательств над мирными договорами, не допустим попыток нарушать нашу мирную работу»³⁶⁸.

Эта наша позиция привела к тому, что экономическая блокада Советской республики оказалась уязвимой и теперь «Россия обросла, если можно так выразиться, целым рядом довольно правильных, постоянных торговых отношений» с наиболее развитыми капиталистическими державами. И в 1921 году наш импорт вырос втрое по сравнению с тремя предыдущими годами вместе взятыми³⁶⁹.

Что касается внутреннего положения, заявил Ленин, то оно целиком определяется нашей новой экономической политикой, которая потребовала перемены **«сущности и формы»** союза пролетарского авангарда с крестьянством, приспособивая к этому «наше законодательство, нашу администрацию – в этом состояла главная наша работа за отчетный 1921 год»³⁷⁰.

В 1921 году мы сделали лишь первые шаги. И важнейший из них – создание Госплана, при участии лучших научных и технических сил России, плана возрождения народного хозяйства, рассчитанного, как минимум, на 15–20 лет. Он предусматривает не восстановление прежней дореволюционной экономики, а развитие производительных сил «на основе новой, на основе крупной промышленности и электрификации. Только в этом состоит избавление от нашего нищенства...»³⁷¹

Если в 1918 и 1919 годах мы открыли 51 электростанцию (3,5 тыс. киловатт), то в 1920 и 1921-м – 221 станцию мощностью в 12 тыс. киловатт. А в ближайшее время войдут в строй Каширская станция под Москвой, которая одна даст 12 тыс. киловатт, и «Красный октябрь» под Питером – 10 тыс. киловатт. Пока в числе действующих станций преобладают мелкие, сельские и «они хотя и ничтожны, но все же показывают крестьянам, что Россия не остановится на ручном труде, не останется со своей примитивной деревянной сохой, а пойдет вперед к другим временам». Но «сроки тут, как я уже говорил, измеряются десятками лет...»³⁷²

Выросла добыча нефти и угля. Если в 1920 году Донбасс дал 272 миллиона пудов угля, то в 1921-м – 350 миллионов. По сравнению с довоенной добычей (1 млрд. 700 млн.) это крайне мало. Но впервые в этом году удалось довести выработку забойщика до прежней нормы. А вот в добыче торфа, благодаря новым технологиям, разработанным учеными, довоенный уровень удалось превзойти. Все это позволило от учета топливных ресурсов в саженях дров переходить к более прогрессивной – «минерализированной» структуре топливного баланса³⁷³.

³⁶⁶ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 291, 301.

³⁶⁷ Там же. С. 293, 300.

³⁶⁸ Там же. С. 297, 298.

³⁶⁹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 301, 302, 302.

³⁷⁰ Там же. С. 305, 308, 309.

³⁷¹ Там же. С. 312, 316.

³⁷² Там же. С. 320, 321, 374.

³⁷³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 317, 318, 319, 321.

Но дефицит топлива остается. Металлургия, даже при четырехкратном росте во второй половине года, дала лишь 6 % того, что производила до войны. А это привело к тому, что «попытка снабдить крестьянство продуктами перешедшей в руки государства крупной промышленности нам не удалась»³⁷⁴.

Неурожай нанес деревне гигантский урон. Государство делало все, чтобы спасти миллионы голодающих в пострадавших районах. Крайне важно, что осенью удалось обеспечить семьями и добиться успеха в расширении посевов. В итоге – «засеяно в голодающих губерниях 75 % озимого клина, в губерниях, частично пострадавших от неурожая, – 102 %, в губерниях производящих – 123 %, в губерниях потребляющих – 126 %»³⁷⁵.

Владимир Ильич подробно рассказал о той безвозмездной помощи в 2,5 миллиона пудов продовольствия и 600 тысяч золотых рублей, которая была получена из-за рубежа, о закупке продовольствия и семян для весеннего сева на сумму в 60 миллионов золотых рублей. При этом он прямо указывал продовольственникам, что даже «при значительных зарубежных закупках нам надо собрать налог полностью, иначе промышленность снова остановится, помощь голодающим не будет оказана, крестьяне семсуды не получат»³⁷⁶.

Казалось бы, уж коли так худо, недостает топлива и чугуна, не хватает хлеба, то вполне оправданно «нажать» как следует и на рабочих, и на крестьян для получения необходимого. Но именно этого и опасался более всего Ленин. Не «вышибать», а научиться хозяйствовать – в этом-то и заключается «значение новой экономической политики. Учитесь... Это учение чрезвычайно свирепое... Но это есть то настоящее учение, которое мы должны проделать»³⁷⁷.

«Мы приступаем к задаче нашего экономического строительства, – продолжал Владимир Ильич, – на основе нашего вчерашнего опыта, а в этом-то и кроется наша коренная ошибка». Да, прежний опыт «был великолепен, высок, величественен, имел всемирное значение...» Но «когда обстановка изменилась и мы должны решать задачи другого рода, то здесь нельзя смотреть назад и пытаться решить вчерашним приемом...»³⁷⁸

Ну, а тем из «вчерашних бойцов», кто страдает коммунистическим чванством и не желает понять новых задач, Ленин напомнил басню Крылова «Гуси». Рассказывают, будто в древние времена гуси своим криком предупредили римлян о нападении врагов и тем самым спасли «вечный город». Но когда, спустя столетия, дальние потомки гусей стали кичиться тем, что их предки «Рим спасли», крестьянин «ответил хворостиной: “Оставьте предков вы в покое, а вы что сделали такое?”».

Научитесь мерить работу не сиюминутным результатом, «научитесь работать иным темпом, считая работу десятилетиями, а не месяцами, зацепляясь за ту массу, которая измучилась и которая не может работать революционно-героическим темпом в повседневной работе, – либо научитесь этому, либо вас назовут по справедливости гусями»³⁷⁹.

Ленин напоминает старую французскую пословицу: «Недостатки у человека являются как бы продолжением его достоинств. Но если достоинства продолжаются больше, чем надо, и не там, где надо, то они являются недостатками. Вероятно, почти всякий из вас в личной жизни и вообще это наблюдал, и мы теперь наблюдаем на всем развитии и нашей революции, нашей партии и... на всем аппарате, управляющем Советской Россией...»³⁸⁰

Как на один из примеров справедливости этой истины Владимир Ильич указывает на ВЧК, на «то учреждение, которое было нашим разящим орудием против бесчисленных заго-

³⁷⁴ Там же. С. 307, 318, 318.

³⁷⁵ Там же. С. 313, 314.

³⁷⁶ В. И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 12. М., 1982. С. 64.

³⁷⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 323.

³⁷⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 309, 323, 324.

³⁷⁹ Там же. С. 325.

³⁸⁰ Там же. С. 323.

воров, бесчисленных покушений на Советскую власть со стороны людей, которые были бесконечно сильнее нас... Вы знаете, что иначе, как репрессией, беспощадной, быстрой, немедленной, опирающейся на сочувствие рабочих и крестьян, отвечать на них нельзя было. Это – достоинство нашей ВЧК».

Но вот кончилась война, начался НЭП, и «та обстановка, которая у нас создалась, повелительно требует ограничить это учреждение сферой чисто политической... Необходимо подвергнуть ВЧК реформе, определить ее функции и компетенцию... Перед нами сейчас задача развития гражданского оборота – этого требует новая экономическая политика, а это требует большей революционной законности»³⁸¹.

Завершая выступление, Ленин сказал: «Та задача, которую мы решаем в этом году и которую мы так плохо до сих пор решали, – соединение рабочих и крестьян в прочный экономический союз... эта задача не только русская, но и мировая». Новое общество, основанное на этом союзе, «рано или поздно, двадцатью годами раньше или двадцатью годами позже, оно придет, и для него, для этого общества, помогаем мы вырабатывать формы союза рабочих и крестьян, когда трудимся над решением нашей новой экономической политики»³⁸².

Короткого выступления, как видим, не получилось. Впрочем, судя по плану доклада, Ленин именно так и рассчитал. Особенность этого выступления очень точно уловил один из гостей съезда – японский коммунист Сэн Катаяма...

«Товарищ Ленин говорил приблизительно три часа, не обнаруживая никаких признаков усталости, почти не меняя интонации, неуклонно развивая свою мысль, излагая аргумент за аргументом, и вся аудитория, казалось, ловила, затаив дыхание, каждое сказанное им слово.

Товарищ Ленин не прибегал ни к риторической напыщенности, ни к каким-то жестам, но он обладал чрезвычайным обаянием... Я наблюдал многочисленную толпу и не видел ни одного человека, который бы двигался или кашлял в продолжение этих трех часов. Он увлек всю аудиторию»³⁸³.

Итак, вопреки всем опасениям и самого Ленина, и его близких, «доклад прошел очень хорошо, и это, – пишет Мария Ильинична Ульянова, – сразу подняло его настроение. Владимир Ильич заявил после окончания заседания съезда, что надо куда-нибудь поехать отпраздновать этот успех, и мы отправились вместе с находившимся в Большом театре Н. И. Бухариным в “Метрополь”, где он жил тогда.

Владимир Ильич был очень весел и оживлен. Он с большим юмором принялся рассказывать нам о своей недолгой юридической практике в Самаре... Затем был вытребован т. Мануильский, который славился своим умением рассказывать анекдоты и “изображать” товарищей. Мануильский был в этот вечер в ударе, и его слушатели хохотали до упаду. [Мария Ильинична не упомянула, что лучше всего он «изображал» именно Ленина – В.Л.] Домой мы вернулись чуть не в 4 часа ночи»³⁸⁴. А в полдень 24-го Ленин уезжает в Горки.

На следующий день он садится писать для продолжающегося съезда Советов «Наказ по вопросам хозяйственной работы». Главной задачей, которую должен поставить съезд, является «достижение в кратчайший срок» прочных успехов в снабжении крестьянства товарами, необходимыми «для подъема земледелия и улучшения жизни трудящейся массы крестьянства».

При этом необходимо, с одной стороны, более энергичное привлечение к «работе в данной области всех сколько-нибудь выдающихся сил из рядов беспартийных рабочих и крестьян», а с другой, представителей науки, техники, а также практиков, которые приобрели опыт в организации производства и торговли.

³⁸¹ Там же. С. 327, 328.

³⁸² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 329.

³⁸³ Письма В. И. Ленину из-за рубежа. Изд. 2-е. М., 1969. С. 425.

³⁸⁴ Цит. по: Известия ЦК КПСС. 1991. № 2. С. 130.

Наркомюсту предлагалось, осуществляя строжайший контроль за соблюдением законов «частниками», не допускать «ни малейшего стеснения их деятельности». А перед Наркомфинком ставилась задача добиваться сокращения эмиссии и восстановления «правильного денежного обращения на основе золотой валюты»³⁸⁵.

В какой мере все это соответствовало представлениям самих крестьян об их нуждах? Для уяснения этого вопроса вечером 26 декабря Ленин приезжает из Горок в Москву на совещание беспартийных крестьян, собранное Калининым в здании правительства в Кремле. Повторилась та же история, что и ровно год назад во время VIII съезда Советов.

Владимир Ильич вошел в зал и, пристроившись в первом ряду, лицом к президиуму, вынул записную книжку. Сидевший рядом с ним костромской крестьянин И. Г. Гаврилов рассказывает, что Калинин в этот момент говорил о том, что центральная власть знает о тяжелом положении крестьян и делает все возможное для облегчения жизни деревни.

Гаврилов бросил Михаилу Ивановичу реплику: «“Уж больно ласково вы с нами обращаетесь, – не думаете ли и нас сделать коммунистами?..” Владимир Ильич, быстро повернувшись в мою сторону, дотронулся правой рукой и, пристально посмотрев на меня, сказал: “Не делайся, отец, не делайся коммунистом! Мы все время чистим партию от деланных коммунистов... Довольно и того, что являетесь все понимающими нас честными гражданами, и этого вполне достаточно для того, чтобы нам строить новую жизнь”».

Когда Калинин кончил, «посыпались бесконечные жалобы на действия местных властей. Каждый говорил о своем уезде, чуть ли не о своей деревне... Получился шум, как на волостном сходе. Владимир Ильич, не говоря ни слова, быстро писал. Казалось, что из этого беспорядочного говора он улавливал что-то для него очень важное... Через некоторое время Ильич снова обернулся в мою сторону и сказал: “Вот и тут шумят, – видно, что очень наболело на душе. Я в последнее время принялся изучать постановления волостных и уездных съездов. Надеюсь в них найти разгадку той задачи, которую не нахожу возможности решить ни по какой политической экономии”. И быстро отвернулся снова к своей записной книжке.

Так как мне показалось, что Владимир Ильич говорил, не обращаясь собственно ко мне, а как бы вслух думая, то я не посмел отозваться на его слова ни единым знаком»³⁸⁶.

После того, как делегаты хоть как-то выговорились и шум поутих, они все-таки настояли на том, чтобы Ленин выступил. Стенограмма этого выступления сохранилась. «...Я хочу сказать, – начал Владимир Ильич, – что вот теперь около половины девятого, мы можем до половины десятого и даже попозже здесь заняться... Давайте распределим время на те вопросы, которые представляют больше всего значения для вас. Мое дело здесь, как я понимаю, больше слушать и записывать...»

И все-таки ему пришлось опять коротко рассказать о мерах, принимаемых для оказания помощи голодающим, о важности успешного проведения весеннего сева, ответить на конкретные жалобы, связанные с гужевой повинностью крестьян и т. д.

А в конце он сказал: «Повторяю, что я все указания, которые здесь делаются, записываю и о каждом из них в соответственный наркомат или совнархоз напишу, для того чтобы можно было принять меры». И тут же добавил, что решено значительно увеличить число *беспартийных* крестьян в составе ВЦИК, чтобы они не только жаловались, но и сами боролись со всеми непорядками и злоупотреблениями на местах³⁸⁷.

Когда совещание закончилось, Владимир Ильич успел переговорить с членом ВЦИК, сельским учителем из Тверской губернии Иваном Андреевичем Петрушкиным. Разговор был

³⁸⁵ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 335, 336, 337.

³⁸⁶ Рабочие и крестьяне России о Ленине. Воспоминания. М., 1958. С. 286, 287, 288.

³⁸⁷ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 330, 333.

коротким: на прямой вопрос, поставленный Лениным, Петрушкин ответил, что меры, намеченные съездом Советов, полностью отвечают чаяниям крестьян.

В том, что Петрушкин не подыгрывал начальству – сомнений не было. Выступления на съезде самих крестьян свидетельствовали о том, что новую политику Советской власти они не только приняли, но и по-своему осмыслили. Причем это касалось не только сугубо практических мер.

Весьма примечательным в этом отношении стало выступление делегата Московской губернии Головкина, седобородого старика в дубленом желтом полушубке и теплых катанках.

«Пережил я трех царей, – сказал Головкин, – и Александра Освободителя, и Александра Миротворца, и Николая Виноторговца, и говорю, что, слава богу, этих помазанников больше нет. Пока они были, я сидел за печкой с тараканами, ни земли, ни хлеба у меня не было, а теперь гляди, где я сижу – в президиуме Всероссийского съезда...

При старой разверстке я сам зарывал в землю хлеб, а теперь все держу открыто, не боюсь, так как продналог уплатил. Надо крестьянина больше удовлетворить, а он все даст своему государству. Крестьянство – это основа. Вот как в этом театре: стены – это крестьяне, крыша – рабочий, а окна и двери – интеллигенция. Подкопайте стены – рухнет все здание, сломается крыша, лопнут окна и двери. Погибнет крестьянин – все погибнет».

И еще Головкин сказал: «Наше советское хозяйство мы наладим обязательно. Построим мы скромно, честно, чисто, только не забывайте Карла Маркса. Дело это простое: вот у человека две руки, и он обязан одной работать для государства, а другой для себя, и тогда все пойдет очень хорошо благодаря новой экономической политике»³⁸⁸.

Именно в эти дни Ленин реализует свою давнюю задумку – ввести крестьян, как тогда выражались – «от сохи», в состав руководства наркомата земледелия. Мысль об этом пришла Владимиру Ильичу еще в феврале, после встречи с Иваном Афанасьевичем Чекуновым. И то, что Чекунов, помимо землепашества, был когда-то трактирщиком и человеком глубоко верующим, нисколько не смущало Ленина. В октябре Иван Афанасьевич был введен в состав коллегии Наркомзема, стал присутствовать на заседаниях Госплана.

Но оставался вакантным – после отставки С. П. Середы – еще более высокий пост: наркома земледелия. На него Ленин подыскивал крестьянина – сибиряка. Своими мыслями он поделился с заместителем наркома, старым партийцем И. А. Теодоровичем и 17 декабря получил от него письмо с характеристикой Василия Григорьевича Яковенко.

«По внешним данным, – писал Иван Афанасьевич, – это мужик лет за 40 [Яковенко в это время не было и 33-х – В.Л.], рослый, могучий, волосатый бородач от сохи, влюбленный в “землю”, безоговорочно преданный лозунгам Советской власти, дисциплинированный и трезвый, он удивительно умел сочетать “энтузиазм масс” с чисто мужицкой хозяйственностью и реалистичностью...

Авторитет его среди крестьянства был поразительный. Вера в его личную честность и разумность – повсеместно». И, подводя итог, Теодорович написал: «Знание мужицкой души, крестьянского быта, кровная связь с деревней, безупречность личная, героическое прошлое».

Преувеличений в этой характеристике не было. Сам Яковенко на одном из собраний рассказывал о себе так: «Деды и отцы мои – природные мозольные крестьяне. Сам я коренной хлебороб, крестьянин – сибиряк Канского уезда, села Тасеево. У плуга да у хлева проходила моя жизнь до тех пор, пока царь не нашел меня в тайге и забрил в солдаты. Вынес я в окопах и боях всю великую войну и уже тогда понял, что не может быть рабочим и крестьянам ни счастья, ни свободы, пока на их шее сидят царские псы – помещики и капиталисты».

³⁸⁸ Цит. по: Дробкина Е. Я. Зимний перевал. С. 129.

За отвагу и храбрость заслужил Василий Григорьевич на фронте самую высшую солдатскую награду – три Георгиевских креста. А в июле 1917-го вступил в большевистскую партию. С началом Гражданской войны стал одним из вожakov сибирских партизан. После разгрома Колчака стал председателем Канского уездного исполкома Енисейской губернии.

Прислал характеристику на Яковенко и председатель Красноярского губревкома А. П. Спундэ: «Яковенко был бесспорно лучшим по идейности сибирским партизаном... Умеет сохранять постоянную прямо-таки “интимную” связь с крестьянством... Человек самостоятельный и сильный характером». В конце Спундэ добавил: надо «чтобы около него не было специфических цекистских интриг», иначе «может отойти от нас в силу своей искренности и щепетильности»³⁸⁹.

24 декабря Ленин посылает несколько вопросов о Яковенко Емельяну Ярославскому. Тот отвечает кратко: «Уважение крестьянства? – Большое... Твердость? – Властный, твердый человек. Ум? – Умный, сметливый. Преданность Соввласти? – Преданность доказал и в период партизанства, и позже»³⁹⁰.

26 декабря Политбюро по предложению Ленина принимает решение о срочном вызове Яковенко в Москву. 28-го, когда Владимир Ильич приезжает на Пленум ЦК, Василия Григорьевича на съезде Советов избирают в состав ВЦИК. И, наконец, 31-го вечером состоялась их встреча. Ленин поручает Марии Гляссер сообщить по телефону членам Политбюро, что Яковенко «произвел на него хорошее впечатление», и он просит членов Политбюро также переговорить с Василием Григорьевичем. На телефонограмме пометка: «31 декабря, 21 час»³⁹¹.

А на заседании Политбюро, состоявшемся в этот день, принимается решение о «предоставлении Ленину 6-недельного отпуска с 1 января 1922 г. с запрещением приезжать в Москву для работы без разрешения Секретариата ЦК РКП(б) и с обязательством назначить один определенный час в день для переговоров по телефону по наиболее важным вопросам»³⁹².

В 11 часов 1 января Владимир Ильич уезжает в Горки.

³⁸⁹ Биографические данные о В. Г. Яковенко собраны в Интернете его земляком – журналистом Пашнёвым.

³⁹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 93.

³⁹¹ См.: В. И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 12. М., 1982. С. 88.

³⁹² В. И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 12. С. 87.

Глава 2

«От штурма к осаде»

«О пользе охоты на лис»

В один из солнечных зимних дней, после долгого перерыва, Владимир Ильич выбрался, наконец, на охоту. Прельстили тем, что это будет охота на лису «с флажками», которой он прежде весьма увлекался.

Сущность этой охоты, рассказывал один из ее участников Николай Васильевич Крыленко, состояла в том, что выслеженную лисицу «обтягивают красными флажками на довольно большом пространстве в круг, из которого есть только один выход, у которого становится охотник, и затем загоняют ее к этому выходу хлопками в ладоши и криками...

Эта охота является одной из самых красивых и в то же время самых трудных, поскольку требует... от охотника железной выдержки...

Мне пришлось стоять недалеко от Владимира Ильича, и я видел, как прямо на него, подозрительно обнюхивая своей острой мордочкой воздух, вышла ярко-рыжая красавица лиса.

Посыпанные снегом молодые ёлочки закрывали от нее Владимира Ильича. Лисица шла прямо на него, а он, вместо того, чтобы использовать момент для быстрого и меткого выстрела, весь так и застыл и смотрел, не отрывая глаз, на подходившего зверя, смотрел и... не стрелял.

Лисица остановилась, повернувшись к нему головой. Владимир Ильич начал поднимать ружье. Этого, конечно, было достаточно для того, чтобы зверь моментально, как молния, повернулся, махнул хвостом и скрылся.

На мой вопрос, почему он не стрелял, Владимир Ильич ответил:

– Она была так хороша и так красива...

И тут же со свойственным ему добродушием начал себя ругать, говоря, что он – “не охотник, а... сапожник” и т. д. Для меня однако было ясно, что он сознательно не хотел стрелять³⁹³.

Этот сюжет в свое время немало эксплуатировали в детской литературе. Однако смысл описанного эпизода был куда интереснее, а круг ассоциаций, возникших в тот момент у Ленина, куда шире и сложнее, нежели представлял Крыленко.

Вот что написал в январе 1922 года об этой охоте на лису сам Ленин: выслеженную лисицу «окружают на известном расстоянии веревкой с красными флажками... Боясь явно искусственного “человеческого” сооружения, лиса выходит только тогда и только там, где эта “ограда” из флажков приоткрывается, а там ее и ждет охотник. Казалось бы, осторожность для такого зверя, которого все травят, качество самое положительное. Но и тут “продолжение достоинства” оказывается недостатком».

Иначе говоря, когда он, глядя на лису, двигавшуюся навстречу выстрелу, засмотрелся и задумался, в голове его, помимо прочих, мелькнула мысль о том, как велика сила привычки, инерции, как трудно вырваться за рамки сложившихся представлений даже тогда, когда тебе грозит смертельная опасность.

И, вспоминая выступления очень «левых» и очень «революционных» делегатов ряда европейских компартий на III конгрессе Коминтерна, Владимир Ильич заключил:

«Политические уроки даже из наблюдения такой тривиальной вещи, как охота на лис, оказываются небесполезными: с одной стороны, чрезмерная осторожность приводит к ошибкам. С другой стороны, нельзя забывать, что если заменить трезвый учет обстановки одним

³⁹³ Воспоминания о В. И. Ленине. Том 2. М., 1957. С. 426.

“настроением” или маханьем красными флажками, то можно сделать ошибку уже непоправимую; можно погибнуть при таких условиях, когда хоть трудности и велики, но гибель ничуть, ни чуточки еще не обязательна»³⁹⁴.

Именно «трезвый учет» обстановки и привел Ленина к выводу, что после целого ряда революционных выступлений, прокатившихся по Европе в 1917–1920 годах, наступает длительная полоса относительной стабилизации.

После поражения «Польского похода», когда поначалу казалось, что победа так близка и конный корпус Гая прорвался аж до самых границ Германии, после подавления вооруженного выступления немецких рабочих в марте, стачки английских горняков в апреле 1921 года и целого ряда других событий – это становилось все более очевидным. И из этого надо было делать выводы.

Лозунгами всякой революции изначально не могли стать ни погоня за наживой, ни страсть к обогащению. «Человек, – считал Фридрих Шиллер, – вырастает по мере того, как растут его цели». И все великие революции прошлого выдвигали овеянные романтикой все-ленские милитантистские идеалы и в меру своих сил пытались их осуществить. Именно эти идеалы сплачивали массы людей и вызывали тот энтузиазм, который сметал все на своем пути. Именно так – как «мир» и «**мир**» – толковали главный лозунг Октября рабочие и солдаты.

Но те «лениноеды», которые называют Владимира Ильича исключительно «вождем мирового пролетариата», вкладывая в это тот смысл, что до России ему, мол, и дела не было, лишь делают вид, что не понимают разницы между периодами штурма и осады. Обвинения в разжигании «мирового пожара» так и остались на долгие годы одним из главных мотивов пропаганды, направленной против Советской России.

Между тем, ни в коей мере не отказываясь от поддержки коммунистического и национально-освободительного движения в других странах, Владимир Ильич переносит центр тяжести проблемы в иную плоскость.

«В настоящее время, – сказал он в мае 1921 года на X партконференции, – международное положение таково, что какое-то временное, неустойчивое, но все-таки равновесие установилось... Сейчас главное свое воздействие на международную революцию мы оказываем своей хозяйственной политикой... На это поприще борьба перенесена во всемирном масштабе. Решим мы эту задачу – и тогда мы выиграли в международном масштабе наверняка и окончательно. Поэтому вопросы хозяйственного строительства приобретают для нас значение совершенно исключительное...»³⁹⁵

Однако умерить «революционный» пыл «левых», как на Западе, так и у себя в России, было не просто. На исполкоме Коминтерна и на III конгрессе Ленин резко критиковал сторонников «теории наступления» – тех немецких, французских, итальянских, австрийских, венгерских коммунистов, которые, как заявил Владимир Ильич, своими «левыми глупостями» способны загубить и коммунистическое и рабочее движение в своих странах. Он выступил даже против оказания Коминтерном финансовой поддержки подобного рода зарубежным группам³⁹⁶.

Умеряли избыточный «революционный» пыл и в самой России. Орджоникидзе, Киров и советские органы власти на Кавказе получили послание, в котором указывалось на необходимость «прекращения всяких шагов» и недопустимость любых попыток, направленных на организацию «Комитета освобождения Персии» и создания на ее территории так называемой

³⁹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 419, 421.

³⁹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 340, 341.

³⁹⁶ См.: В. И. Ленин. Неизвестные документы. С. 451, 452, 469.

«Гилянской республики», так как это является прямым нарушением Русско-персидского договора³⁹⁷.

Компартия Эстонии, Латвии и Литвы, которые – рассчитывая на прямую поддержку России – активизировали свою нелегальную деятельность, по инициативе Ленина и Чичерина также было направлено специальное письмо, где прямо указывалось, что неприемлемы «всякие действия, рассчитанные на вовлечение России в военную борьбу с одним из этих государств или могущие иметь своим последствием такое вовлечение, могут повлечь обострение в ее международном положении»³⁹⁸.

Эта позиция предполагала, среди прочего, возможность мирного сосуществования Советской России с капиталистическим окружением на основе прежде всего экономического сотрудничества. При всей остроте политической конфронтации оно постепенно пробивало себе дорогу. Еще 16 марта 1921 года было подписано торговое соглашение с Англией, и Ллойд Джордж, выступая в Палате общин, справедливо заметил, что оно означает признание Советского правительства де-факто. 6 мая возобновляются торговые отношения с Германией, затем следуют Норвегия, Австрия, Италия. Становилось все более очевидным, что для дальнейшего стимулирования этого процесса необходимо сделать какие-то дополнительные встречные шаги.

В конце концов те предварительные условия для любых отношений с Советской Россией, которые выдвинула уже упоминавшаяся Брюссельская конференция 19-ти европейских государств (6–8 октября 1921 года), содержала лишь один ультимативный и вполне конкретный пункт: признание долгов прежних российских правительств. Два других – о создании «нормальных условий экономической жизни» и «контроле» за распределением продовольственной помощи, как показал опыт сотрудничества с АРА, вполне могли стать предметом делового обсуждения.

Любопытно, что о своих решениях брюссельские конференции, вопреки принятым в цивилизованной дипломатии нормам, даже не уведомили Советское правительство. Впрочем, как выразился нарком по иностранным делам Г. В. Чичерин, «перед лицом голодающих масс подобными тонкостями дипломатического этикета» можно было пренебречь.

27 октября Политбюро обсудило этот вопрос и приняло положительное решение, а 28-го ВЦИК опубликовал «Декларацию о признании долгов». В ней говорилось, что Советское правительство готово вести переговоры о взаимных требованиях, признании довоенных долгов при условии заключения с Россией мира и признания ее другими странами.

Проект заявления Совнаркома по поручению Ленина написал Георгий Васильевич Чичерин. В нем говорилось, что Советское правительство готово сделать ряд существенных уступок, тем более что, учитывая интересы многочисленных мелких держателей соответствующих облигаций (особенно во Франции), «предложение признать на известных условиях старые долги идет навстречу собственным намерениям Советской России». Она готова, в частности, признать все обязательства по государственным займам царского правительства, сделанным до 1914 года³⁹⁹.

Что касается других требований, то Советское правительство убедилось, что «частные своекорыстные интересы отдельных групп капиталистов не мешают ему в работе восстановления народного хозяйства... Оно восстановило частную торговлю, частную собственность на мелкие предприятия, право концессий и аренды на крупные» и заинтересовано в участии ино-

³⁹⁷ См.: В. И. Ленин. Неизвестные документы. С. 459, 467, 484.

³⁹⁸ В. И. Ленин. Неизвестные документы. С. 449.

³⁹⁹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 189, 187, 188, 573.

странного капитала в разработке естественных богатств России и готово предоставить концессионерам достаточно высокую прибыль⁴⁰⁰.

Для этой цели Советская Россия предлагает созвать международную конференцию, которая могла бы рассмотреть «взаимные претензии держав друг к другу», а также «положить конец всяким действиям, угрожающим безопасности Советских республик», признать Советское правительство и заключить с ним «всеобщий мир»⁴⁰¹.

24 октября Ленин просматривает проект Чичерина и делает ряд замечаний: «**Главное:** надо сказать и *тонко*, и точно о *наших* к ним претензиях». А 27 октября Политбюро ЦК РКП(б), обсудив вопрос «о признании долгов», постановило «принять в основе текст, предложенный тов. Чичериным, с поправками тов. Ленина...» На следующий день официальное заявление было отправлено правительствам Англии, Франции, Италии, Японии и США. И уже 6 января 1922 года Верховный совет стран Антанты принимает решение о созыве Международной экономической и финансовой конференции в Генуе и *приглашении на нее Советской делегации*⁴⁰².

Первым пунктом этого решения стало признание того, что «ни одно государство не может присвоить себе право диктовать другому государству принципы, на которых последнее должно регулировать свою систему собственности, внутренней экономической жизни и управления». Ленин расценил это заявление как косвенное признание неизбежности существования – наряду с капиталистической – коммунистической системы собственности. А стало быть, оно открывало дорогу уже для серьезных переговоров⁴⁰³.

27 января Чрезвычайная сессия ВЦИК утвердила состав советской делегации на Генуэзской конференции. Председателем назначался Ленин, заместителем Чичерин «со всеми правами председателя на случай, если обстоятельства исключат возможность поездки тов. Ленина на конференцию»⁴⁰⁴.

Оговорка не была случайной. Еще 7 января Красин прислал телеграмму: «Приезд Ленина в Италию считаю недопустимым ввиду савинковцев, врангелевцев и фашистов». 12 января Владимир Ильич написал в Политбюро: «Думаю, что указанная Красиным причина в числе других причин исключает возможность поездки в какую-либо страну как для меня, так и для Троцкого и Зиновьева». В этой связи ЦК РКП(б) и принимает решение: в Геную во главе делегации поедет Чичерин⁴⁰⁵.

Из этого, естественно, вытекала необходимость срочной разработки директив, которыми делегация будет руководствоваться. Первый вариант соответствующего проекта Владимир Ильич написал уже 1 февраля. В нем говорилось: «Вся сумма речей и заявлений наших делегатов на конференции должна быть заранее рассчитана так, чтобы... получилось в итоге краткое, но ясное изложение всей совокупности коммунистических взглядов (по вопросам международных отношений и экономики)...»

Но от варианта к варианту эта «пропагандистская» задача все более суживалась и на передний план выходят сугубо деловые вопросы. «Программа эта должна быть буржуазно-пацифистской», – пишет Владимир Ильич 6 февраля. Мы предлагаем «ряд паллиативов и мер реформистского типа»: аннулирование всех долгов, пересмотр Версальского договора, предоставление льготных займов странам, наиболее пострадавшим от войны, меры по борьбе с инфляцией, топливным кризисом и т. п.⁴⁰⁶

⁴⁰⁰ Там же. С. 186.

⁴⁰¹ Там же. С. 187.

⁴⁰² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 582.

⁴⁰³ Там же. С. 371, 581, 582.

⁴⁰⁴ Там же. С. 583.

⁴⁰⁵ В. И. Ленин. Неизвестные документы. С. 492.

⁴⁰⁶ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 382, 383.

Чичерину он поясняет: «Мы предлагаем широкий порядок дня, намекаем на свою “паллиативную” программу... Отклоняют? ... Не хотите широкой, давайте более узкую... Пойдем и на самую даже узенькую, но только ни на что невыгодное для нас не пойдем. Ультиматумам не подчинимся. Если желаете только “торговать”, – давайте...»⁴⁰⁷

24 февраля, в последнем варианте проекта, Ленин указывает, что изложение коммунистических взглядов должно быть самым кратким – «... (например, в придаточном предложении), с прямым заявлением, что проповедывать наши взгляды здесь мы считаем неуместным, ибо пришли за торговым соглашением и за попыткой соглашения с пацифистской частью другого (буржуазного) лагеря. И одна из главных наших задач в Генуе как раз и состоит в том, чтобы выделить это пацифистское крыло буржуазного лагеря и объявить «желательным соглашением с ним не только торговое, но и политическое (как один из немногих шансов мирной эволюции капитализма к новому строю, чему мы, как коммунисты, не очень верим, но помочь испытать согласны и считаем своим долгом...)»⁴⁰⁸ Последнее предложение о «мирной эволюции» с точки зрения «левых» звучало уж совершенно «крамольным».

Крайне важной задачей, связанной с предстоящей конференцией, Владимир Ильич считал тщательный подбор состава делегации. Главное требование – *компетентность*. «Все члены делегации, – пишет Ленин 1 февраля, – должны подготовиться в общем ко всем политическим и финансовым вопросам, имеющим и могущим встать на конференции».

Для этого, среди прочего, они «должны *знать превосходно* книгу Кейнса («Экономические последствия мира») и подобные буржуазные и буржуазно-пацифистские книги...» И кроме того «каждый член делегации должен приготовиться специально, особо подробно, досконально к одному из важнейших дипломатических и одному из важнейших финансовых вопросов». Причем по избранной теме они обязаны предварительно выступить в печати⁴⁰⁹.

Это особо относится к подбору экспертов, которые поедут с делегацией в Геную. «Сначала экзамен им... Иначе к черту, – пишет Ленине Сталину и Каменеву 4 февраля. – Ей-ей, осрают... Всегда успеем взять говно в эксперты: сначала попытаемся выделить нечто путное»⁴¹⁰.

В тот же день, прочитав в журнале «Смена вех» статью о Генуэзской конференции, он, совершенно неожиданно для коллег, предлагает включить в состав экспертов ее автора – бывшего министра иностранных дел в правительстве Керенского, белоэмигранта, члена Парижского комитета партии кадетов Ю. В. Ключникова⁴¹¹.

28 февраля 1922 года проект постановления ЦК «О задачах советской делегации в Генуе», предложенный Лениным, принимается Политбюро. В постановление включаются два дополнения Сталина: 1. «Вопрос о *признании Соввласти* ставить не в начале, а в конце конференции», не делая из него ультиматума; 2. В противовес предложения Красина о признании Центросоюза, сельхозкооперативов и пр. субъектами переговоров, – «иметь в виду лишь один субъект – государство российское»⁴¹²

⁴⁰⁷ Там же. С. 383, 386.

⁴⁰⁸ Там же. С. 407.

⁴⁰⁹ Там же. С. 374, 375, 380.

⁴¹⁰ В. И. Ленин. Неизвестные документы. С. 503.

⁴¹¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 380.

⁴¹² Там же. С. 586.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.